

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ СОНЯ
И КЛАДОВЫЕ
ТЪМЫ

САГА О РЫЖЕИ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ

10

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

11

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЗОВ
АРЕНЫ

12

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ПОДЗЕМЕЛЬЕ
ПИФОНА

13

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КЛАДОВЫЕ
ТЬМЫ

14

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И
КЛАДОВЫЕ
ТЬМЫ

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург • Москва • 2000

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Б 41

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использована работа Frank Frazetta.

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Бейли Д.

Б41 Рыжая Соня и кладовые тьмы: Роман. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2000. — 416 с. — (Рыжая Соня).

ISBN 5-17-002260-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-93698-030-8 («Северо-Запад Пресс»)

Новые приключения отважной наемницы. Читайте роман «Рыжая Соня и кладовые тьмы».

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», подготовка текста,
серийное оформление, 2000

КЛАДОВЫЕ ТЬМЫ

тро вновь началось со спуска. После легкого завтрака отряд покинул гигантский пустой зал. Минувя выходной портал, воины один за другим останавливались, не в силах сделать ни шагу от изумления. Их взорам открылась изумительная картина, настолько невероятная, что многим казалось, будто они видят сон. Лестница в отличие от тех, что остались позади, не поворачивала ни вправо, ни влево, а плавно уходила вперед и вниз.

Ширина же ее была такой, что, скорее, ее следовало назвать залом, однако низкие уступы в несколько шагов, из которых состоял пол, говорили о том, что это все-таки лестница.

На невысоких подиумах справа и слева красовались выполненные в натуральную величи-

Роман Дж. Бейли «Кладовые тьмы» является продолжением дилогии «Подземелья пифона»

ну статуи, видимо, представлявшие собой галерею воинов и народов, входивших в незапамятные времена в некий союз, о котором не осталось в памяти людей и смутных преданий.

Воины были и пешими, и верховыми, причем не только кони несли на своих спинах всадников, но и верблюды и даже слоны. Боевые колесницы, казалось, в любое мгновение готовые сорваться с места и ринуться в атаку на врага, застыли на бегу, словно их остановило заклинание неведомого мага.

А цвет... Алый гранит ступеней и черный мрамор статуй. Это зловещее сочетание заставляло даже самых суровых и опытных ратников Логова поежиться.

Но самым странным оказалось то, что тела скульптур скрывала одежда! Так что оставалось непонятным, то ли уже изваянные статуи кто-то нарядил в драгоценные доспехи и шелка, то ли живые существа — воинов и животных — сначала расставили по местам, а затем обратили в камень. Это предположение могло показаться чудовищным, но Север знал: история Ахерона полна жестоких и кровавых тайн, и потому отвергать такую возможность никак нельзя.

— Великая Волчица! — услышал Вожак восклицание Кучулуга.

— Ради этого стоило рискнуть жизнью! — восторженно прошептал кто-то из воинов.

До сих пор Северу бросалась в глаза только прекрасная работа ваятеля, но теперь он разглядел и нечто иное. Самоцветные камни украшали оголовья и шлемы, бесценные перстни унизывали пальцы, ожерелья, гривны и просто тяжелые золотые цепи висели на шеях. Многие скульптуры сжимали в руках богато украшенные драгоценные жезлы власти. Об оружии и говорить не приходилось.

Одним словом, ослепительная роскошь просто кричала со всех сторон. Казалось, статуи — или все-таки люди? — стремились превзойти друг друга в обилии украшений и богатстве вооружения.

— Быть может, прихватить кое-что с собой? — тихо спросила Соня, но ее, как ни странно, услышали все.

Разговоры смолкли, и воины обернулись к своему предводителю, ожидая, что он ответит. Вожак тут же понял, что подруга его права: людям обещали богатую добычу. И вот теперь после гари, копоты, пепла, останков неведомых страшилищ наконец-то все увидели блеск драгоценностей, и такое великолепие не могло не взволновать воинов. Каждому наверняка хочется получить все и сейчас.

Тем более что многие исключительно из-за щедрого вознаграждения согласились участвовать в рискованном походе. Когда же, как не теперь, пора хоть немного ублажить их?

— Хорошо,— кивнул он.— Кучулуг! Выстави охранение. Нам не нужны неприятности. И помните,— обратился он уже ко всем,— разбогатеть — хорошо, но остаться в живых — еще лучше. Так что не жадничайте. Еще будет возможность на обратном пути прихватить все, что сможете унести.

Люди одобрительно загладели. Недовольно ворчали лишь те, кому на долю выпало встать в охранении, но и они не слишком сетовали, понимая, что, даже если они вытряхнут из мешков еду и до отказа набьют их золотом, им не унести и тысячной части всех сокровищ.

— Ты лучше меня разбираешься в драгоценностях,— повернулся Север к Соне.— Осмотрись, может, что и понравится...

Рыжеволосая красавица кивнула и направилась вдоль ряда статуй, выбирая, как отметил про себя Север, то, что стоит подороже, а весит поменьше.

— Я вижу, Вожак тоже не чужд простых человеческих радостей,— услышал он насмешливый голос Халимы и обернулся к колдунье.

— Когда-то,— спокойно ответил он, словно не замечая язвительных ноток в ее голосе,— кучка такого барахла, прихваченного в замке йезмитов, помогла Соне спасти мою жизнь.

— Знаю,— кивнула Пифия, и на сей раз в ее голосе не было и тени сарказма.— Просто не думаю, что стоит одаривать этих...

Она сделала ударение на последнем слове, и ее прекрасное лицо исказила брезгливая гримаса.

— Не понимаю, что тебя тревожит,— равнодушно пожал плечами Север.— Ты ведь не из своего кармана платишь. К тому же, если хочешь, чтобы люди верили тебе, следует держать слово. Странно, что мне приходится напоминать о такой простой истине...

Халима нахмурилась. Ей явно не понравился его ответ, хотя Север не понимал, что она надеялась услышать. Уж не думала ли Пифия, что Вожак нарушит обещание и заставит людей пройти мимо такой роскоши?

Между тем воины начали возвращаться.

Все были оживлены, на лицах сияли радостные улыбки. У кого-то за поясом сверкало драгоценными камнями богатое оружие, кто-то обвешал себя с головы до ног безделушками — каждый выбрал себе вещи по душе.

Соня подошла к Северу и, распустив завязки поясной сумки, показала ему сваленные в беспорядке броши. Все они представляли собой крупные мастерски ограненные камни в скромной, неброской оправе. Больше всего здесь было бриллиантов, хотя встречались и изумруды, причем самые дорогие — темные.

— Настало время решить, идем мы дальше или возвращаемся,— сказал Вожак, когда все собрались вокруг него.— Я никого не тороплю

с ответом,— добавил он, жестом останавливая тех, кто уже открыл было рот.— Но к концу дня все должны определиться, чего они хотят.

Отряд зашумел, и, верно уловив общее настроение, Кучулуг поднял руку, требуя тишины:

— К чему тянуть, когда и так все ясно? Мы идем дальше.— Он обвел воинов взглядом, но ни один не возразил и не отвел глаз.

Халима с уважением посмотрела на Вожака: его простой расчет полностью оправдал себя.

Настроение у всех приподнятое, карманы набиты драгоценностями. Да кто же захочет повернуть назад, когда впереди, быть может, их ждут несметные богатства, которые прежде никому и не снились?

Еще совсем недавно хмурые и озабоченные лица теперь были довольными и радостными. И главное, похоже, все ратники и думать забыли о смерти и об опасности. Удача наконец-то улыбнулась им, и каждому сейчас казалось, что так будет и дальше. Ни сомнений, ни уныния. Все жаждали продолжить путь.

— Дозволь-ка мне сказать кое-что,— вмешалась вдруг Соня, и Север бездумно кивнул, хотя понятия не имел, что ей пришло в голову.— Это не статуи.— Она мотнула головой, показывая на уходящую в темноту галерею воинов.— Это люди, превращенные в камень.

— С чего ты взяла? — спросил Север, в то время как остальные насторожились.

Он и словом не обмолвился о том, что заподозрил то же самое. Его, однако, смутило лишь поразительно высокое мастерство безвестных ваятелей, а его подруга подходила к скульптурам гораздо ближе и, видимо, сумела разглядеть нечто ускользнувшее от его взгляда. Поэтому Северу, как, впрочем, и всем, было интересно услышать, что она скажет.

— Я уж не говорю о том, что облачать в доспехи статуи не принято. В конце концов, это могло быть просто блажью мастера. Но украшения...— прошептала она и замолкла, заставив всех теряться в догадках.

Воины невольно принялись рассматривать добычу, пытаясь сообразить, что Соня имела в виду.

— Что же особенного в украшениях? — не выдержал Кучулуг.

— В самих побрякушках — ничего,— пояснила девушка.— Но диадему или, к примеру, гривну довольно просто надеть на статую, но как надеть ей на палец перстень, а после сжать каменную десницу в кулак?

— А ведь и верно,— проворчал Холд.— Я тоже заметил... Но как-то не подумал...

Разговоры мгновенно стихли. Все тут же вспомнили, где находятся, и каждый невольно представил, как будет выглядеть в ряду изва-

яний с дурацкими побрякушками на шее и бесполезным мечом в руке.

— Хорошо, что ты заметила это,— нарушил гнетущую тишину Север.— Мне и самому казалось удивительным столь высокое мастерство. И то, что статуй не одна сотня, а выполнены все как будто одной рукой. Ты что скажешь, Халима? — обратился он к колдунье.

Ей хотелось крикнуть: «Да! Это магия! Такая мощная, что и у меня, опытной колдуньи, все холодеет внутри от одной мысли об этом!». Но она сдержалась, понимая, что должна заставить этих трусливых крохоборов идти дальше. А это значит, что ответ ее должен прозвучать убедительно, а стало быть, надо тщательно обдумать каждое слово, каждый жест.

Пифия прикрыла глаза, медленно вытянула перед собой руки, ладонями вперед, и сразу ощутила струящийся вдоль стен сильный поток магии. Ей даже подумалось, что, быть может, она сумела бы оживить кое-кого из окаменевших людей, и на несколько ударов сердца почудился отголосок чужих мыслей, молящих о помощи, но она усилием воли отогнала наваждение. «Не время,— по-деловому рассудила она,— можно заняться этим после, на досуге. Нет, об этом и упоминать не стоит, ибо такая судьба страшнее смерти...»

— Так оно и есть,— важно кивнула наконец Пифия.— Тела обратились в камень, и камню

не одна тысяча лет. Они уже давно не люди и никогда уже не станут ими,— убежденно проговорила она.— Так что никакой опасности и нет.

— Хорошо,— кивнул Вожак.— А теперь решайте,— повторил он.— Еще не поздно повернуть назад.

Вновь все замолчали. От бездумно-радостного настроения не осталось и следа, но отступить все равно никому не хотелось.

— Мы идем дальше! — вновь выразил общее мнение Кучулуг, и опять никто не возразил ему.

Отряд двинулся вперед.

Поначалу люди еще глазели по сторонам — всех невольно привлекал жутковатый вид окаменевшего воинства, но очень скоро занятие это прискучило. Сколько их здесь? Сотни? Тысячи! И ратники из Логова перестали обращать на них внимание. Теперь они на ходу рассматривали свою добычу, обсуждали с приятелями возможную цену той или иной вещи, а так же вспоминали знакомых скупщиков, которые не скупятся, приобретая выгодный для себя товар. О страшной судьбе горемык — бывших владельцев доставшихся им сокровищ — никто больше не вспоминал.

Севера мало интересовало происходившее вокруг него. Его устремленный вдоль галереи взгляд пытался, казалось, проникнуть в скры-

тый непроглядной тьмой портал, уже видневшийся далеко впереди. Этим утром он воздержался от обычного предостережения о том, что они вот-вот могут встретить живых обитателей подземелья и, стало быть, следует соблюдать осторожность, хотя именно сегодня, по всей вероятности, не ошибся бы. Все это понимали, и все словно забыли об этом. Всех заботили совершенно иные вопросы, и только Север, быть может, единственный из отряда думал о деле.

Даже Соня думала о другом. Ее, правда, тоже мало заботили ценности, которые она прихватила с собой.

Девушка настойчиво пыталась понять, где они сейчас находятся, но, промучившись некоторое время, отступилась. Оставшиеся позади спуски по завернутым в разные стороны спиральям сбили ее со следа.

Поглощенная своими мыслями, она не сразу заметила, что Халима поравнялась с ними, и только когда колдунья заговорила, оторвалась от размышлений.

— Признаю, что вела себя неправильно,— сказала она, и Соня догадалась, что Пифия имеет в виду какой-то разговор, состоявшийся в ее отсутствие.— И все-таки не стоит обещать им слишком много. Колдуньи Похиолы вряд ли одобряют такую щедрость...

Север ответил не сразу.

В два шага он пересек ступень и спустился на следующую, прежде чем заговорил:

— Я дал людям слово, и я его сдержу. К тому же не следует забывать, что они рисковали жизнями, чтобы получить это барахло. Что же касается Лухи и ее окружения,— добавил он после паузы,— то пусть лучше занимаются своими делами.

— Они могут прибегнуть к силе,— заметила Соня.

— Тогда поступим так,— ответил Север, не задумываясь.— По возвращении предложим воинам добровольно пожертвовать часть добычи в пользу Логова. И никто при этом не должен узнать, что каждый оставит себе. Чтобы не было ни зависти, ни лишних разговоров,— с усмешкой закончил он.

Наконец они приблизились к четвертому ярусу, и здесь лазутчики остановились, поджидая отряд. Обернувшись, Север прикинул, что углубились они не меньше чем на три тысячи локтей, хотя прошли расстояние, раз в десять большее.

Впереди лежал город.

Это Вожак понял сразу, как только увидел вход. Уже не портал, как прежде, а именно городские ворота. Две огромные сторожевые башни возвышались на добрую сотню локтей над головами людей, изумленно взиравших на них. Между собой башни соединялись галере-

ей, испещренной узкими бойницами. Распахнутые тяжелые кованые створки словно приглашали чужаков войти внутрь, но, если их закрыть, могли выдержать нешуточную осаду. Вот только людей в бойницах не было видно...

— Ну что рты разинули?! — первым пришел в себя Кучулуг. — Или приглашения ждете?! Вперед! — скомандовал он, и десятники тут же повторили приказ, сопровождая его, каждый на свой лад, крепкими выражениями.

Держа луки наизготовку, лазутчики первыми миновали крепостные ворота и скрылись за стенами. Очутившись внутри, Север удовлетворенно кивнул, словно именно это и ожидал увидеть — перед ним раскинулся весьма необычный город. Странные одноэтажные дома без окон с плоскими крышами лепились друг к другу по бокам широких улиц и просторных площадей. Перед домами виднелись статуи, расставленные между колоннами, которые подпирали широкие террасы, составлявшие единое целое с крышами — видимо, когда-то на втором ярусе располагался обширный парк. Как и на лестнице-галерее, на каменных людях поблескивали дорогие украшения, и Север с неприязнью подумал, что здешние обитатели весьма своеобразно понимали искусство ваяния.

И еще Вожак невольно отметил еще одну особенность. Эта часть подземелий сильно от-

личалась от всех пещер, которые уже миновал отряд.

Они, правда, уже встречали что-то отдаленно напоминавшее город... Или, скорее, гирканское поселение. Но здесь все выглядело иначе. Прямоугольные дома навевали воспоминания о Янайдаре, но больше ничем этот город не походил него.

— Посмотри, — прошептала Соня, подтверждая догадку Севера, — похоже, что на крышах когда-то цвели огромные сады. Давай посмотрим, что там, наверху?

Вожак кивнул, и по прямой лестнице они поднялись на крышу самого большого здания.

— Ну! Я же говорила! — Девушка подбежала к большой каменной ванне, выхватила клинок и взрыхла им то, что лежало внутри. — Смотри! Земля!

— Вижу, — кивнул Север, — однако меня, признаться, больше интересует вот это.

Он направился к высившейся неподалеку стене и остановился рядом с безобразным проломом высотой примерно в десять локтей и вдвое меньше шириной.

Соня подошла поближе, но не проронила ни слова.

— Что же тут необычного? — пожал плечами Кучулуг, который приблизился совершенно незаметно и встал рядом. — Стена выложена из блоков. Порода осела, они и упали.

— Нет.— Север покачал головой.— Это именно пролом, а за ним ход.

— Пожалуй, ты прав,— признался гирканец.— Но тогда получается, что ход ведет в недра земли, где ничто существовать не может. Посмотри сам — сплошной камень.

— Как знать...— уклончиво ответил Вожак.

— Все-таки странный способ для бегства...— проворчал Кучулуг, глядя сверху вниз на возившегося с блоками Вожак.

— Да не для бегства,— откликнулся тот.— Взгляни.— Он перевернул один из них так, что стали видны и лицевая сторона, и тыльная.— Вот обработанная плоскость,— он похлопал рукой по гладкой поверхности,— а вот та, которой блок примыкал к скале. Видишь эти следы? Это когти. Кто-то пробил лаз в скале, а наткнувшись на стену, просто вывернул блоки из кладки.

Гигант-гирканец недоверчиво пожал плечами, а Соня с изумлением уставилась на чудовищные царапины.

— Кто же это мог быть? — задумчиво прошептала она.

— Не знаю,— честно признался Север.— Зато могу сказать, что ростом это существо примерно с тебя,— он окинул Кучулуга взглядом с головы до ног, затем перевел взгляд на отверстие в стене,— а в плечах, пожалуй, даже несколько шире.

— В земле роются те, на кого охотятся зубастые твари,— высказалась наконец до сих пор молчавшая Халима.— Те, что покрупнее.

— Я-то думал, их дичь — люди,— покачал огромной бритой головой гирканец.

— Нет,— уверенно возразил Север.— Ты ведь видел, что осталось от людей. Кое-кто, быть может, и уцелел, но эти наверняка ушли вглубь, и если мы их встретим, то на более низких уровнях.

— А с чего ты взял, Вожак, что людей истребили? — спросил один из воинов, молодой замориец по прозвищу Прыгун.

— А ты посмотри на эти камни,— предложил Север.

— Это камни из пролома,— пожал плечами парень.

— Тонко подмечено,— усмехнулся Вожак.— Но они успели обрасти мхом, на который нарос толстый слой мусора. Сколько лет, а скорее, сотен лет для этого понадобилось?

— Да не такой уж он и толстый, этот слой,— уже не так уверенно ответил Прыгун.

— И снова ты прав,— согласился Вожак, и парень расплылся в довольной улыбке.— Только ты забыл про один пустячок: мы под землей. Здесь не дуют ветры, что приносят с собой пыль. Вся грязь от людей и зверей. Как только их не стало, перестал расти и слой пыли. Почти перестал...

— Хватит болтать! — нахмурилась Соня. — Зря только время тратим.

— И то верно, — улыбнулся Север. — Только учтите, теперь придется держаться вдвойне, если не втройне осторожнее. Мы не знаем, кто прорыл эти ходы. Если Халима права, то нам нечего опасаться, но неизвестно, кто еще пользуется этими проходами. И если так, то в любое мгновение из лаза может появиться нежданный гость.

Спустившись, они продолжили поиски, первым делом заглянув в дом, на крыше которого только что побывали, но ничего интересного найти там не удалось.

Внутри было пусто, лишь вдоль стен стояли изгрызенные в труху остатки мебели, да повсюду на полу валялся помет грызунов. Два пролома в стене подтвердили догадку Вожака о том, что пробившие их существа довольно высоки и широки в плечах — и ничего больше. Если что-то и осталось здесь от прежних обитателей, то искать что бы то ни было, копаясь в слежавшейся грязи, никому не хотелось.

Покинув здание, они двинулись дальше, вдоль широкой улицы и, быстро миновав ее, попали на вторую площадь, гораздо более просторную, чем первая, и здесь их ожидало неожиданное зрелище. На площади повсюду стояли шатры, похожие на те, что отряд нашел на предыдущем уровне. Все они находились в та-

ком же состоянии: каркасы разрушены, шелк то ли истлел от времени, то ли съеден.

Так — улица за улицей, площадь за площадью — отряд двигался вперед.

Чтобы не плутать понапрасну, Север выслал вперед две группы лазутчиков, и те довольно быстро разыскали короткий путь к воротам на противоположном конце города.

Все устали и стремились поскорее добраться до места, где можно бросить пожитки, поесть и, вытянувшись на жестких шерстяных одеялах, заснуть. Поэтому шагали, не глядя под ноги. Обломки мебели, которые еще совсем недавно путники изучали с напряженным вниманием, теперь вообще никого не интересовали.

Даже за золотыми безделушками, то здесь, то там мелькавшими в гряде отбросов, никто не хотел нагибаться.

В самом деле — стоило только подойти к любой из застывших по бокам улиц и площадей статуй, как в поясных сумках прибавлялись пара-тройка колец, браслет или изящная цепь. Некоторые так и поступали время от времени, но даже Халима перестала уже ворчать по этому поводу: золота и драгоценных камней оказалось слишком много.

Однако несмотря на то что всем было ясно: тут обязательно должны быть люди, никаких намеков на пребывание человека сейчас, обна-

ружить так и не удалось. И по-прежнему вокруг царил гнетущая тишина...

Наконец добрались до последней городской площади. От ворот ее отделяла только одна улица. Заночевать решили прямо на ней, тем более что площадь оказалась относительно чистой.

Лагерь разбили на самой середине, подальше от стен, так, чтобы дозорные могли наблюдать за каждой из четырех сходящихся к площади улиц. Настораживало только то, что стены в этой части города были гораздо сильнее, чем в других местах, испещрены проломами, и многих одолевала тревожные мысли.

Даже статуи, которых тут оказалось не меньше, чем в других местах, не привлекали к себе блеском золота.

— Нужно разжечь огонь,— заявила Халима.

И хотя Север не испытывал восторга от возможности привлечь к себе внимание зубастых хозяев, спорить не стал, понимая, что колдунья права.

Правда сам он не стал бы этого делать, но люди устали от этого призрачного мира и, хотя открыто не жаловались, недовольство высказывать не стеснялись. В конце концов, решил он, если дозорные не заснут, ничего страшного не случится. К тому же Север понимал, что с огнем все наверняка почувствуют себя увереннее.

Собрать в окружавших площадь домах остатки мебели, облицовки стен, словом — всего, что только могло гореть, не составило труда.

Вокруг лагеря разожгли с десятков костров, расставив возле каждого посты из трех человек, которым предстояло, сменяя друг друга, дежурить, пока все отдыхают. Остальные улеглись спать в центре круга.

— Ты знаешь,— заметила Соня, устраиваясь поудобнее,— я ведь раньше любила живопись, скульптуру...

— Я помню,— кивнул Вожак.— Если мне не изменяет память, ты даже показывала Ханторэку Шадизар...

— Смотри-ка, запомнил,— усмехнулась девушка, и тут же посерьезнела: — Но после сегодняшней прогулки, кажется, никогда не смогу любоваться статуями...

— Извращения! — пожал плечами Север.— Извращения всегда сопутствуют распаду.

— Только не делай, пожалуйста, вид, что тебе все равно!

— Ну конечно, нет,— мягко улыбнулся он.— Вот только те, кто в этом повинен, давно расплатились за все сполна.

Соня не стала спорить. Только подумала, что он, скорее всего, как всегда, прав, и, положив ему на плечо голову, закрыла глаза. Она мгновенно заснула, а потому не слышала, как продолжали галдеть люди у костров. Обычно

такие вечера принято проводить за глотком другим доброго вина, но сейчас у них даже воды не хватало, а о вине предпочитали не вспоминать. Впрочем, со многими лишениями воинов примирило золото. Они с удовольствием рассуждали о том, на что пустят вырученные за сокровища деньги, и, казалось, даже забыли об усталости, но вскоре десятники разогнали всех по местам: завтра предстоял трудный день.

В отличие от своей подруги Север не спал. Он нежно гладил возлюбленную по волосам и думал о том, что еще один день прошел, а они так никого и не встретили.

Никто уже не заговаривал об этом, словно опасался накликать беду, однако то, что жизнь в подземельях есть, не подлежало сомнению, и то, что местных жителей нигде было не видно, вовсе не радовало, а настораживало.

Сама собой напрашивалась мысль, что хищники если и не разумны, то, по крайней мере, хитры.

Если они, действительно, отступают перед людьми, то это не может продолжаться слишком уж долго.

Отряд не намерен поворачивать назад, а значит, чем дальше продвигаются воины Логова, тем меньше времени остается до встречи, которая может оказаться для многих роковой. Вожак все чаще и чаще задумывался о том, что

предпримут подземные монстры, когда поймут: отступать дальше некуда. Или незачем? Похоже, драки не избежать, и драка будет жестокой...

Север прислушался. Кучулуг обходил сторожевые посты у костров, проверяя, все ли в порядке.

Впрочем, вполне вероятно, все будет не так. Если твари отступают, то они осторожны. Они вполне могут попрыгаться в норы и напасть на отряд, когда он пойдет обратно. Сам Вожак предпочел бы именно такой ход.

С одной стороны, люди устанут, а с другой — расслабятся, ибо на всем пути не встретят никакой опасности. Их станет проще застигнуть врасплох, а значит, проще справиться. Да, об этом стоит подумать и, главное, предупредить воинов, чтобы постоянно были настороже.

Наконец лагерь погрузился в тишину. Дольше всего разговоры продолжались у костров, где сидели охранники. Прыгун тараторил, не умолкая ни на миг. К тем украшениям, что он снял со статуй в галерее, он добавил еще несколько небольших, но весьма ценных безделушек уже здесь, в городе. Он все болтал и болтал, пока не обнаружил, что все вокруг него спят. Тогда он надулся, явно обидевшись на приятелей, и в досаде пнул одного из спящих, Паризо.

— А? Что? — захлопал тот спросонья глазами.— Пора?

— Нет, спи,— удовлетворенно хмыкнул замориец.— Это Чико лягнул тебя во сне.

— А-а! — протянул тот, зевая.— Вечно он сучит ногами... Как собака.

Он помолчал немного, затем поднялся на ноги и потрусил к границе светового круга.

— Эй! Ты куда собрался? — окликнул его Прыгун.

— Облегчиться хочу. Надеюсь, ты не возражаешь? — ухмыльнулся тот.

— Не уходи далеко, я должен тебя видеть.

— Не замечал за тобой такого! — гоготнул уже издалека Паризо.— Хочешь понаблюдать, так иди со мной!

— Урод...— процедил сквозь зубы замориец и крикнул вслед: — Журчи громче!

Он прислушался, словно и впрямь надеялся, что Паризо выполнит его просьбу, но неожиданно до него донеслись глухое ругательство, неясный вскрик, какое-то чавканье и бульканье.

— Эй! Паризо! Если ты обосновался надолго, посвистывай!

Однако ответа не последовало, и тут только парень насторожился. Он быстро посмотрел по сторонам, но все вокруг спали.

«Тоже мне, стражники!» — с неожиданной злостью подумал он, вскочил на ноги, подхва-

тил из костра горящее полено и медленно двинулся вперед. С каждым шагом чавканье становилось все громче. Парень испугался не на шутку, но, словно им управляла чужая воля, продолжал идти вперед, пока...

Он успел увидеть черную тень, метнувшуюся к центру города. Ему показалось, что, прежде чем исчезнуть, существо обернулось и пристально посмотрело на него ярко светившимися в темноте красными, как свежая кровь, глазами. Прыгун хотел закричать, но сердце затрепетало в груди, метнулось вверх и застряло в горле. И только ноги все шагали и шагали сами по себе. Слабый свет горячей деревяшки выхватывал из кромешной тьмы все новые участки, прежде скрытые от взгляда. И наконец он увидел... Лужу крови, в которой лежали белеющие в темноте кости и рваные лохмотья мяса...

Когда до него наконец дошло, что случилось, он вскрикнул. Так ему, по крайней мере, показалось, однако на самом деле вместо крика из его горла вырвался то ли слабый писк, то ли сдавленный хрип.

— Паризо...— прошептал он еле слышно.

Прыгун вновь закричал, чувствуя, как волосы на голове поднимаются дыбом, но опять лишь слабый хрип вырвался из его уст. Тихий шорох показался ему оглушительным грохотом. Он поднял искаженное ужасом лицо и

увидел нацеленный на него взгляд горящих животной злобой глаз. Молодой зингарец мгновенно понял: это конец. Трепещущее сердце его наконец перестало перекрывать горло, и он заорал, раз за разом все громче и громче, пока долгий истошный вопль не разорвал ночную тишину и люди не пробудились ото сна.

Воины внутри кольца костров вскочили на ноги, ничего не понимая спросонья, кроме одного — с кем-то случилась беда, которая не может не коснуться каждого. И теперь они лихорадочно озирались, страхивая остатки сна и пытаясь хотя бы понять, откуда донесся крик.

* * *

В эту ночь не спал и Хэлдир. Хотя к вечеру старик почувствовал, что безумно устал, тревожные мысли не давали ему покоя.

Целый день он потратил на то, чтобы отыскать скрывшегося из виду Странника.

Он не желал повторять неудачную попытку обнаружить таинственного незнакомца в прозрачном мире, прекрасно помня, чем такой поиск закончился в первый раз, но все-таки пошел на риск, и удача улыбнулась ему. Странник так и не почувствовал его присутствия.

К сожалению, Хэлдир все-таки упустил своего противника, слишком много времени потратив на тщетные старания прочесть сожженную записку.

Ему так и не удалось это сделать, к тому же и враг успел улизнуть.

После нескольких безуспешных попыток снова найти его маг догнал отряд и расположился на ночлег на крыше одного из прилегавших к площади домов.

Когда жизнь в лагере замерла, он расстелил плащ, устроился поудобнее, но, хотя глаза его и слипались, сон не шел: предчувствие надвигающейся беды мучило старца. Он перевернулся на спину и посмотрел вверх (яркие звезды на черном бархатном небе всегда успокаивали его), но тут же вспомнил, что находится глубоко под землей, тяжело вздохнул и перевел взгляд на один из костров.

Трое сидевших вокруг него воинов бодрствовали дольше других. Конечно, дозорному вообще не годится спать, но Хэлдир знал: опытные воины зачастую позволяют себе дремать на посту. И вовсе не потому, что они слишком самоуверенны или небрежны. Просто со временем многие обретают способность пребывать в весьма своеобразном состоянии — полусне-полуяви, когда человек спит и одновременно видит и слышит все, что происходит вокруг.

Зрение ему заменяет чутье, а слух — внутренний голос, и эти сторожа, как правило, оказываются самыми надежными. Да и вообще сон воина редко бывает крепким, ибо эти люди не привыкли к спокойной и безопасной жизни.

Размышляя о странностях человеческого сознания, Хэлдир и сам не заметил, как задремал. Он даже начал видеть сны, но, едва лишь слышал шум шагов, мгновенно открыл глаза. И замер, стараясь ни единым движением не выдать своего присутствия. Один из воинов встал и направился прочь от костра, в его сторону. Хэлдир невольно проследил взглядом предстоявший тому путь и насторожился, когда в дверях одного из пустых домов увидел темный силуэт Странника, которого безуспешно прискакал весь день.

Замерев, тот явно следил за приближавшимся к нему человеком. «Что ему понадобится?» — недоумевал Хэлдир, однако тревогу поднимать не спешил, потому что Странник ничего не предпринимал. Он просто замер на месте и смотрел на воина, который явно ничего подозрительного в темноте не замечал. Маг пытался угадать, что задумал его тайный противник, и, быть может, именно поэтому слишком поздно обратил внимание на еще одно существо ростом с большого пса. Оно неподвижно сидело на месте и, как и Странник, следило за человеком. Темнота мешала Хэлдиру как следует рассмотреть его. Старец лишь видел, что оно стоит на задних лапах, но почему-то сразу решил, что это зверь.

— Если ты обосновался надолго, посвистывай! — крикнул оставшийся у костра ратник

как раз в то мгновение, когда его приятель нашел наконец подходящее местечко и начал распускать завязки штанов, а потому ничего не ответил.

Дальнейшее произошло слишком быстро, чтобы старец успел что-либо предпринять. Он увидел, как существо сделало два быстрых шага и на миг остановилось точно посередине между людьми, словно выбирая, на кого из них напасть. Странник явно не приглянулся зверю, ибо тот почти без колебаний выбрал воина. Хэлдир сразу понял, что сейчас будет, но даже крикнуть не успел. Именно в этот миг человек и сам почувствовал неладное и обернулся на странный шорох.

Он увидел два обращенных на него горящих в темноте глаза, от неожиданности выругался, и рука его потянулась к висевшему на поясе кинжалу, но так и не коснулась до него.

Резким и неожиданно длинным прыжком зверь метнулся вперед, и его челюсти сомкнулись на горле жертвы. Послышались сдавленный хрип, шум недолгой борьбы и чавканье, от которого мага едва не стошнило. Словно сквозь сон услышал он встревоженный голос оставшегося у костра стражника — внимание старца приковал к себе Странник. И хотя стоял он совершенно неподвижно, Хэлдир мог поклясться, что это порождение Тьмы с удовольствием наблюдало за убийством.

Второй воин тем временем медленно брел вперед, освещая себе дорогу головешкой, которая давала больше дыма, нежели огня. Тем не менее зверь отскочил в сторону, потому что, как и все ночные твари, не любил света, но уходить не спешил.

Парень склонился над убитым, но, когда увидел, во что превратился его товарищ, в ужасе отпрянул. Зверь приготовился ко второму прыжку, однако сдавленный крик жертвы заставил его остаться на месте.

Правда, он все-таки подобрался для прыжка, но парень поднял голову и, встретившись взглядом с красными глазами твари, вновь вскрикнул, уже громче, и, вместо того чтобы наброситься на него, зверь кинулся наутек.

И тогда парень увидел Странника. Тот почему-то не ушел, и лишь мгновением позже маг понял, почему.

Ему мгновенно припомнился рассказ Сони, и он выругал себя за недогадливость. Что спасло жизнь бедолаги — расстояние или то, что молодой воин вскрикивал все громче и громче, пока крик его не перешел в надсадный, исполненный ужаса вопль, Хэлдир не знал. Но только парень, не прекращая орать, бросился к лагерю, а Странник, развернувшись, быстро зашагал прочь. Старец же поднялся и, подхватив с земли плащ, бесшумно направился следом за ним.

* * *

— Что случилось?!

Север поймал попытавшегося проскочить мимо него заморийца и встряхнул его, как тряпичную куклу, но тот продолжал орать благим матом и таращиться в темноту обезумевшим взглядом. Видя, что парень ничего не соображает, Вожак отвесил ему оплеуху, за ней еще одну, и еще, и еще... Потом вновь встряхнул.

— Приди в себя! — гаркнул он. — И расскажи, что случилось!

— Там! — Прыгун махнул рукой в сторону темневшего между домами прохода. — Там... Паризо! — клацая от страха зубами, с трудом выговорил он.

— Веди! — приказал Север.

— М-м-м! — замычал Прыгун, не в силах больше вымолвить ни слова, и отрицательно замотал головой, показывая, что ни за что не согласится выйти за круг света.

— Перестань трястись, сопляк! — рывкнул Кучулуг. — И делай, что тебе сказано, или я сам тебя прикончу! Замориец дико взвизгнул, так что непонятно стало, чего он больше боится, и судорожно кивнул, давая понять, что гнев гирканца все-таки страшнее. Он двинулся вперед, еле-еле переставляя ноги, а воины направились за ним. Однако, надо отдать ему должное, Прыгун все же сумел взять себя в

руки и через некоторое время даже смог более-менее связно рассказать, что произошло.

Зрелище оказалось не столько неожиданным, сколько отвратительным. В луже крови лежал их товарищ без лица, зловеще скалясь выскобленным добела черепом. Север нагнулся и взял мертвеца за руку:

— Теплый.

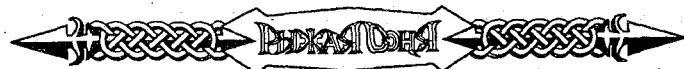
— Его ведь только что... — пролепетал Прыгун, так и не сумев заставить себя договорить фразу.

— Да, только что, — кивнул Вожак, — и это странно. — Он поднял голову, увидел обращенные на него взгляды, в которых застыло удивление, и тут же пояснил свою мысль: — Крови в нем, по-моему, не осталось ни капли, и сама она не могла вытечь...

— А ведь и верно. — Держа факел над головой, Кучулуг нагнулся к убитому и оттянул ворот кольчуги. — Похоже, кто-то успел высосать все!

Он указал на красные точки на шее, потом такие же нашлись и на запястьях.

— Такое я видел в джунглях Зембабве, когда на нас напали летающие вампиры, — заметил Каруго, и все посмотрели на старого десятника, который за свою долгую жизнь успел исколесить полмира. — Правда, дырок тогда было поменьше. Видать, местные твари торопились.

— Хватит разговоров! — Север подтолкнул заморийца в спину. — Пошли! Расскажешь мне еще раз, что запомнил. — Он на ходу обернулся к гирканцу: — Кучулуг! Пусть уберут тело. Утром решим, что с ним делать.

Он развернулся и пошел к кострам, то и дело подталкивая парня, который, казалось, сам идти не мог.

— Вы слышали, что сказал Вожак?! — заорал гирканец. — Быстро взяли, понесли! Да не в лагерь, шакалы сыны! Или собираетесь всю ночь на него таращиться?!

Он продолжал драть глотку, и проклятья сыпались направо и налево, но Севера это уже не волновало.

Он сам не знал, что надеется услышать от парня. Видно, чувствовал, что тому есть что сказать, и другим, судя по всему, это было крайне интересно: большая часть людей вернулась вместе с ними.

— Что там? — спросила Соня, когда они пришли в лагерь.

Она, как Халима и человек десять воинов, в основном немолодых уже и опытных, оставалась у костров.

— Первая жертва, — коротко бросил он, не желая описывать подробностей, и повернулся к парню: — Ты остановился на том, что увидел труп и закричал. Давай-ка дальше. Сдается мне, ты не все рассказал.

Тот испуганно посмотрел на Вожака, но, увидев спокойный взгляд его серых глаз, решился.

— Верно,— кивнул замориец.

— Ты ведь видел тварь,— подсказал ему Север.

— Ну... Только тень и глаза,— выдохнул парень.— И их было двое! — вдруг выпалил он. Похоже, это испугало его больше всего.

— Двое? — удивился Вожак. Он, конечно, понимал: ничего нет странного в том, что тварь пришла не одна, но внутренний голос подсказывал ему, что не все так просто.

— Да,— кивнул Прыгун и вдруг заговорил с воодушевлением.— Один, тот, что с красными глазами, убил его, а второй, с черными, наверное, сторожил.

— Так они были разными? — спросил Кучулуг, незаметно присоединившийся к слушателям.

— Да,— вновь кивнул парень.— Тот второй был человеком!

— Ты уверен? — забеспокоилась Соня.

— Ну, он выглядел как человек,— помявшись, ответил замориец.— Хотя теперь, когда ты спросила, я не знаю.

— Попытайся вспомнить его.

— Ну...— Молодой воин задумался.— Я ведь видел только силуэт. По сравнению с красноглазым — огромный! — Он посмотрел в глаза

Северу: — Больше тебя, Вожак.— Он обвел всех взглядом.— Как Кучулуг.

— Что-о?! — взревел великан.— Да я тебя!

— Перестань! — Север досадливо поморщился.— Не время обижаться! Что еще запомнил? — обратился он к парню.

— Глаза! — вдруг выпалил замориец.— Черные глаза, но они не светились, а наоборот, словно пытались высосать из меня силы и волю!

— Странник! — ахнула Соня, и Север мрачно кивнул, соглашаясь с ней.

— Кто такой этот Странник? — с трудом подавив дрожь в голосе, спросила Халима, в то время как остальные подавленно молчали, чувствуя, что случилось что-то еще более ужасное, чем смерть их товарища, но даже отдаленно не представляя себе, что именно.

Соня ничего не ответила, даже не посмотрела на колдунью, опасаясь, что не выдержит и всерьез поссорится с ней, потому что не сомневалась: Пифии гораздо больше известно о Страннике, чем им обоим вместе взятым.

— Я не знаю, кто такой Странник,— сжимая подруге руку, чтобы Соня успокоилась, ответил Север.— Знаю только, что это, скорее всего, человек или кто-то на человека похожий, он носит темно-серый плащ с капюшоном, постоянно накинутым на голову. Знаю, что никто не видел ни его лица, ни тела. Знаю, что

магия его основана на силе Тьмы. И еще знаю, что Странник охотился за мной и за Соней, еще когда мы не познакомились.

Север закончил свой короткий рассказ и посмотрел колдунье в глаза. Он мог поклясться, что ей стоило большого труда выдержать этот взгляд.

Однако она не проронила ни слова, давая понять, что все сказанное для нее — новость. Даже изобразила сочувствие и удивление. Зато люди вокруг растеряно озирались, словно искали поддержки один у другого, но не находили ее. Только что все говорили о вампирах, а теперь оказывается, что опасаться следует и какого-то Странника, от которого даже огонь не спасет!

Неровный гул прокатился по отряду. Каждый помнил рассказ товарища о взгляде, что способен лишить воли, и каждый понимал, что защититься от этого может любой ребенок — зажмурился, чтобы не видеть ужаса, и нет его! Но как тогда увидеть того, красноглазого?!

— А ну молчать! — прикрикнул на них Север, когда почувствовал, что страх людей становится неуправляемым. — Галдите, как бабы!

— Но магия... — проворчал кто-то.

— У нас есть знаток магических штук, — негромко, но так, чтобы ее слышали все, заметила Соня и выразительно посмотрела на колдунью. — Вот пусть и займется...

Халима поймала ее многозначительный взгляд и поняла, что проклятой рыжей девке все известно! А значит, известно и Северу! И все, что она может сейчас — это старательно делать вид, что они ошибаются, а она знать ни о чем не знает.

— Не тебе приказывать, что мне делать! — запальчиво выкрикнула она и повернулась к Вожаку.

— Считай, что это сказал я, — нахмурился тот, не отводя взгляда. — Ты справишься с этой напастью. Я верю в тебя, — сказал он, и, сколько ни вглядывалась колдунья в его спокойные глаза, она так и не поняла, говорил он искренне или в его словах был скрытый смысл.

— Я сделаю, как ты велишь, — наконец ответила она. — Но мне потребуется время.

— Хорошо, — кивнул Вожак. — Принимайся за дело, и помни: пока мы не будем уверены, что опасность никому не угрожает, в путь не тронемся.

Она закусил губу, развернулась и ушла. Кучулуг поморщился, пожал плечами, но ничего не сказал.

Он тоже, как и Соня, понимал, что в этом коротком разговоре скрыто больше смысла, чем выражено словами. Остальные мгновенно успокоились насчет Странника и принялись обсуждать вампиров. Почему-то всем запаала мысль о том, что они крылаты, и войны напе-

ребой предлагали способы уничтожения летучих тварей.

— Так что же делать, Вожак? — спросил Каруго, который первым вспомнил о летающих кровососах. — В джунглях они подбираются, когда человек спит, и садятся на него так тихо, что даже опытный воин ничего не слышит.

— Никаких крылатых вампиров здесь нет, — спокойно пояснил Север. — Ясно как день, что, случись такое, они давно напали бы на спящих в лагере, а не стали бы дожидаться, пока кто-то выйдет за его пределы.

— Возможно, они просто боятся света, — заметил кто-то.

— Все может быть, — согласился Вожак. — Но это нам тоже сгодится. — Он обвел своих людей внимательным взглядом: лица хмурые, но никто не поддавался панике. Только Прыгун... Но он единственный столкнулся со Странником, а Север на собственном опыте убедился, сколько сил нужно, чтобы противостоять ему. Впрочем, парень, вроде бы, успокоился. — Не повторите ошибки, — продолжил он, — держитесь парами, следите за огнем, и все уцелеете.

Он кивнул им и отправился спать. Похоже, на этот раз голос разума оказался сильнее страха. Во всяком случае, разошлись быстро. Кучулуг проводил их насмешливым взглядом и догнал Севера.

— Подумать только! — усмехнулся он. — Я доказывал им то же самое, и хоть бы что! Кажется, для них главное — не что говорят, а кто.

— Это потому, что ты привык вколачивать им свои приказы, — миролюбиво заметил Север.

— Получается, мне для убедительности недоставало проломить пару черепов! — расхохотался гирканец.

* * *

Странник и не думал бежать. Он просто отступил к следующей площади и там затаился, устроившись возле стены.

«Похоже, что отдых ему и правда не нужен», — подумал Хэлдир, устраиваясь так, чтобы видеть и лагерь Севера, и своего «подопечного».

Старый маг вспомнил, как равнодушно наблюдал Странник за расправой над человеком, и неожиданно подумал, что тот был вовсе не просто зрителем, а виновником того, что произошло. Но как такое могло случиться, да и вообще могло ли?

«Да нет, все-таки могло, — сам себе ответил старец. — Если уж Страннику ничего не стоит подавить волю человека, то со зверем он справится и подавно. Ему было проще простого привести эту тварь к людям, указать ей, где

она может найти пищу, причем в изобилии. Но зачем?»

Хэлдир задумался. В самом деле, зачем?

Ответ пришел сам собой: чтобы выманить человека и завладеть его волей... Но что это даст ему? Старик вспомнил записочку, которую могла оставить только Халима.

Вот это да! Получается, что Странник не слишком-то доверяет своей сообщнице. Причем настолько, что решил раздобыть еще одного осведомителя, а это значит... Это значит, что они не ошиблись в своих предположениях, и здесь есть что искать. Что именно, маг не знал, но понял одно: это что-то настолько значительно, что таинственный Странник не просто хочет заполучить вещь в свои руки, но даже сам отправился за ней.

Да, все пошло гораздо хуже, чем замышлялось. Убит один человек и чуть не погиб второй. Он, Хэлдир, видел, как все происходило, но не сумел даже толком рассмотреть ни убийцу первого, ни того, кто покушался на второго, не говоря уж о том, что не смог предотвратить беду. Надо что-то делать, иначе вся эта «прогулка» закончится весьма плачевно.

* * *

Проснувшись поутру, люди не обнаружили убитого, хотя дверь дома, где его положили, осталась закрытой и приваленной снаружи

камнями. В темноте никто не заметил небольшого пролома, через который и утащили труп. Все молчали, не в силах произнести ни слова. Каждый невольно представлял, для чего могли унести Паризо, и всем становилось не по себе. И только Халима равнодушно пожала плечами и проворчала под нос:

— Оно и к лучшему. Меньше забот.

* * *

Город, вызвавший поначалу бурный восторг и живое любопытство, покинули без сожаления. Никто не сомневался перед спуском, что не обойдется без жертв, но каждый надеялся, что страшная участь обойдет его стороной. И вот один уже отправился в Страну Мертвых. А ведь он тоже наверняка думал, что вернется из похода и остаток жизни проведет в богатстве и радости.

Крепостные ворота походили на те, через которые отряд вошел в город, как две капли воды, но на сей раз воины не рассматривали их, а каждый невольно ускорял шаг, стремясь побыстрее уйти отсюда. Зато ведущая вниз лестница не шла ни в какое сравнение с величественной галереей, что привела их к городу. И хотя она не уступала размерами ни одному из трех винтовых спусков, здесь не было не только статуй воинов, но и ниш, предназначенных для них. Если когда-то что-то и украшало это

место, то теперь от былой роскоши не осталось ни следа.

Лазутчики ушли вперед, хотя каждый понимал, что изучать тут особенно нечего. Просто составлявшие ядро отряда воины знали: напади на них кто угодно, они успеют подготовиться, а от этого подчас зависит очень многое, если не все.

Ступень за ступенью спускались они, и только топот сапог по камню нарушал тишину. Разговор не клеился.

Похоже, все думали о том, что случилось ночью. Спуск длился долго.

Люди давно перестали ориентироваться в пространстве и потеряли представление о времени, когда вернулись лазутчики и сообщили, что достигли следующего уровня.

— Ну наконец-то! — пробасил Кучулуг и, обогнав всех, пошел во главе отряда и вскоре скрылся за поворотом. — Здесь все совсем не так! — услышал Север его голос и ускорил шаг.

— Это еще что?! — воскликнул он, выйдя на обширную площадку, раскинувшуюся перед подковообразным порталом зала, посередине которой стоял гирканец в окружении десятка воинов.

— Что там такого? — недовольно пробасил он, не понимая, что могло заинтересовать Вожака в куче старых костей.

— Человеческий скелет. Первый за все это время, — пояснил Север, и Кучулуг нахмурился: а ведь и верно.

— Это, похоже, скелет Паризо, — добавила Соня, поддев мечом запавший между ребрами медальон.

Воины, негромко бормоча проклятия, обступили их, чувствуя, что самые мрачные ожидания, похоже, сбываются.

— Эге! — воскликнула девушка. — Тут не только медальон. Тут все золото, которое он собрал!

— Не нравится мне все это, — проворчал Каруго. — Нас явно предупреждают, чтобы не совались дальше.

Он посмотрел на Севера, и тот кивнул, соглашаясь.

— Верно, — усмехнулась Соня. — Это первое, что приходит в голову.

— Первое не значит верное, — возразил Кучулуг, увидев, что Халиме не нравится этот разговор: слишком много надежда его подруга возлагала на этот спуск, а он считал своим долгом помогать ей. — Ну! — Он поднял кошель Паризо. — Кто хочет быть его наследником?

Он смотрел на своих людей, надеясь, что кто-нибудь из них отзовется, но каждый, на ком останавливался его взгляд, отводил глаза в сторону.

— Брать золото покойника — дурная примета, — заметил, наконец, Холд. — Не принесут эти деньги счастья.

— А я не верю в дурные приметы! — отрезал Кучулуг, убирая кошель в суму. — Вернемся домой — помянем погибшего, а пока пусть полежат у меня.

При этих словах Соня поморщилась, а Север как будто и вовсе ничего не слышал: гораздо больше его занимал усиливающийся ропот за спиной. Кто бы ни задумал эту жестокую шутку со скелетом, он добился своего: люди испугались, и это было совершенно естественно. Никому не хочется закончить свой жизненный путь в желудке гнусной твари. Поначалу он еще надеялся, что недовольство уляжется само собой, но скоро понял, что это не так, и тогда спокойно заметил:

— Каждый из вас волен вернуться — обиды держать не стану. Мне нужны лишь добровольцы. Решайте прямо сейчас.

Он замолчал и окинул взглядом ратников, которые лишь вздыхали и виновато опускали глаза. Казалось, бунт подавлен. И все-таки девять человек вышли из строя и собрались за спинами своих товарищей. Некоторое время все стояли молча. Потом, стараясь ни на кого не смотреть, маленький отряд развернулся и направился вверх по лестнице.

Север знал, что больше не увидит их. Такое чувство время от времени возникало у него и никогда не обманывало. Поэтому и теперь он не сомневался, что даже если кто-то из них и сумеет выбраться на поверхность, в Логово он наверняка не вернется. Исполненный ненависти взгляд Халимы лучше всяких слов предупреждал о том, что ждет отступников.

Шаги давно стихли, а воины все стояли на месте и молчали, размышляя над тем, что их ждет впереди. От вчерашнего воодушевления не осталось и следа. Надежды на благополучный исход померкли и стали призрачными. Даже те, кто остался, ничего хорошего уже не ждали.

— Скатертью дорога, — заявил вдруг Кучулуг. — Мы прошли половину пути, и первая же неприятность выбила их из седла. Знал бы, не взял с собой... А ведь Паризо погиб из-за собственной дурости. Ну? Что вы молчите? Вспомните о том, что вы воины, а не знатные дамы на прогулке!

Гирканец окинул людей гневным взглядом и, не дожидаясь ответов, зашагал вперед.

— У нашего друга прорезался ораторский дар, — беззлобно засмеялась Соня и, переступив через скелет, направилась вслед за гирканцем.

Зал резко отличался от всего, что им встречалось до сих пор. Низко нависший потолок

подпирали многочисленные, колонны, расположенные по кругу.

Четыре роскошные арки, расцвеченные затейливым орнаментом из цветной эмали, стояли по две справа и слева от входа, причем в каждой преобладал один цвет: зеленый, синий, красный и черный.

— Ну и кто мне скажет, что это значит? — спросил Север, когда все вновь собрались в середине зала.

— Ясно как день, — высказалась первой Соня, — что залы разделены по назначению.

— Это понятно, — кивнул Вожак. — Вот только каково назначение каждого из них?

Кто-то хохотнул в толпе, и Север порадовался, что люди, судя по всему, начали приходить в себя. Он обернулся к Халиме:

— Быть может, ты объяснишь, где нам чего ждать?

— Ни один из орнаментов ничего мне не говорит, — ответила она, — а одни и те же цвета в разных магиях имеют разный смысл. — Пифия задумалась, прежде чем продолжить. — Но если пытаться сопоставлять цвета со сферами жизни, то красный должен означать кровь.

— Зал воинов, — предположил Север.

— Вполне вероятно, — не стала спорить колдунья.

— Тогда черный может означать магию, — заметила Соня. — Черную магию...

— Не исключено, — пожала плечами Пифия. — Но может означать и черную землю, или зал земледельцев.

— Тогда за красной может располагаться бойня, — сказала Соня.

— Здорово, — усмехнулся Вожак. — Значит, за одной дверью воины или живодееры, а за второй — колдуны или крестьяне. Ну а остальные две?

Все молчали. Понимая, что все предположения могут оказаться по меньшей мере нелепыми, никто не хотел выглядеть дураком. И тогда заговорил Кучулуг. Ни от кого не укрылось, что после последнего разговора с Севером гирканец не прочь поболтать. Быть может, он и впрямь решил доказать, что способен убеждать не только силой?

— Повара! Крестьяне! — пренебрежительно фыркнул великан и отвернулся. — По-моему, все это чушь собачья, — проворчал он.

Воины расхохотались, но свое мнение никто высказывать не торопился. Люди разбрелись по залу и вновь начали рассматривать входы.

— Надоела эта темень! — сообщила Соня, запалив один из факелов, и принялась обходить стены.

Желтое пламя заплясало по кроваво-красному граниту, отбрасывая густо-черные тени. Колдунья следила за ней насмешливым взглядом, словно заранее знала, что ничего умного

ее соперница придумать не сможет. Хоть Халима и не сумела разгадать ни значения цветов, ни смысл орнамента, она чувствовала себя на коне. Она пообещала оградить отряд от Странника и выполнила свое обещание. С этим никто не мог поспорить, а то, что ей понадобилось для этого вовсе не колдовать, а всего лишь оставить на ближайшей к выходу статуе маленькую записочку, ничего не меняло по сути, ведь знала об этом только Пифия. Остальные же, и даже Север — так, по крайней мере, казалось ей самой — смотрели на нее с уважением. На самом же деле Вожак не сомневался, что она успела связаться со своим сообщником и просто передать ему, чтобы он оставил отряд в покое... Но об этом опять-таки знали только он сам да его подруга. Соня же надеялась сейчас отыскать какие-то надписи или указатели, но надежда ее и впрямь оказалась тщетной.

На ровной кладке из аккуратных блоков, которые совсем не тронуло время, не было ничего, кроме медных скоб для факелов, а каждую арку перекрывали тяжелые золотые ворота. Причем все они оказались заперты, иначе все споры давным-давно разрешились бы сами собой. Теперь же люди не торопились, не желая угодить в ловушку. Недолго думая, Север велел тут же располагаться на ночлег, справедливо рассудив, что утро вечера мудренее. Да и обороняться, если на них внезапно напа-

дут, здесь проще, ведь противники могут явиться только сверху.

Костер разложили недалеко от выхода. Топливо принесли с собой, собрав в городе наверху обломки мебели покрупнее. Всем, не только Соне, надоела темень, а мертвенный свет, в котором все представало через магические камни — и того больше. К тому же огонь позволял защититься от местных тварей, которые явно предпочитали держаться подальше от света.

После того как девять человек решили вернуться наверх, их осталось сорок восемь, и теперь все собрались у костра, чтобы решить, какую из дверей вскрывать в первую очередь. Каждый приводил свои доводы, не слишком убедительные и потому тотчас отменяемые остальными, которые тоже не могли придумать ничего путного.

— Все, что здесь говорилось, никуда не годится, — высказался наконец и Вожак, который до того не проронил ни слова. — С равным успехом можно принять любое предложение. А потому, если к утру никто не скажет ничего на самом деле серьезного, начнем с левой крайней двери.

— А почему не с правой? — тут же полюбопытствовала Соня.

— Она черная... — Север недовольно поморщился. — Я не люблю черный цвет, — пояснил

он под общий смех.— А левая арка желтая, как солнышко.

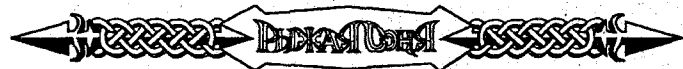
Халима пренебрежительно фыркнула, но ничего не сказала.

Она понимала, что начинать все равно придется и что Север прав: раз ни у кого нет стоящих мыслей, остается просто ткнуть пальцем. Зато когда молодой замориец решил поддержать Вожака, а потом заявил, что главное — остаться в живых, и лучше уж вернуться с пустыми руками, чем набить карманы сокровищами и погибнуть, Пифия не выдержала.

— Ты просто трус! — гневно сверкнув глазами, заявила она и поднялась на ноги, грозная, как богиня мщения.— Из-за твоей расхлябанности уже погиб человек. И если бы не его смерть, девять других трусов не ушли бы!

Прыгун мгновенно сник и как-то съежился под ее взглядом, вздрагивая от каждого слова, как от удара плетью. Ему вдруг резко расхотелось возвращаться в Логово, где — теперь он нисколько в этом не сомневался — ему припомнят прошлую ночь.

Он затравленно оглянулся, но все, с кем он встречался взглядом отводили глаза. Неужели и они считают его виновником смерти Паризо? Но ведь он никого не предавал! «Но ведь зингарец мертв!» — тут же напомнил ему внутренний голос. Парень поймал взгляд Кучулуга, и гирканец недовольно поморщился.

Он знал жестокий нрав своей подруги, ведь даже его она подчас не щадила. Хотя парень вроде бы и впрямь виноват... Жаль, не вовремя затеяла она этот разговор: только-только люди немного приободрились...

— Не нужно никого осуждать,— услышал он мягкий голос Севера и, переведя на него взгляд, увидел, что Вожак смотрит на разгневанную колдунью.— Никто умирать не хочет. Жажда жизни всегда на первом месте у любого человека. А чувство долга и прочие моральные обязательства — все это лишь вторично. К тому же владычица говорила то же самое, провожая нас сюда...

Соня согласно кивнула, и Кучулуг еле заметно улыбнулся, довольный тем, что теперь он может промолчать. Поняв, что гроза миновала, Прыгун шумно выдохнул, вытер со лба испарину, как чудом избегнувший страшной смерти человек.

Прекрасные черные глаза колдуньи резко расширились, и Вожак понял, что она готова взорваться, но вспышки не последовало. Вместо этого она отвела взгляд и, пожав плечами, заметила с сарказмом:

— За один день мы лишились десятерых, но ты говоришь, что ничего страшного не случилось. Что ж... В конце концов, это твои люди.

Она отвернулась, показывая, что не намерена продолжать спор.

— Все слышали, что сказала Пифия? — спокойно обратился к воинам Север, и Халима невольно напряглась, ожидая, что он собирается оставить последнее слово в споре за собой. Тем более что Пифией он называл ее очень редко. — Нас стало на десять меньше. Еще два таких дня — и мы все рискуем не вернуться! Отныне те, кто отдыхает, должны отдыхать, а те, кто их охраняет, — бодрствовать. Все! Расходитесь!

Двенадцать человек расположились у входа — по шесть справа и слева от костра — и, быстро разбившись на пары, установили очередность дежурства. Остальные отправились в глубину зала — спать. В отличие от прошлых ночей, когда люди долго шептались, прежде чем заснуть, сегодня разговаривали мало.

Каждое произнесенное слово гулким эхом разносилось по залу, будто стены отвечали непрошеным гостям, да к тому же настроение колдуньи испортила всем, так что болтать не хотелось.

Соня не спала. Она лежала, положив голову на плечо возлюбленного, и думала о том, что Север, конечно же, прав. Хотя и Халима по своему права...

С другой стороны, рано или поздно кто-то неизбежно должен был стать первой жертвой, и наверняка нашелся бы тот, кого обвинили бы в его гибели, а на самом деле виновный

лишь в том, что не смог всего предусмотреть. А обвинять и наказывать... Кто знает, кому суждено стать следующим? Может, сегодняшнему обвинителю. Или тому, кто провинился накануне.

Она не заметила, как начала размышлять о том, что ждет их завтра. Вспомнив вечерний разговор, она невольно подумала, что безопаснее всего, пожалуй, пойти туда, где можно встретить крестьян. И хотя большинство склонялось к тому, что заниматься земледелием в пещерах под землей просто невозможно, ей казалось, что это совсем не так.

Еще вчера отряд бродил по большому покинутому городу, а раньше они видели поселения, похожие на гирканские, да и на нижних уровнях наверняка есть что-нибудь подобное. Ведь повсюду здесь жили люди, и кто-то должен был их кормить. Впрочем, те, у кого была еда, имели гораздо больше шансов выжить... И если это им удалось, то наверняка не без борьбы.

Незаметно для себя Соня заснула и пробудилась только от звука человеческих голосов. Не открывая глаз, она прислушалась и едва не расхохоталась: эти олухи вновь затеяли перепалку, споря, для чего же все-таки предназначены залы. Открыв глаза, она увидела, что большинство ее спутников уже проснулись и теперь сидят у костра. Девушка быстро подня-

лась и присоединилась к спорщикам. Ей не терпелось высказать свое мнение о желтой двери, орнамент которой представлял собой набор замысловатых вензелей, сплетенных из лозы с огромными листьями. Однако она так и не успела ничего сказать.

Из-за портала, со стороны лестницы, до них донесся звук шагов бегущего человека. По мере того как топот становился громче, ратники умолкали и озабоченно смотрели в темноту, совсем уже не радуясь костру, который теперь только мешал им.

Когда стало ясно, что это и правда шаги, все поняли, что ушедшие возвращаются, но радости по этому поводу никто не испытал. Каждый понимал, что вернуться они решили не по собственной воле.

Люди вскочили с мест. Дюжина отдежуривших ночь дозорных выстроилась по бокам портала, в то время как остальные бросились к вещам, быстро увязывая изрядно похудевшие мешки. Подхваченные гулким эхом торопливые шаги все приближались, хотя по расчетам воинов, человек давно уже должен был показаться.

Наконец темный силуэт появился из-за поворота.

— Не стреляйте! Это я, Халк! — крикнул человек, испугавшись направленных на него луков.

Он успел сделать еще два шага, прежде чем силы оставили его окончательно и он повалился на руки товарищей, выскочивших ему навстречу.

— А-а! Проклятье! — взревел Кучулуг. — Да что же это!

— Сюда его несите! — крикнул Север, но ратники уже и сами внесли Халка под низко нависшие своды зала.

— Великая Волчица, кто его так? — прошептал Каруго.

Все не защищенные доспехами части тела бедняги оказались покрыты мелкими кровоточащими ранками.

— Похоже, беднягу не загрызли, — заметил Чико, — а просто высосали из него кровь. Посмотрите — он совсем белый.

Но Север и сам уже увидел, что к чему. Он достал и мешка флягу с крепким вином, что держал про запас, и приложил горлышко к побелевшим губам умирающего. Халк сделал глоток, другой, закашлялся и открыл глаза.

— Хватит, — сказал он и окинул взглядом склонившихся к нему людей.

На его щеках выступил слабый предсмертный румянец. Похоже, он и сам понимал, что видит друзей в последний раз, а потому виновато улыбнулся, прежде чем заговорить.

— Ты, как всегда, оказался прав, Вожак. Не стоило нам уходить, — прошептал он и при-

крыл глаза, словно даже это ничтожное усилие оказалось для него чрезмерным. Он долго молчал, собираясь с силами.— Мы очень спешили... Хотели вернуться за один переход...— Он говорил с долгими перерывами, стараясь произнести хоть одну фразу до конца.— Не успели... Дошли до города, а там...— Халк снова умолк, то ли оттого, что у него совсем не осталось сил, то ли заново переживая весь ужас случившегося.— Они лезли изо всех дыр,— прошептал он совсем тихо и вдруг открыл глаза и уставился невидящим взглядом в темный потолок.— Не пройдем... Не пройдем...— дважды повторил он уже в бреду.— Назад, к нашим... Не выпустят...

Он говорил все тише, а люди слушали его, не перебивая, и, затаив дыхание, ловили каждое слово.

Он же пробормотал «не выпустят...» и еще некоторое время бубнил что-то совершенно бессвязное, но никто уже не мог понять смысла.

Он так и затих на полуслове, а глаза мертвеца продолжали слепо таращиться в темноту над головой.

— Умер,— сообщил Север, поднимаясь.

Воины старались не смотреть друг на друга, словно несли ответственность за смерть человека, который предал их, бросив на произвол судьбы.

— Ну и что нам теперь делать? — Холд задал наконец вопрос, вертевшийся у каждого на языке.

— А что изменилось? — холодно ответила Халима и смерила старого воина брезгливым взглядом.— Трус и предатель получил то, к чему стремился.— Теперь она обращалась ко всем.— Покопайтесь в своих душах и ответьте честно, многие ли из вас всерьез верили, что отступники выберутся на волю? — Она обвела мужчин торжествующим взглядом.— Я думаю, никто!

«Колдунья, как всегда, рада чужой беде,— подумала Соня.— Хотя она, безусловно, права. Все мы ожидали для предателей именно такой участи, однако каждый наверняка надеялся, что ошибается. Правду она сказала, но, как ни странно, в ее устах даже правда становится грязной...»

— Уходить надо! — неожиданно заявил Чико.— Я не желаю сдохнуть ни с золотом, ни без него!

Если бы только Халима могла предположить, что ее обвинения в трусости сработают не так, как она рассчитывала, а наоборот! Она бы воздержалась. А так получилось, что она выставила напоказ общую постыдную тайну. Чего же теперь стесняться?

— Ты хочешь повторить его судьбу?! — зло огрызнулась она.— Давай! Проваливай!

— Уходить нужно вместе,— поддержал Чико Каруго.— Поодиночке мы все погибнем!

Окинув ненавидящим взглядом толпу при- тихших воинов, Халима поняла, что все со- гласны с Каруго. Никто, правда, с ней не спо- рил. Все старательно прятали глаза.

— А-а! — вскричала она, совершенно теряя голову.— Вы все заодно! Уроды! Я всегда гово- рила, что на западе живут лишь изнеженные трусы! Но, клянусь Тьмой,— прошипела она,— вы заплатите за предательство!

Каруго, однако, в ответ на ее оскорбления лишь гордо вскинул голову.

— Моя честь не требует от меня бессмыс- ленной смерти! — едва сдерживая ярость, от- ветил он.— В любом случае решать не тебе.— Он повернулся к Северу.— Я высказал свое мнение, но никогда не откажусь исполнить приказ.

— Я считаю, что ты прав,— отозвался Во- жак.— Сейчас самое время вернуться.— Он увидел как вспыхнули гордостью глаза старого зингарца и ненавистью — черные глаза Пи- фии.— Однако мы пойдем вперед,— сказал он после паузы.

— Не понимаю,— изумилась Соня.— Быть может, объяснишь?

— Да что тут объяснять? — махнул рукой Север.— Вчера мы получили предупреждение, чтобы дальше идти нельзя. А сегодня поутру

нам показали, что станет с теми, кто рискнет вернуться назад.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что Халку позволили добраться до нас только затем, что- бы он предупредил нас?!

— Все может быть,— не стал спорить Се- вер.— Но если отбросить любые догадки, ясно одно: мы угодили в ловушку, и выбраться из нее по той же дороге, по которой мы пришли сюда, нам не дадут.

— Что ж по-твоему, мы обречены? — с вы- зовом спросила Халима, и Соня удивилась: как она не поймет, что нельзя бесконечно испыты- вать терпение, да еще когда все так плохо.

Однако Север лишь улыбнулся и спокойно ответил:

— Нет, почему же? Просто теперь нам при- дется драться. Драться и уходить все глубже. Туда, где нас не ждут. Драться и ждать, когда представится возможность вырваться отсюда.

Несмотря на то что мнение Вожака всегда принималось безоговорочно, на сей раз Соня увидела, что большинство не согласно с ним. Людям по-прежнему не верилось, что они не пробьются к выходу.

Всего и пройти — два зала. А там и пожа- рище, до конца еще не прогоревшее, которое защитит их от любых зубов. Правда, никто по- ка не высказывался, но девушка не могла от- делаться от впечатления, что все готовятся

к драке. Несколько мгновений спустя им действительно пришлось драться. Только не так, как они предполагали...

— Что это?! — неожиданно воскликнул Прыгун и затрясся как осиновый лист.

Пестрая толпа, только что дрожавшая от страха, будто по волшебству, сразу вновь стала отрядом воинов. Лица ратников стали суровыми и сосредоточенными, руки потянулись к оружию.

Неясный гул накатывался на них волнами, то усиливаясь, то затихая, словно топот бесчисленного воинства, и от напряженного ожидания волосы поднимались дыбом. Все пристально всматривались в темноту, ожидая, что вот сейчас на них навалится зубастая рать, повалит всех с ног, захлестнет, а когда схлынет, на полу останутся только белые обглоданные дочиста кости и кучки драгоценностей и золота...

— Кучулуг! — как гром среди ясного неба прозвучал спокойный голос Вожака, и ужас отступил, но первым пришел в себя гирканец.

— Вы что, уже мертвы?! Крысиный корм! — заорал он. — Щиты в линию! Лучники, к бою! Живее, выродки! Если хотите, чтобы вечером жрали вы, а не вас!

То ли гирканец оказался на редкость красноречив, то ли люди поняли, что Север прав и теперь им предстоит драться и отступать, но

только больше никто не роптал. Воины схватились за оружие и выстроились широким вогнутым полукругом, сомкнув перед собой высокие прямоугольные щиты и ошетилившись копьями. Десяток лучников замер за их спинами, изготовившись к стрельбе.

— Как у тебя дела? — Север остановился у возившейся с замком Сони.

Не поднимая головы, девушка торопливо ответила:

— Глубоко. Отмычки не достают.

Десять человек стояли по бокам двери, готовые в любой миг ворваться внутрь, и еще десяток приготовился прикрыть их стрелами, но при этих словах Телохранителя все занервничали.

— Справишься? — спросил Север.

— Справлюсь! — откликнулась девушка. — Просто не-у-доб-но, — от напряжения по складам произнесла она.

Раздался мерзкий скрежет стали о сталь, что-то внутри двери шелкнуло, и все услышали, как провернулся внутри механизм, сдвигая язычок запора.

— Остановитесь! — прикрикнул Вожак на воинов, подавшихся к двери. — Ни к чему спешка! Приготовьте огонь и ждите. Уходить тоже надо с умом... — проворчал он, возвращаясь к portalу, но на полпути его остановила Халима.

— Я должна попасть туда первой,— заявила она, и Север досадливо поморщился, настолько нелепым показалось ему это требование.

— Зачем тебе? — все-таки поинтересовался он, просто потому что не привык отказывать без причины.

— Тут может понадобится магия,— неожиданно спокойно пояснила колдунья.— Это первая запертая дверь,— напонила она.— Как бы нам не нарваться на неприятности.

— Хорошо,— поколебавшись всего мгновение, согласился Вожак, и, кивнув, Пифия собралась уйти, но он удержал ее.— погоди,— тихо, чтобы никто больше их не услышал, сказал он.— Я хочу попросить тебя впредь воздержаться от обвинений и вообще от всего, что может посеять раздор. Все и так напряжены до предела. Не подливай масла в огонь.

Она посмотрела на него долгим пронизательным взглядом.

«О боги! — невольно подумал Вожак.— И как только такая красота может уживаться со столь уродливой душой?» Ему даже захотелось задать ей этот вопрос, но он понимал, что ничего хорошего из этого не получится: не время сейчас, да и не место. Наверное, он ничем не выдал себя, потому что Халима кивнула и усмехнулась:

— Конечно! Разве могу я отказать Вожаку в такой безделице?

Сказав это, она развернулась и пошла к двери, за которой все надеялись найти спасение. Север задумчиво посмотрел ей вслед. Надо же! Безделица! Он так и не понял, что она имела в виду, но и голову ломать над этим не собирався.

— Как у вас дела? — спросил он, подходя к Кучулугу.

— Топчутся они...— пробасил великан, указывая могучей рукой на мелькавшие в отдалении тени.— Не понимаю, почему? Боятся они, или не пускает их кто-то, или кого-то ждут...— Он помолчал.— Но кого?

— Кого-то? — задумчиво повторил Вожак.— Кого-то... Того, кто не боится света...

Гирканец растерянно посмотрел на него.

— Худо дело,— проворчал он,— если среди них отыщется такой.

Некоторое время они молча наблюдали за беспорядочным перемещением теней на нижних ступенях лестницы, пока откуда-то издали до них не донеслось грозное рычание. Судя по голосу, существо было могучим и огромным.

— У нас все готово,— сообщил воин, подбежавший к Вожаку.

— Наконец-то! — Север даже не пытался скрывать прозвучавшей в голосе радости: что ни говори, а поспели в самый раз.— Отводи своих людей! — кивнул он Кучулугу.

— Слышали приказ?! — тут же заорал гирканец. — Торопитесь, но без суеты!

Вожак уже смотрел в другую сторону. Он направился к золотой двери в желтой арке, где пять человек выстроились в ряд, в то время как двое толкали тяжелые створки. Со страшным скрипом золотые плиты начали открываться внутрь зала. Чем дальше, тем быстрее. Не дожидаясь, пока створки разойдутся полностью, воины начали швырять в темноту факелы, стараясь, чтобы они равномерно осветили как можно больше пространства.

Это заняло считанные мгновения, и сразу десяток воинов Каруго ворвался внутрь с луками наизготовку. Он нервно переминались с ноги на ногу, стараясь не пропустить притаившегося врага, а следом за ними спокойно вошла Халима. Она постояла немного на границе света, затем медленно двинулась вперед, миновала последний из факелов и только тут снова остановилась. Некоторое время Пифия осматривалась, поворачивая голову то направо, то налево, и Север никак не мог отделаться от впечатления, что она не высматривает, а вынюхивает врага.

Наконец колдунья повернулась к воинам и, мгновенно отыскав взглядом Севера, кивнула ему — все, мол, нормально. Вожак благодарно улыбнулся ей: теперь у отряда есть возможность немного передохнуть и подготовиться.

Он махнул рукой Кучулугу, и шеренга воинов, медленно отступив к двери, выстроилась вокруг нее полукольцом. Все теперь радовались возможности идти вперед, хотя совсем недавно и слышать об этом не желали.

Тем временем грозное рычание все приближалось. Ратники в любой миг ожидали нападения и потому не позволяли себе расслабляться. Шаг за шагом отступали они, пока за дверью не скрылись лучники, а за ними следом — и копьеносцы. Створки с шумом захлопнулись, и в скобы литых рукоятей загнали тяжелый бронзовый факел, вынутый из держателя в стене. Еще в незапамятные времена масло в его чаше прогорело, и он давно превратился в никому не нужную болванку, неожиданно пригодившуюся именно сейчас.

Только теперь люди начали осматриваться, пытались понять, не избежали ли они меньшей беды исключительно ради того, чтобы угодить в беду большую? Правда, Пифия уверила их, что зал пуст, но кто знает, что ждет их дальше. Однако беглый осмотр показал, что опасаться нечего. По крайней мере, пока, а большего сейчас было и не нужно.

Пока отряд отступал, никому так и не удалось увидеть преследователей. Только неясные силуэты, по которым можно судить о размерах тварей. Они кишели на границе освещенного пространства, готовясь броситься на незваных

гостей, но не успели. И никому в голову не пришло, что врагов вполне могло оказаться не так много, как привиделось, а тот, чей грозный рык напугал всех, наяву мог быть совершенно безобидным существом...

Когда-то Север видел лягушек, ревущих, как разъяренные быки. Правда, остальные об этом ничего не знали. Когда простая мысль о том, что все-таки удалось на этот раз обмануть собственную смерть, дошла до каждого, ратников одолел истеричный смех.

Кто рассмеялся первым, Север не заметил, но через считанные мгновения люди опустились на пол там, где стояли, не в силах сдерживать рвущегося наружу дикого хохота. Как они провели зубастых маломерков! Хохотали все: десятники и даже Кучулуг, Север и позабывший о своих страхах Прыгун; Соня и Халима. Север впервые увидел ее не ехидно улыбающейся, а смеющейся без причины, не задумываясь о том, как это выглядит со стороны...

Как ни странно, именно залиvistый хохот простой красивой девушки, в которую совершенно неожиданно превратилась Пифия, подействовал на Вожака отрезвляюще. Он согнал с лица глупую улыбку и какое-то время продолжал просто смотреть на Халиму, в очередной раз удивляясь про себя странному несоответствию ослепительной внешности девушки и ее совершенно невыносимого характера. Она

почувствовала этот взгляд и мгновенно отыскала Севера в толпе, посмотрев на него призывно и многозначительно. Вожак поспешил отвести глаза. Он направился к границе темноты, пытаясь рассмотреть, куда они в конце концов попали, и угадать хотя бы приблизительно, что их здесь ждет.

Север прошел несколько дальше, чем рассчитывал — за границу светового круга — и остановился, давая глазам привыкнуть к темноте. Когда он вновь пригляделся, то сразу понял, что место это при всей его схожести с предыдущими залами, отличается от них. И, наверное, Халима права: замок был заперт не напрасно.

Он и сам не понимал, на чем основывалась его уверенность, ведь ни кричащей роскоши, ни даже следов ее он здесь не увидел. Вдалеке стояла, как ему показалось, статуя, и он, надеясь, что не ошибся и темный силуэт именно изваяние, а не притаившееся живое существо, медленно двинулся вперед. По мере того как Вожак подходил ближе, он все больше уверялся, что глаза не обманули его: уж слишком неподвижно монумент стоял в неестественной для притаившегося в засаде воина позе.

Подойдя вплотную, он увидел, что статуя выглядит и в самом деле странно. Вроде бы человек и не человек одновременно. Или, по крайней мере, не совсем человек... Странное

создание было одето в просторную мантию, которая широкими складками спадала до пола и полностью скрывала тело, судя по всему, принадлежавшее человеку, но из того места, где должна была находиться шея, вытягивалось толстое змеиное тело не больше локтя длиной. Голова существа оказалась непропорционально маленькой, а морда (ибо лицом это назвать было трудно) — отвратительной.

Еще более мерзкой она казалась из-за того, что все-таки отдаленно походила на человеческое лицо.

Длинная, вытянутая книзу, она могла бы напоминать лошадиную (среди людей такое иногда случается), если бы не четкий рисунок на коже, какой бывает только у гадов. В раскрытой пасти виднелось множество тонких длинных зубов.

— Халима!

Север обернулся и поманил девушку. Та быстро направилась к нему, явно заинтересовавшись находкой Вожака, и, не дойдя до статуи один шаг, остановилась.

— Это нааг! — мрачно и вместе с тем торжественно произнесла колдунья. Она протянула к статуе руку, но, так и не коснувшись, отдернула ее; словно обожглась. — Я должна подготовиться, — неожиданно глухим голосом проговорила Пифия. — Прикажи никому ничего не трогать в этом зале. Особенно это отно-

сится к статуям нечеловеческих существ и незнакомым предметам.

— Ты чего-то опасаясь?

— Сама не знаю, — честно призналась колдунья и посмотрела на Севера открытым взглядом, но тут же отвела глаза, подумав, что настало, видимо, время для обещанных Странником находок. — Нааги славились очень мощной магией... Черной магией, — подумав, добавила она. — И если нам доведется столкнуться хотя бы с одним из них... — Она качнула головой, и несколько десятков тоненьких косичек, из которых состояла ее прическа, стайкой крохотных змеек метнулись к Северу, словно стремясь его ужалить. — Если столкнемся хотя бы с одним из них, — повторила она, — справиться с ним окажется весьма непросто. Если вообще удастся...

— Но этот-то, по крайней мере, мертв? — Вожак посмотрел колдунье в глаза, но не нашел в них ответа. — Или жив?

— В том-то и дело, что не знаю, — нехотя призналась Пифия, чувствуя едва ли не вину за свою беспомощность и вызванное этим раздражение. — Вспомни-ка галерею воинов. — Она пронзила Вожака гневным взглядом, словно он лишил ее колдовской силы. — У тебя не возникало невольной мысли, что вот сейчас любой из них выйдет из своей ниши или сойдет с пьедестала и потребует вернуть награбленное?

— Возникало,— согласился Север,— и не только у меня. Но ощущение нависшей угрозы и связанного с ней страха — это как раз то, что так не нравится тебе в наших людях. И с этим нужно что-то делать.

Он замолчал, и взгляды их снова встретились. Вожак ждал ответа, а Халима думала о том, как хотела бы она такого, как сейчас, доверительного разговора, но на другую тему. И с глазу на глаз.

— Ты, как всегда, прав,— еле заметно усмехнулась она.— Но мне нужно время...— Халима нахмурилась, и по ее высокому чистому лбу пробежали тоненькие морщинки.— Думаю, до ночи управлюсь.

— Время у нас пока есть,— кивнул Вожак.— По крайней мере, я надеюсь на это.

Воин ободряюще улыбнулся колдунье, и они разошлись, чтобы заняться каждый своим делом.

— Я вижу, твои отношения с Пифией становятся все более сердечными,— ехидно заметила Соня, а увидев улыбку на его лице, густо покраснела от гнева и только с большим трудом смогла сдержаться.

— Перестань,— попросил Север едва ли не виновато и шагнул к ней, чтобы обнять.— Ты же понимаешь, что сейчас как никогда мы должны забыть о раздорах, склоках и разногласиях.

Девушка, однако, ловко вывернулась из его объятий.

— Смотри только, не зайди слишком далеко.— Она усмехнулась, но голос ее дрожал.

Вожак ничего не ответил. Наверное, просто потому, что лучше других знал незамысловатое правило, по которому наряду с другими играет с людьми Рок: чтобы достигнуть главного, пожертвуй второстепенным...

Сейчас главное для него — спокойное согласие между людьми, которых уже стало значительно меньше. А второстепенное... Второстепенными оказались его личные отношения с Соней... Проклятье!

Он взглянул на свою подругу, и, поймав на себе его взгляд, она обворожительно улыбнулась, прекрасно понимая, что пущенная ею стрела попала точно в цель. Настоящий демон в женском обличье! Она и впрямь может вывести из себя любого! И зачем шутник Рок выбрал в качестве платы за согласие с Халимой его любовь к прекрасной фурии?

Занятые лишь друг другом, они позабыли о Пифии, из-за которой и произошла размолвка, и потому не видели ее довольной усмешки. А прекрасная гирканка хоть и не слышала разговора, зато уловила его смысл и несказанно обрадовалась: для предстоящего ей дела ничто не смогло бы оказаться более кстати, нежели неровные отношения Первой Пары Логова.

Ведь в этом случае так легко не заметить подмены!

Север ничего не сказал, а отправился заниматься делом, по опыту зная, что лучшего лекарства от тяжких дум не найти.

Он понимал, что все устали. Причем не столько телом, сколько духом, а значит, людям необходим отдых в спокойной обстановке. Вдвоем с Кучулугом они еще раз осмотрели место, где задумали разбить лагерь, и остались довольны.

Здесь, возле самой двери, оказалось хотя бы довольно чисто.

Правда, на каменном полу валялось немало мусора, но он не шел ни в какое сравнение с нагромождением обломков какой-то утвари, не только густо усыпанной опилками и фекалиями, но и кишевшей крысами.

Эти темно-серые твари оказались необычайно увертливыми, избегали света, но воинам Кучулуга все-таки удалось подстрелить одну. На Севера она не произвела особого впечатления. Крыса как крыса. Только размером с хорошо откормленную кошку... А так ничего примечательного. Зубы, конечно, серьезные, но у таинственных обитателей подземелий, на останки которых Вожак уже не раз наталкивался, клыки были гораздо внушительней.

— Здесь и расположимся,— одобрительно кивнул Север и отошел в сторону.

Внимание его привлекло нечто, что поначалу он принял за огромную паутину, но теперь, подойдя вплотную, засомневался.

— Если это паутина, то паук должен быть ростом с собаку,— заметила Соня, останавливаясь с ним рядом.

Теперь, несколько поостыв, она поняла, что не права. Такое нередко с ней случалось, и она решила загладить вину, сделав первый шаг к примирению.

— Да,— согласился Вожак.— Вот только собаки паутину не плетут.

— И то верно,— подумав, подтвердила девушка, и оба рассмеялись.— Но для плюща он слишком тонкий. Впрочем,— она повела плечом, которое сквозь полупрозрачную кольчугу выглядело еще более соблазнительным,— если крысы здесь как кошки, то плющ запросто может оказаться толщиной со шнурок. Тем более что, судя по всему, он давно уже высох...

Она шагнула вперед и вытянула руку, намереваясь потрогать одну из нитевидных плетей, но Север поспешно остановил ее.

— Пообещай мне не трогать ничего незнакомого,— попросил он.

— Слушаюсь, мой повелитель! — согласилась он и лукаво взглянула на него.— Только, по-моему, ты зря беспокоишься.

— Просто я опасаясь, что ты окажешься права и вся эта груда высохшей травы,— он

окинул долгим взглядом густо увитую плющом стену,— рассыплется в пыль прямо над тобой.

Она так и не поняла, говорил он серьезно или просто подыгрывал ей. Быть может, в другом случае она поступила бы по-своему, но сейчас решила последовать его совету. Девушка представила, что случится, если ей прямо на голову рухнет все это истлевшее переплетение стеблей, и согласилась, что лучше их вовсе не касаться: кольчуга защитит ее от зубов, но не закроет от пыли, а воды, чтобы смыть налипшую на тело труху, у них нет.

Когда они вернулись к отряду, все уже расположились на отдых, огонь в кострах весело потрескивал, а вскоре воздух наполнился чудесным запахом жаркого.

— Парни готовы идти дальше,— сообщил Кучулуг, явно наслаждаясь замечательным зрелищем: лицо Телохранителя Вожака сначала вытянулось, а потом исказилось гримасой отвращения. Она смотрела, как молодые, оголовшие на сухарях ребята с аппетитом уписывают за обе щеки крысиные тушки, и ей сделалось нехорошо.— Винца жалко нет, но настроение — лучше некуда! — добавил гирканец.

— Но ведь они ели...— начала было девушка, но великан в ответ на ее слова только расхохотался.

— Вот мы их за это и...— Он открыл рот и ткнул в глотку разведенными вилкой двумя пальцами.

— Как говорят митрианцы, возмездие священо,— сохраняя невозмутимый вид, глубокомысленно добавил Север.

Нашел когда вспомнить про митрианцев!..

Соня окинула мужчин возмущенным взглядом, негодуя фыркнула и ушла.

Второй раз за время блужданий по подземельям вечер прешел вполне мирно и спокойно. То, что удалось избежать, казалось бы, неминуемой опасности, а также царившие здесь тишина и умиротворенность сделали свое дело — все сумели расслабиться. Север по опыту знал, насколько это важно. Теперь бы только найти воду, и можно считать, что худшее осталось позади. Усталость и плотный ужин довольно быстро сморили всех. Лагерь погрузился в сон, и только дозорные таращились в темноту, но вскоре и они начали клевать носами.

Время от времени Вожак приподнимался на локте и долгим взглядом окидывал спящих, но все было спокойно. Ни единого звука не нарушало тишину. Наконец и он позволил себе расслабиться и заснуть.

* * *

— Так вы по-прежнему настаиваете на том, что никто не покидал лагеря?

Кучулуг говорил тихим, размеренным голосом, но каждый из десяти человек, к которым он обращался, знал, что его спокойствие не только обманчиво, но и не сулит им ничего хорошего. Однако воины стояли потупившись и молчали, потому что сказать ничего не могли — один из них пропал, исчез, растворился в ночной темноте, и на это нечего было возразить.

— Где же тело? — холодно поинтересовался гирканец.

— Именно, — заговорил вдруг Север. — Где тело? Пока мы его не отыщем, так и не узнаем, что случилось с Согом. И сдается мне, что без этого нечего и думать идти вперед.

Он вопросительно посмотрел на своих людей, и взгляд его как нарочно остановился на недавно провинившемся Прыгуне: у парня зуб на зуб не попадал от страха, а лицо цветом напоминало свежевystиранную простыню. Он и сейчас умудрился быть среди дозорных.

Замориец посмотрел на Севера и решил, что Вожак требует, чтобы он высказался первым.

— З-зря мы их-х вчера ел-ли... — клацая зубами, поделился молодой воин своими опасениями.

Кучулуг сплюнул в сердцах и отвернулся, а остальные загоготали, хотя каждый понимал, что смешного здесь мало.

— Заткнись, дурак! — прошипела Халима. — А еще лучше — откуси себе язык! Так будет вернее!

Обращенный на Вожака взгляд парня молил о помощи. Словно он и на самом деле опасался, что Пифия не ограничится простым советом, а прямо сейчас вырвет ему язык.

— Я, может, тоже скажу сейчас глупость, но язык себе, извини, откусывать не стану. — Север пристально посмотрел на колдунью. Та закусила пухлую губу, но ничего не ответила, вполне может статься, припомнив о давешнем разговоре. — Если человек — живой или мертвый — не покидал лагеря, значит, он находится внутри него. — Вожак обвел присутствующих серьезным взглядом, ясно давая понять, что вовсе не шутит. — А раз так — ищите!

Все по-прежнему стояли на месте, словно каждый прикидывал, где можно спрятаться, если спрятаться негде.

Пока ратники смотрели себе под ноги, пытаясь ответить на столь сложный вопрос, Соня быстро поглядела по сторонам и, неожиданно резко вскинув руку, вдруг указала в темный угол над головой.

— Мне кажется, или там кто-то в самом деле прячется? — негромко, но так, что услышали ее все, спросила девушка.

Мужчины бросились разжигать факелы, и вскоре все увидели висевшего на высоте не-

скольких локтей человека. По крайней мере, поначалу им показалось именно так.

— Великая Волчица...— прошептал кто-то мгновение спустя.— Да ведь это Сог!

— Вот дерьмо! — выругался один из воинов.— Конечно, Сог! Кто же еще?

Больше всего вздернутый в высоту труп походил на тысячелетнюю мумию, но как такое могло произойти с человеком всего за одну ночь, никто понятия не имел.

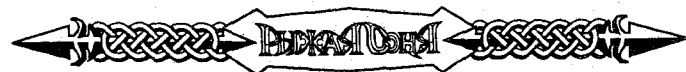
Кольчуга неловко висела на его сморщенном теле, столь быстро превратившемся в сушеный гриб.

— Что скажешь? — спросил Север, в который уже раз обращаясь за советом к Халиме и всерьез надеясь, что она сумеет объяснить, что к чему.

Однако колдунья лишь отрицательно покачала головой, и ее тонкие косички, столь похожие на змей, зловеще шевельнулись, заставив всех, кто стоял рядом, отпрянуть.

— Магия здесь не при чем,— сказала она, подумав.— То есть я хочу сказать, что умер он естественной смертью.

— Ты называешь это естественной смертью?! — ошалев от страха, вскричал Прыгун, позорно взвизгнув на последнем слове. Если прежде его лицо поражало всех белизной, то сейчас кровь ударила ему в голову, и щеки юноши пылали факелом.

— Уймись, слабоумный! — гаркнул на него Каруго.— Раз сказано, сам умер, значит, так оно и есть!

— Но он выглядит так,— поддержал заморийца его товарищ,— словно из него высосали не только кровь, но и все соки — до последней капли!

Пока друг говорил, парень притих, видно, твердо пообещав себе рта впредь не открывать, но колдунья видела, что не только он, но и прочие не склонны ей верить.

— Мне не исполнилось и шести лет,— заговорила вдруг она совершенно об ином,— когда кочевые гирканцы с юга напали на нашу деревню. Отца убили почти сразу за то, что он вместе с другими мужчинами посмел сопротивляться. Потом выловили и поубивали остальных. Никто не выжил. Но прежде изнасиловали женщин. И мою мать в том числе, хотя она кричала и молила о пощаде, ведь ей предстояло скоро родить... После этого мерзавцы, смеясь, вспороли ей живот, вынули не родившегося еще младенца и бросили в дорожную пыль, под копыта коней...

Некоторое время она молчала, и никто не посмел проронить ни звука, хотя рассказ Пифии получился страшным, да к тому же еще и непонятно было, зачем она об этом говорит...

— Так вот,— вновь заговорила она, словно почувствовав этот незаданный вопрос,— кто

мне ответит, естественна ли такая смерть для еще не родившегося младенца? — Она помолчала немного, но так и не дождалась ни от кого ни слова. — Именно тогда я поняла, что человеческая жизнь ничего не стоит, и именно тогда я научилась ненавидеть... Себе подобных...

Пифия подошла к Прыгуну, и парень замер, ни жив, ни мертв от страха.

Явно наслаждаясь произведенным ее словами впечатлением и прикованным к ней всеобщим вниманием, колдунья сняла с плеча заморийца лук и выхватила из колчана за его спиной стрелу.

— Смотрите, — сказала она, целясь в то, что осталось от Сога. — Если труп рассыплется, то в его смерти повинна магия. Если нет, он умер своей смертью.

— Нельзя так, — возразил кто-то. — Он ведь был нам товарищем...

— Именно — был, — равнодушно кивнула Халима. — Теперь ему уже ничто не поможет. И ничто не повредит, — добавила она чуть ли не весело, но от веселья этого каждому стало не по себе.

Соня и не знала, что колдунья умеет стрелять из лука, но теперь убедилась, что это так.

С сухим гулким звуком пущенная Пифией стрела вонзилась в правый глаз мумии, да там и осталась. «Словно в пересохшее бревно», —

невольно подумала Соня, но тут же выругала себя за то, что так неуважительно рассуждает о погибшем.

— И все-таки кто же его так? — впервые за все утро заговорил Холд.

— Ты можешь накинуть на него аркан? — спросил Вожак Кучулуга.

— Чего проще... — пожав плечами, ответил тот, снял с пояса аккуратно уложенную веревку и, как показалось всем, не целясь набросил на голову трупа.

Никто не заметил его нарочитой небрежности, но это совсем не расстроило гирканца. Он рванул за конец веревки — труп качнулся в сторону стоявшей перед ними толпы, и людям показалось, что сотни тонких нитеобразных щупальцев потянулись к ним. Стоявшие в первых рядах отпрянули, нутром чувствуя: чтобы не разделить участь их товарища, надо держаться подальше.

Все произошло мгновенно.

Кто-то глухо вскрикнул рядом с Вожаком. Тот резко обернулся, но даже его потрясающей ловкости не хватило, чтобы предотвратить катастрофу.

Теперь все видели, что растение только казалось высохшим, а на самом деле оно явно не прочь полакомиться чужаками. Воин, которого Север так и не узнал со спины, выхватил из ножен клинок и быстрым движением отсек

метнувшийся в его сторону отросток. Вожак предостерегающе вскрикнул, но опоздал: плеть упала и, словно червь, стала извиваться на каменной плите.

Остальные щупальца отпрянули как по команде, но люди почувствовали, что это только начало.

Само пространство вокруг словно ожило. И хотя по-прежнему ничего вроде не происходило, воздух наполнился звуками. Так гром раздается все ближе и ближе, предупреждая о скорой и неизбежной грозе, а люди ищут убежище, чтобы укрыться от дождя. Сейчас со всех сторон доносилось неясное, но не предвещавшее ничего хорошего шуршание. словно листы пергамента терлись друг о друга, скрипя и укладываясь в огромные стопки, гора которых все росла, грозя обрушиться на головы ратников, погresti их под собой.

— Что... Это?... — с запинкой спросил Прыгун, проклиная в душе тот день, когда решил спуститься в подземелья, чтобы разжиться деньгами, не прилагая к этому особых усилий.

Впрочем, и остальные выглядели немногим лучше, а главное — никто так и не понял, что происходит. И только когда пламя факелов померкло, закрытое переплетением метнувшихся к людям отростков, стало понятно, что угроза на самом деле велика.

— Огня больше! — закричал Север и набросился с клинком на кровожадное растение.

Соня стояла с ним рядом и, не задумываясь, что делает, рубила и отсекала ветви. Щупальца же, казалось, действовали совершенно осмысленно.

Во всяком случае, они тянулись только к людям и никогда к неодушевленным предметам, словно каким-то образом различали их. Разумное существо, правда, наверняка попыталось бы зайти сзади и уж наверняка первым делом позаботилось бы о собственной безопасности. Гибкие же плети рвались вперед и, тут же обрубленные, сотнями валились на пол, но откуда-то все время появлялись новые и новые...

Схватка только еще набирала силу, а люди уже чувствовали себя загнанными в угол, многие уже мысленно простились с белым светом.

— Уходить пора! — крикнул кто-то.

— Некуда уходить! — отозвался Вожак. — Снаружи нас только и ждут! — объяснил он и вдруг посмотрел на пол. — А-а-а! Проклятье! Под ноги смотрите! — тут же приказал он. — Под ноги! И принесет мне кто-нибудь огня?!

Он кричал и рубил, рубил и ругался, а по квадратным каменным плитам ползли к нему гибкие, жесткие щупальца.

Точно змеи... Страшнее змей... Одно их, бесспорно, роднило: как и их животные собратья,

гады растительные стремились добраться до теплой человеческой плоти.

— Больше огня! — крикнул Север, когда факелы наконец запылали. — Жгите все, что может гореть, иначе нам конец!

Он дрался как сумасшедший, и хотя Соня не уступала ему, да и остальные сражались с отчаянием людей, которые защищали свои жизни, довольно скоро стало ясно, что если что-то не изменить, причем прямо сейчас, то участь их решена. Крики доносились со всех сторон, и Вожак понимал: даже если они победят, кого-то из своих людей он не увидит уже никогда.

— Нельзя, — отозвался Кучулуг. — Сами сгорим!

— Плевать! — гаркнул Вожак. — Не сгорим, так засушат!

Их слышали все, и, пожалуй, последние слова Севера решили исход дела. Ратники, до сих пор топтавшиеся в нерешительности с факелами в руках, метнули их к стене, откуда исходила основная угроза. Огонь мгновенно взметнулся вверх по гранитным блокам, яростно пожирая растительных хищников. Те хоть и оказались живыми, но вспыхнули, словно сухая степная трава. Похоже, так зал может обратиться в раскаленную печь. Плохо, ох как плохо... Но Вожак тут же отогнал мрачные мысли — не время.

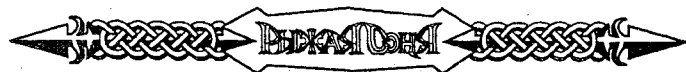
Он все еще продолжал орудовать клинком, когда вдруг понял, что драться больше не с кем. Хищные щупальца как-то разом отступили, и стало неожиданно тихо. Только на сей раз тишину нарушало негромкое потрескивание горевшей у стен трухи, в то время как волна огня, поднявшись к потолку, иссякла сама собой. Видимо, там, наверху, сгорело все. Или кошмарный враг бежал?

Не позволяя никому расслабляться, Север тут же устроил переключку и кроме погибшего еще ночью Сога не досчитался еще двоих. Если так пойдет и дальше, они недалеко уйдут от этой двери.

— Я хочу, чтобы дошло до каждого из вас, — спокойно проговорил Вожак. — В драке с неизвестным и необычным противником меч — это крайнее средство, когда все остальное не помогло. — Он никого не ругал, но говорил веско, словно поучал новобранцев. — Особенно это правило следует соблюдать здесь, где не мы определяем правила игры. Ты что-нибудь узнала? — Север обернулся к Халиме, и колдунья кивнула ему.

— Растение разумно. Сомнений в этом нет. Но я говорю не о плетях — они всего лишь конечности.

— Понятно, — нетерпеливо отозвался Кучулуг, в то время как Вожак только кивнул, давая понять, что полностью согласен.

— Что-то есть в дальнем конце зала, но до него слишком далеко.

— Скорее уж, кто-то,— заметила Соня.

— Пусть так,— даже не обернувшись к ней, согласилась Пифия.— И от этого существа придется избавиться, если только мы не намереваемся все здесь выжечь... Вместе с собой.

— Кстати, хочу напомнить.— Север обвел всех взглядом, показывая, что обращается не только к колдунье, но ко всем остальным.— От кого и когда нам следует избавляться, решаю я...

— Все слышали? — гаркнул Кучулуг, грозно наусупившись.— А теперь слушайте: если хоть один мерзавец начнет со страху, как только что, размахивать мечом без причины, выставлю за дверь! — Он указал могучей рукой на высокую арку, забранную золотыми створками.— Заодно и проверим, ждут ли еще нас! — усмехнулся он, состроив зверскую рожу.

* * *

После быстрого, на скорую руку, завтрака двинулись вперед. Соня шагала рядом с Севером и думала о том, что они снова потеряли людей, причем там, где ничто не предвещало беды и никто не почувствовал ни малейшей опасности. Они усвоили еще один урок, познакомились еще с одним обитателем подземелий, который оказался не прочь полакомиться че-

ловечиной. Конечно, урок поможет им в дальнейшем избежать ошибок... Вот только слишком дорогой оказывается плата за обучение...

Теперь они двигались плотной группой — никаких лазутчиков позади и впереди. Тем более что всего через две сотни шагов им начали попадаться целые крысиные колонии, однако пока грызуны с пронзительным визгом разбегались в разные стороны.

Но это никого не успокаивало: раз к центру зала живности становится все больше, то не исключено, что им попадется и что-то более крупное. Вожак решил, что в любом случае лучше им держаться вместе.

Север торопился, стремясь поскорее обследовать зал. Он шел, с тревогой думая о том, что вода на исходе и при самом рачительном использовании ее хватит дней на пять, не больше. Иными словами, незаметно подкрался тот самый рубеж, что он сам определил в начале пути. Вскоре предстояло решить, возвращаться им наверх или двигаться дальше.

Продолжить поход с их запасом воды — означало подвергнуть всех колоссальному риску, но и вернуться прямо сейчас им вряд ли позволят... Получалось так, что кто-то принял решение за него...

А Север очень не любил, когда приходилось идти на поводу у обстоятельств. Да и кому может нравиться, если им управляет чужая

воля? Надо было срочно искать выход из этого серьезного положения, но пока Вожаку не приходило в голову ничего путного, и он просто упрямо шел вперед, не зная еще, на что решится поутру.

Зал даже на первый взгляд коренным образом отличался от всех предыдущих хотя бы тем, что здесь не было опорных колонн.

Север невольно посмотрел вверх, пытаясь разглядеть затерявшуюся в темноте вершину гигантского купола, и, к своему удивлению, обнаружил, что попытка вполне удалась, хотя еще ярусом выше такое не получалось. Теперь же он ясно видел и границу, выше которой камень оставался свободным от плотоядного плюща.

Само растение также изменилось. Тонкая, чуть ли не нитевидная паутина теперь соседствовала с отростками, достигавшими иногда толщины человеческой руки. И здесь растение уже не казалось мертвым — гладкая зеленая кора покрывала мощные стволы.

Почему-то Север подумал о растении в единственном числе и тут же вспомнил, слова Халимы: «Мне кажется, где-то поблизости должен быть Повелитель этих лиан». Вполне возможно, Пифия не ошиблась, и если он существует на самом деле, то искать его следует где-то здесь, среди толстых неподвижных стволов.

— Этот ствол не такой, как все,— заметила Соня, останавливаясь.

— А ведь и верно,— проворчал Кучулуг.— Да он здесь не один! — воскликнул гирканец, оглядываясь.

Растение действительно отличалась от прочих. Все, что встречались до сих пор, походили все-таки на дерево. Неважно, выглядело оно мертвым или живым. Эти же ветви, каждая толщиной с мизинец, имели такую глянцевую черную поверхность, что казалось, ее кто-то постоянно и усердно полировал.

— А посмотри, чем они заканчиваются! — сказала девушка.

Вожак перевел взгляд на кончик отростка, имевший заостренное утолщение алого цвета и чуть напоминавший окровавленный наконечник стрелы.

— Не нравится мне это,— нахмурился Север и вновь посмотрел на потолок.

— Да что ты там ищешь?

— Второй конец черного ствола,— ответил он.— Хочу выяснить, это одно и то же растение или у них все как у людей? Повелитель... Охотник... Воин?..

— Ну ты даешь! — Соня хмыкнула, однако ей почему-то сразу расхотелось веселиться.

— Я думаю, Вожак прав,— заявила Халима, неожиданно оказавшаяся рядом, и Соня почувствовала сильное желание отодвинуться,

но сдержалась.— Хотя не так уж важно, различные это растения или всего лишь отдельные части одного, невообразимо огромного.

— В последнее время два первых помощника Разары согласны друг с другом совершенно во всем,— ядовито заметила Соня.— Неужели они наконец-то нашли общий язык? Какая радость!

Халима едва заметно улыбнулась, слегка склонившись в поклоне, а Север пожал плечами — опять она за свое! — но ничего не ответил.

Зато заговорил Кучулуг, который со свойственным ему прямодушием пропустил мимо ушей ехидное замечание Сони.

— А я не верю в разумные растения,— заявил он.— Эта дрянь,— гирканец кивнул в сторону покрывавших ближайшую стену зарослей,— неизбежно должна пускать корни, и этот шип лучше всего подходит для того, чтобы протискиваться в щели, а может, и в совсем тонкие трещины. Вы заметили, что отростки с шипами только там, где толстые стволы?

— Может, и так,— не стал спорить Север.— Кстати, я и не настаиваю на том, что оно разумно, равно как и на том, что это растение. Но не сомневаюсь в одном — от шипов этих лучше держаться подальше...

За разговором они не заметили, как один из воинов слишком приблизился к стене.

Что привлекло его внимание, они узнали не сразу. Дикий крик заставил всех вздрогнуть.

— Никому не двигаться! — крикнул Север, и люди остановились, как вкопанные.

Бедняга орал и дергался, как сумасшедший, словно невидимый палач содрал с него кожу и теперь принялся тянуть жилы. Его тело дергалось, совершая неестественные движения и рывками поднимаясь все выше и выше, на недосягаемую высоту.

— Великая Волчица,— простонал за спиной Вожака Прыгун, округлившимися от ужаса глазами глядя на агонию своего товарища.

Неуловимым движением Север сорвал с плеча лук, и вопли стихли.

— Похоже, вы оба оказались правы,— прозвучал удивительно спокойный голос Халимы, и все невольно обернулись к ней.— Он все-таки пустил корни, но только не в камень,— усмехнулась она, но никто даже не улыбнулся в ответ на ее сомнительную шутку.

В отличие от колдуньи, которая ни во что не ставила человеческую жизнь, остальные отнеслись к тому, что случилось, совсем иначе, хотя крови на своем веку подавляющее большинство ратников видело неизмеримо больше. Даже толстокожий Кучулуг почувствовал себя неудобно.

— Похоже, они защищали что-то,— мрачно заметил он.— Но что?

— А вот что.

Соня кивком показала на укрытый за стволами ярко-алый плод размером с голову взрослого человека.

— Вот дерьмо! — выругался кто-то за спиной Севера. — Всю жизнь буду теперь ненавидеть красный цвет...

— Ты для начала выберись отсюда, — пробурчал Кучулуг, и воин умолк, вновь уставившись на необычный плод и пытаясь понять, что это такое.

Остальные, судя по всему, размышляли о том же. Все помнили замечание Севера, что их новый противник может оказаться разумным, и теперь все думали об одном: не этот ли неправильной формы алый шар решает, кому жить, а кому умереть. На кого напасть, а кого оставить в покое...

— Вперед! — скомандовал Север. — Ему мы уже не поможем.

— Шевелитесь, ленивые ослы! — по привычке гаркнул Кучулуг. — Или дожидаетесь, пока и вас засушат?!

Отряд двинулся дальше. Никто не роптал, потому что каждый понимал: все они добровольцы, и не известно, кого следующим высмотрит со своего трона мрачный Нергал, чтобы вышвырнуть из светлого мира на Серые Равнины... Ратники просто забрали пожитки погибшего и потопали вперед, уже не обращая

прежнего внимания на груды мусора под ногами и на гигантских крыс, которые с визгом выскакивали прямо из-под ног.

Маленькие хищники даже не пытались напасть на непрошенных гостей. Они просто безропотно уступали на время свое место более крупному зверю, чтобы затем вернуться к прежнему занятию — выискивать и поедать валявшиеся среди мусора кости.

Север пригляделся и увидел, что вдоль стен гряда мусора значительно выше тех, что валялись в середине зала. Но это как раз объяснялось просто: жертвы лиан не могли накапливаться только там. Видимо, их тут же подьедали крысы, потому что здесь не было костей, только фекалии, начавшие зарастать бурым мхом и какими-то странными растениями отвратительного бледно-розового цвета, похожими на папоротники.

— Где-то близко вода, — деловым тоном заметила Халима, остановившись в двух шагах от огромного листа.

— Ты бы поосторожнее, — предупредил Вожак, подойдя поближе.

— Он ничего не сделает, — хмыкнула колдунья. — На сей раз это самое обычное и совершенно безвредное растение.

— Вроде подорожника, — съязвила Соня.

— Вроде того, — неожиданно миролюбиво отозвалась Пифия, и рыжекудрая красавица

даже опешила от неожиданности, что случилось с ней совсем не часто.

Север почувствовал, что его возлюбленная может в любой миг сорваться, но неожиданный пронзительный визг заставил всех вздрогнуть, а девушек — забыть о распрях.

Черная лиана метнулась вперед, и кровавый шип пронзил тело крысы, но в отличие от человека она мучилась всего несколько мгновений. Затем визг смолк, и трупик начал съезжаться, уменьшаясь буквально на глазах.

— Пошли отсюда,— буркнула Соня,— а то есть не смогу.

Воины тронулись вперед, и только Халима досмотрела все до конца. Она видела, как сморщился черный трупик, как неожиданно мощным рывком шип сбросил высосанную жертву. Но едва маленькая мумия упала на пол, как началась отчаянная драка ее собратьев, для которых свежее сушеное мясо оказалось лакомым куском. Свалка продолжалась недолго — пока два самых крупных зверька не отогнали остальных. Однако за их пиром колдунья следить не стала, но не из-за брезгливости — ей просто сделалось скучно.

Вдвоем с Кучулугом они быстро догнали ушедший вперед отряд, и никто из людей не увидел, что высоко над их головами также бурлит своя, неизвестная им жизнь, но отдаленная расстоянием и скрытая темнотой. Ни

шорох крыльев, ни странные пiski не доносились до их ушей, а когда тщательно обсосанный труп странного, похожего на крылатую крысу существа падал на пол, на него тут же набрасывалась бескрылая братия.

Люди, стараясь держаться подальше от стены, добрались до конца зала, но так ничего и не обнаружили, кроме лиан, вездесущих крыс и опостылевшего уже мусора.

Ничего... Север недовольно поморщился: люди гибнут, и, похоже, напрасно.

А ведь сколько надежд возлагала на этот поход Разара... Да и он сам, если уж на то пошло. Он не сомневался, что мимо многих тайн они прошли, попросту не заметив их, и все его надежды на скорый успех на поверку оказались тщетными. Придется возвращаться сюда, и не раз, терпеливо просеивать устилающий пол мусор, отыскивать наверняка искусно укрытые прежними владельцами, а теперь и стеной растений тайники, а это значит, что поиски грозят растянуться на долгие годы.

— Мне кажется, что за этой стеной что-то скрывается,— заметила Соня, и Вожак так и не отдал приказа поворачивать назад.

Он мгновенно обернулся и сразу понял, что она, безусловно, права. Хотя при беглом взгляде на стену та и не отличалась ничем от других, но зато пол заслуживал особого внимания. А именно на него и указывала девушка, идя по

краю раскинувшегося от стены полукругом сложного рисунка из переплетенной лозы, который удивительно походил на рунический текст.

— Нам повезло! — воскликнул Север. — Здесь стена почти голая, а пол практически чистый. Странно... — добавил он задумчиво.

— А вот я как раз ничего странного не замечаю, — вмешалась Халима. — Там, за стеной, вероятно, Святилище.

— Я ничего не вижу, кроме надписи на полу, но чувствую, что так и есть, — согласилась Соня.

— Все верно, — подтвердила колдунья, и Вожак подумал, что на его памяти это едва ли не единственный случай, когда непримиримые противники разговаривают даже без тщательно скрываемого раздражения. — Сумеет ли мы попасть внутрь или нет, в любом случае на попытку уйдет время.

Север повернулся к воинам:

— Здесь остаемся на ночь. Площадку придется расчистить... Там! — Он указал на сравнительно свободный от мусора участок пола на незначительном расстоянии от стен.

Часть людей тут же отправилась на охоту за крысами, часть принялась разгребать труху, используя большие прямоугольные щиты в качестве и лопат и носилок, другие занялись сбором топлива.

Вожак пошел назад, вдоль противоположной стены, желая осмотреть и ее. Эта стена выглядела несколько иначе, нежели та, вдоль которой они пришли сюда. Она буквально зияла выдавленными внутрь зала проломами.

Тут и там валялись груды мусора, под которыми, судя по всему, должны были скрываться каменные блоки. Север медленно пронзил мечом слой сухой трухи и, как и ожидал, наткнулся на прямоугольный брус.

Давненько же здесь ломали стены... Он посмотрел на пролом. Густая сеть лиан, загибаясь, уходила внутрь. Вожак давно понял, что крысы именно так попадают из одного помещения в другое, но теперь у него впервые мелькнула мысль, что, быть может, и растение-хищник попало сюда тем же путем. Вопрос в том, откуда?

Север решил пока не ломать голову над этим и направился дальше вдоль череды проломов. Исследовав таким образом стену шагов на двести, он повернул назад. Занятые каждый своим делом люди разбрелись, и огни факелов рассыпались огоньками по залу. В лагере почти никого не осталось, и торец зала погрузился в темноту. И вдруг Северу почудилось... Он прикрыл глаза и, выждав пару десятков ударов сердца, снова открыл их. Нет, не показалось. Стена, рядом с которой под присмотром Кучулуга и пятерых воинов возились две жен-

щины, и впрямь едва заметно светилась. Он ускорил шаг и направился прямо к ним.

— Вы вход видели?

— Да видели, видели...— проворчал Кучулуг, и обе девушки рассмеялись.

Север подумал, что это просто невероятно.

Он меньше удивился бы, вцепись они друг другу в волосы, однако решил ничего об этом не говорить и даже не подавать вида, что заметил это.

— Ну вот...— протянул он.— А я-то спешил, думал, пораую...

— Ты не расстраивайся так,— улыбнулась Халима.— Лучше я тебя удивлю. По-моему, одно другого стоит.— Она вопросительно взглянула на него, и Вожак лишь сдержанно кивнул, чтобы не злить понапрасну свою вспыльчивую подругу.— Смотри! — воскликнула колдунья и как-то по-особому, величественно подняла согнутую в локте правую руку и развернула предплечье по ходу солнца насколько могла. Ее обращенная к стене ладонь медленно описала полукруг, в то время как черные бездонные глаза впились в стену, словно Пифия могла что-то разглядеть сквозь гранитную толщу.

Сначала ничего не изменилось, но Север терпеливо ждал, и вскоре мягкое серебристое облако замерцало в воздухе. Не облако даже, а сам воздух как бы начал искриться, словно

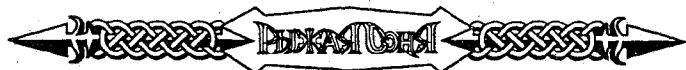
состоял из мельчайших бриллиантовых пылинок. Халима произнесла Слово, которое никто из тех, кто его услышал, впоследствии вспомнить так и не смог.

И тотчас все волшебным образом переменялось. Туман сгустился в искрящийся полог, укрывший собой рисунок на полу и высившуюся над ним стену. Как только это произошло, сложный лиственный орнамент засиял чистым серебряным светом. Сияние перекинулось на стену и мягко побегало вверх двумя устремившимися навстречу друг другу ручейками, чтобы неизбежно встретиться точно посередине. Руны вспыхивали одна за другой, пока не сложились в расположенную полукругом надпись, зеркально отражавшую рисунок на полу. Именно ее, эту подкову, Север и увидел издалека, а теперь мог наблюдать и вблизи.

Как только надпись засияла, точно причудливо змеившийся ручеек чистого расплавленного серебра, Халима начала читать нараспев:

Люди идут и идут, зная — внутри ни души...
Но, пока дышишь ты, тайное слово скажи!
Нет? И ты в Галерее Тел...
Да? Иной твой удел!
Ради свершения начатых дел
Холоден будь и смел...

Взволнованный голос Пифии еще дрожал в воздухе, когда сияние достигло своего предела, и Северу показалось, что он различает едва

заметный светящийся волосок, разделяющий створки вот-вот готовой отвориться двери.

— Смотрите,— сказал Вожак, указывая на горящую, точно лунный луч, тонкую линию,— она готова распахнуться!

— Да,— кивнула колдунья,— нужно просто произнести нужное слово. Одну загадку я уже разгадала. Осталось разгадать вторую. Правда, моя-то оказалась попроще,— неожиданно честно призналась она.

— Да? И что за загадка? — поинтересовался Вожак.

— Это даже не загадка, а, скорее, проверка на знания,— пояснила колдунья, чуть покусав губу.

Север смотрел на свою подругу, которая, стоя в центре орнамента на полу, пыталась прочесть надпись. Однако у нее ничего не получилось, хотя девушка и знала несколько языков... Пусть не в совершенстве, но вполне достаточно, чтоб хотя бы узнать их. Значит, проверку на знания она не прошла бы...

Пифия видела, что почти все уже справились со своей работой и теперь собрались тут, чтобы посмотреть, чем закончится дело.

— Здесь,— она указала на пол перед собой,— сказано, как в монолите скалы сотворить проход. Теперь он существует, но останется закрытым до тех пор, пока кто-то не произнесет заветного слова.

Халима продолжала говорить, все больше увлекаясь. В Логове ее боялись. О ее колдовской силе ходили легенды, но на деле никто не знал, что по силам Пифии Логова, а что нет. И вот теперь она наконец-то может показать этим мужланам свое искусство.

— По сути,— продолжала колдунья,— нужно всего лишь сделать то, что накануне так хорошо проделала Соня: поскольку у нас нет ключа, подобрать к замку отмычку. Как думаешь, мы сумеем? — спросила она у Севера.

— Конечно, сумеем,— гордо ответила за него Соня, явно стремясь показать, что она не только отмычкой орудовать мастерица.

Она собиралась добавить: «Что бы ни придумал один человек, другой в силе разгадать»,— но не успела. Неведомая необоримая сила сдавила ее тело, одновременно попытавшись разорвать его. Девушка почувствовала, как плоть мгновенно налилась свинцом, руки и ноги отяжелели, и в то же время ее не покидало ощущение, что она уподобляется воздушному пузырю, готовому вот-вот оторваться от намыленной руки.

В следующий миг мир закружился и завертелся у нее перед глазами. И без того неяркий свет начал стремительно меркнуть, и Соня почувствовала, что падает.

Падает и одновременно несется в пространстве сразу во все стороны.

Это падение-полет длилось нескончаемо долго. Ей казалось, что она проносится мимо веков, на которых написано: «сто лет», «тысяча лет», а где-то там, впереди, уже замаячила вешка с надписью «вечность»...

Она чувствовала, как тело ее старится, иссыхает, становится похожим на тело мумии, которая болтается в паутине прожорливого цветка. Наконец его, это тело, выплюнули за ненадобностью, и оно вновь начало падать, теряя рассыпающуюся по пути плоть.

Теперь уже падал только скелет, который стремительно разваливался на отдельные косточки, в свою очередь рассыпавшиеся на крошечные осколки. И когда осталась последняя недоеденная крысой крошка, Соня неожиданно поняла, что вновь обретает себя.

Она попыталась пошевелить затекшими за миллионы лет стояния на одном месте ногами и сообразила, что больше не владеет своим телом. Девушка не могла даже повернуть головы, открыть рта. У нее осталась лишь способность видеть, слышать и думать. Она догадалась, что готова уже занять законное место в Галерее Тел, и ей сделалось страшно... И особенно стало страшно тогда, когда она увидела изумленные лица воинов, гримасу ярости Кучулуга, Севера, который, насупившись, напряженно искал выход, и даже Халиму, во взгляде которой не было и тени сострадания...

И когда до нее дошло, что они тоже догадываются: она понимает, что произошло на самом деле, прежние страхи показались воительнице лишь бледной тенью внезапно навалившегося ужаса...

Она видела, как Кучулуг, выругавшись, выхватил меч и попытался по-простецки — силой — разбить призрачные стены, а когда попытка закончилась неудачей, не захотел сдаваться, а продолжал рубить, словно и впрямь надеялся сталью преодолеть злое колдовство... Она видела, как Халима лихорадочно перечитывает надпись на полу, стараясь постигнуть глубокий смысл заклинания и сковать выпущенные на волю силы... Или только делает вид, что пытается?.. Она увидела — но уже не услышала, нет! — как Север что-то надсадно кричит прямо ей в ухо...

Но она не чувствовала ударов, не ощущала, что сковавшая ее сила хоть чуточку отпустила бы ее, и не слышала крика возлюбленного.

Ничто не помогало. И тогда она со всей очевидностью поняла, что это конец...

«Тайное слово скажи!» — словно гром прогремел в небе, загрохотали у нее в голове слова.

«Что еще за тайное слово?» — хотела спросить она и вдруг вспомнила, где находится и что с ней произошло. «Но, пока дышишь ты, тайное слово скажи!» На этот раз фраза про-

звучала полностью, услужливо напомнив, что отпущенное на действие — а значит, на жизнь! — время стремительно истекает. И это оказалось не пустой угрозой. Девушка со страхом осознала, что дышать становится все труднее.

Она начала лихорадочно думать о том, что должно означать придуманное ахеронскими колдунами слово, а это оказалось непросто. Не говоря уж о том, что девушка не знала ахеронского, почти ничего не смыслила в некромантии, а при таких условиях надеяться на успех... Вон сколько людей пыталось! Скоро и она займет свое место... Во главе армии неудачников! «Ради свершения начатых дел холоден будь и смел!» — вновь прокричал кто-то в самое ухо.

«Холоден будь!.. Холоден будь!..» — молотом застучало в висках. «И смел... Смел... Смел...» — эхом отозвалось рвавшееся из груди сердце. «Успокойся!» — прикрикнула она на себя, и эта мысль оказалась первой из тех, что принадлежала именно ей. Она чувствовала, что уже еле дышит, но страх отступил, позволив ей наконец думать. Не поздно ли? Она попыталась наверстать упущенное, мельком взглянула на возлюбленного и увидела в его глазах такое невыносимое страдание и такую любовь, что мгновенно почувствовала себя совершенно спокойной, словно весь этот ужас происходит не с ней, а с кем-то другим, чужим и далеким.

Когда-то она уже имела дело с написанными тайнописью текстами. Ключевым Словом чаще всего служило имя любимого, некая значительная для заклинателя дата, но иногда и совершенно отвлеченное слово. Но все это сейчас не подходило...

В груди вспыхнуло пламя, и Соня поняла — на этот раз не чувствами, а холодным разумом — что до конца осталось несколько ударов сердца. Отмычкой-то у нее и впрямь получалось лучше, но как подберешь ее, когда не видишь замка. Когда ключом служит слово...

Огонь в груди разгорался, и пламя разливалось по всему телу... Скорее бы все кончилось... «Соберись!» — прогремел в голове приказ, и она вдруг почувствовала себя лучше, словно глотнула свежего воздуха. Ключ! Ей нужен ключ! Или, на худой конец, отмычка.

Должно ведь это проклятое слово существовать, раз подземелье битком набито окаменевшими придурками! На что они надеялись?!

«Значит, знали, что разгадка есть!» — подумала она.

Соня вновь почувствовала, что ей не хватает воздуха, спасительный глоток которого оказался слишком маленьким... Девушка торопливо вернулась к размышлениям.

Так что может служить ключом в мире звуков, нет — мыслей? Слово. Всего лишь слово! Одно из многих тысяч слов человеческого язы-

ка, но какое? Задавшись этим непростым вопросом, она почувствовала вдруг, что разгадка где-то совсем рядом.

Нужно только протянуть руку и взять... Взять?..

Взять ключ в руки! Ключ...

Неужели ключ?!

Она почувствовала, что вся горит, но уже не понимала, этот жар — всего лишь предвестник приближающейся смерти или вызванное вспыхнувшей в последний миг надеждой возбуждение!

Ключ!

Ей показалось, что она выкрикнула это слово, вложив в последний, быть может, в ее жизни поступок все оставшиеся силы, и девушка почувствовала, как мир вновь закружился, а сама она падает в жаркий мрак...

«Не получилось...» — мелькнула короткая мысль, прежде чем тьма окончательно воцарилась вокруг.

* * *

Север бросился вперед и подхватил безвольно повалившееся ему на руки тело.

Быстро прижавшись ухом к груди девушки, он к своему неопишуемому восторгу услышал частый и сильный стук ее сердца — жива!

— Как она? — участливо поинтересовался Кучулуг.

— Жива!

Лица обступивших их воинов просветлели. Теперь здесь стояли уже все. Не хватало только Халимы, но в этой суматохе никто не заметил ее отсутствия.

Колдунья же и думать забыла о своей сопернице. Как только она увидела вместо нанесенного на монолитную стену рисунка черный подковообразный провал, тут же поспешила вперед.

Радость оттого, что желаемое свершилось, на миг затмила все. Даже ненависть к упорно не желавшей погибать сопернице. Она влетела внутрь и ахнула, увидев, что попала не в святилище, а, скорее, на склад. Вдоль одной стены громоздились друг на друге сундуки.

Вдоль другой — бочонки, судя по всему, с вином. Хмельное мало интересовало Пифию, а для того чтобы изучить содержимое сундуков, понадобится не один день...

Она медленно двинулась вдоль штабеля окованных сталью ящиков, и через сотню шагов ее жестокое сердце радостно забилося. Она увидела то, что ожидала увидеть, хотя и не знала наверняка, как оно должно выглядеть.

На невысоком подиуме, на вырезанном из цельного куска обсидиана черном троне восседало черное же существо, которое имело все отличительные признаки человека, но вовсе не было им.

* * *

— Ну наконец-то, — с облегчением вздохнул Север. — Я уже испугался, что дело скверно...

— Перестань. — Соня ободряюще улыбнулась ему, хотя чувствовала, что на самом деле сил у нее ушло гораздо больше, чем ей бы того хотелось. — Ничего ведь страшного не случилось, хотя... — Она на миг запнулась, посмотрела на обступивших ее мужчин с лукавым любопытством и спросила: — Здорово, наверное, все это выглядело... Со стороны? — подумав, добавила она.

Воины заулыбались, однако никто не спешил вслух восхищаться тем, что им довелось увидеть. Только Кучулуг торжествующе сжал чудовищный кулак.

— Это было великолепно! — отозвался Север, окинул всех долгим взглядом смеющихся глаз и вдруг заметил, что Халимы нигде нет.

Одни мужские лица вокруг. И тут, словно откликнувшись на его мысли, колдунья заговорила. Оказалось, что она стоит у него за спиной, и только поэтому он не видел ее.

— Зрелище и впрямь оказалось потрясающим, — подтвердила она. — Но меня больше интересует ключ от этого замка. — Она кивком показала на темнеющий в стене провал, который успела покинуть за мгновение до этого. — Хотя я, конечно, понимаю, что сейчас не время для расспросов.

— Да нет, отчего же, — просто ответила Соня и, прежде чем колдунья успела сообразить, что сейчас произойдет, просто ответила: — Ключом оказалось слово «ключ».

Пифия почувствовала, как мир перед глазами закружился и почва начала уходить из-под ног. Только на сей раз дело было совсем не в колдовстве, а всего лишь в простом человеческом отчаянии. Она и представить себе не могла, что все так обернется! Среди тех, кто владеет секретами магии, культ таинственности развит чрезвычайно. Любая мелочь, даже ничего на первый взгляд не значащая, тщательно скрывается от собратьев по ремеслу. Халима слышала о разных шарлатанах, которые слыли сильными колдунами, а на самом деле всего лишь умело окружали свою жизнь таинственностью, ореолом мнимого могущества и просто-напросто виртуозно пользовались знанием человеческой природы, умело играя на слабостях отдельных людей. Она-то думала, что ей придется выманивать у Сони признание. Может, даже выкупать его, а проклятая дура взяла и просто так все рассказала, но теперь заветное слово знают не только они двое, а почти полсотни безмозглых дураков!

Она с трудом подавила желание зарычать, но все-таки сдержалась, а когда вновь посмотрела на воительницу, то неожиданно увидела в ее глазах смех... Даже не смех — насмешку!

Не-ет! Она не дура, эта рыжая тварь! Она одной фразой не только отомстила за все бывшие обиды, но и вырвалась далеко вперед! Она прекрасно понимает, что наделала!

— Спасибо, милая,— неожиданно мягко проговорила Халима и даже заставила себя улыбнуться.— Я не забуду твоей услуги,— доверительным тоном добавила она, и Соня сразу поняла, что колдунья вовсе не лукавит.

Она вернет долг при первой же возможности... Ну и пусть! Рыжекудрая красавица благосклонно кивнула, показывая Пифии, что не сомневается в искренности ее намерений.

Никто, кроме Севера, не понял скрытого в этой сценке тайного смысла. Некоторые приняли все сказанное за чистую монету, другие почувствовали возникшее на несколько мгновений напряжение, но не более того. Простодушный Кучулуг так просто пожал могучими плечами — мол, женщины, чего с них взять? — и тут же забыл обо всем.

Север же в отличие от своего помощника понимал, что не только желание насолить сопернице побудило его подругу к откровенности, и неизвестно, какая из причин была более веской. Довольно часто тот, кто владеет тайной, уносит ее с собой в могилу, причем не всегда по доброй воле.

Убрать одного человека, даже такого, как Соня, гораздо проще, чем спровадить на Серые

Равнины полсотни воинов. Это она верно рассчитала. К тому же какой смысл хранить секрет, которым рано или поздно все равно придется поделиться?

Ай да Соня!

Вожак отвлекся от размышлений и поймал на себе насмешливый взгляд подруги: она явно понимала, о чем он думает.

— Не желаешь посмотреть, что внутри? — спросил он.

— Конечно,— кивнула девушка, неожиданно легко поднимаясь на ноги.— Обо мне не беспокойся,— заметила она.— Удушье уже прошло.

— Все как в загадке? — поинтересовался он.

— Именно! Если бы не громовые раскаты голоса в голове, толкавшие меня к действию, да не глоток воздуха в конце...— Она покачала головой, показывая, что участь ее в этом случае оказалась бы незавидной.— Спасибо...— начала было она, но Север не дал ей закончить мысль.

— Не нужно сейчас о нем,— быстро и тихо попросил Вожак.

Соня кивнула, и оба вошли в сравнительно небольшой вытянутый зал. Остальные уже находились здесь, и, как ни пыталась Халима подчинить себе воинов, ей удалось не пустить их только к сундукам, но не к бочкам. Быстро выколотив дно одной из них, они заметно оживились.

— Вино прекрасное! — Лицо Кучулуга расплылось в блаженной улыбке. — Не то что ослиная моча, которой опаивают нас в Логове!

Он захохотал, вполне довольный своей шуткой, и протянул Вожаку флягу, приглашая и его попробовать напиток. Тот, однако, лишь отрицательно покачал головой.

— После, спасибо. Я пока хочу осмотреться, — пояснил он, и гирканец пожал плечами, впрочем, без всякого сожаления.

— После так после, — сразу согласился он.

— Кстати, — предложил ему Север, — ты бы присмотрел за людьми. Как бы беды не случилось.

— Что ты? — удивился Кучулуг. — Это жратва от времени портится, а вино — наоборот!

— Вот именно, — усмехнулся Вожак. — Перепьются — с тебя спрошу.

Кучулуг задумчиво заглянул в горлышко фляги, тяжело вздохнул и заткнул ее пробкой.

— А ну вон отсюда, пьяницы! — заорал он ни с того, ни с сего. — Вино хмельное, а закусывать нечем. Кто перепьется, заставлю дерьмом крысиным заедать! Вон его — полный зал!

И чтобы никто не усомнился в том, что он не шутит, он махнул могучей ручищей в сторону выхода, показывая то ли дорогу, то ли закуску. Воины поспешили наружу — с Кучулугом связываться никто не хотел — и Прыгун бодро бежал впереди всех.

— Похоже, они брезгуют этим угощением, — с мрачной ухмылкой пошутила Халима, досадуя на то, что оказавшуюся ей не по плечу задачу так просто решил Кучулуг.

— Надо просто иметь к людям подход, — не оборачиваясь, пояснила Соня, и гирканец оглушительно расхохотался.

Халима возмущенно фыркнула и тоже направилась к выходу. Кучулуг посмотрел ей вслед, но предпочел остаться с Вожаком и его Телохранителем. Втроем они приблизились к восседавшему на троне чудищу и принялись внимательно его рассматривать.

— Хм... Серьезный мужчина, — заметил гирканец. — Не хотел бы я с таким схлестнуться... Глаз вот только у него один, — критически заметил он.

— Зато прямо под рогом, чтобы целиться лучше, — отозвалась Соня, и Север кивнул, видимо соглашаясь, что так оно и есть, хотя и не исключал возможности, что его подруга просто валяет дурака — такое с ней случалось, и нередко.

— А руки? — вновь заговорил Кучулуг. — С такими когтями и меча не надо.

— Кто это? — спросила Соня, и на этот раз уже определенно всерьез. — Я ничего не слышала о существовании одноглазых рогоносцев.

Кучулуг поморщился и промолчал, а ответил за него Вожак:

— Примерно так описывают демонов в Иранистане. Там их называют дэвами. Считается, что все эти рассказы — не более чем сказки. Но, с другой стороны, кто может поручиться, что не они населяли землю во времена, когда человека не существовало и в помине? Ладно, пошли,— сказал он, направляясь к выходу.— Меня родословная этого рогаца не слишком интересует.

Когда они вышли из тайной комнаты, посредине расчищенного пространства уже пылал костер, на котором жарились несколько десятков освежеванных тушек местных грызунов.

Несмотря на все запреты Кучулуга сюда притащили вина. Похоже, намечался пир, и Север не намеревался препятствовать этому. Он понимал, что всем необходима разрядка и главное — не допустить, чтобы люди, не считав сил, перепили. Он так и сказал ратникам:

— Если не хотите, чтобы эта пьянка стала для всех последней, держите себя в руках.

Этого хватило, чтобы успокоить всех недозволенных — главным образом Халиму.

— Удивляюсь я тебе,— заметила она вполне серьезно.— И восхищаюсь тоже. Когда я сказала им то же самое, никто и внимания на меня не обратил, хотя, случись такое в Логове, все просто попрятались бы по углам. Но стоило об

этом заикнуться тебе, как все тут же согласилось с тобой.

Север промолчал. Да и что он мог сказать, если так оно и было? Он просто пошел готовить место для сна себе и Соне. Расстелив одеяло, он увидел, что под него закатился небольшой камень, отогнул край, поднял его и совсем уже собрался было выкинуть, когда понял вдруг, что это не камень вовсе, а покрытое коркой окаменевшей грязи кольцо.

Кольцо показалось ему тяжелым и явно великоватым для пальца, и только поэтому Вожак сходу не швырнул его в грудку мусора, как собирался вначале.

Тут он случайно заметил устремленный на него пристальный взгляд Пифии. Почувствовав неладное, колдунья привычно коснулась заколки и вздрогнула, ощутив, как она нагрелась. Так вот оно — то, о чем говорил ей Странник! Она изо всех сил стремилась понять, что же такое попало в руки Вожаку. Если бы не этот испытующий взгляд, он, пожалуй, все-таки выбросил бы колечко, но вместо этого незаметным движением сунул находку в поясную сумку, а в грудку мусора откинул лишь оставшуюся на ладони труху. Халима тут же успокоилась, мгновенно решив, что ошиблась, а неожиданно бурная реакция амулета вызвана всего лишь близостью Святилища... Север же вернулся к костру, тут же забыв о находке.

— Ну и что же нам делать дальше? — спросил Кучулуг, когда первые жажду и голод утолили. Он вытер выпачканные жиром губы тыльной стороной ладони и насмешливо посмотрел на свою подругу. — Жаркое восхитительно! — с чувством сообщил он. — Ты многое теряешь!

Но колдунья лишь фыркнула и, отщипнув кусочек вяленого мяса, запила его маленьким глотком вина. Только она да Север с Соней продолжали питаться сухарями, сушеным мясом и сухими фруктами. Женщины по вполне понятным причинам не желали питаться крысятиной, как называла ее Соня.

Север же присоединился к ним просто за компанию, сразу заявив, что на свежее мясо перейдет, только когда закончатся припасы.

— Что я могу сказать? — отозвался Вожак, отрываясь от чаши с вином. — Здесь уйма проломов, но все они буквально увиты плетями лиан, так что не думаю, что кому-то захочется обследовать их. Значит, нужно возвращаться и попытать счастья в другом зале.

— А припасы, как быть с ними? — спросила Соня.

— Вино, конечно, не вода, — пожал плечами Север, — но смерть от жажды нам теперь не грозит.

— Нам грозит смерть от перепоя! — скривилась Халима.

Кучулуг покачал головой: все ей что-то не нравится, а что — не поймешь.

— Если меня и сожрут живьем, — отозвался он, — пусть жрут, когда я пьян! Не так больно!

Четыре десятка глоток радостно загоготали: шутка явно пришлась ратникам по нраву.

— Мясо теперь у нас тоже есть, — продолжил Север. — Так что все зависит только от тебя. Что ты скажешь?

Он посмотрел на Халиму, и та кивнула:

— Мы уйдем отсюда не раньше, чем осмотрим Святилище.

— Вот и хорошо, — согласился Вожак. — Надеюсь, это не займет слишком много времени.

На том и порешили. Следующий день начался с того, что пришлось перерыть горы сундуков, ведь накануне Халима заглянула только под крышки самых верхних. Но и в остальных, к своему великому сожалению, она обнаружила лишь золото и украшения, а то и просто драгоценные камни. И ничего относящегося к магии...

Халима рвала и метала. Давно привыкнув к перепадам ее настроения, Кучулуг старался держаться от нее подальше, а уж простые воины — тем более. Они просто прятались, предпочитая погибнуть, нежели попасться на глаза разъяренной Пифии. Заикнись она сейчас, что вина пить нельзя, и люди не то что пить — нюхать его не посмели бы! Наконец она заня-

лась тем, что принялась переписывать вырезанный на камне стены текст, заявив, что язык отдаленно похож на ахеронский, но перевод его займет много времени, а они должны торопиться.

Зато Соня чувствовала себя просто превосходно. В душе она посмеивалась над колдуньей, но вслух своих мыслей не выражала. И не потому, что боялась гирканки, просто не считала нужным развязывать очередную склоку.

«Чего же ты ждала? — говорил ее взгляд. — Ясно как день, что здесь собраны сокровища жителей Пифона, которые вместе с колдунами ушли под землю.» Это многое объясняло. Она начала понимать назначение и огромного поселения на первом из уцелевших уровней, и города на следующем. Девушка уже не сомневалась, что и город каменный, и город палаточный сооружены исключительно для того, чтобы разместить людей в залах, которые, конечно же, изначально предназначались для совершенно иных целей.

Она поделилась своими мыслями с Севером, и тот ответил, что, скорее всего, так и было. Он и сам пришел к таким же выводам. Наверняка и на верхних, сожженных ярусах существовали такие же города.

— Меня интересует вот что, — заметил он. — Как они намеревались прокормить такую прорву людей?

— Но Святилище... — начала было Соня, но Божак жестом оборвал ее.

— Ты же видела, что там только вино и деньги. Совершенно очевидно, что они припрятали ценности для будущих времен, а вместе с ними — и лучшее вино для избранных. Ты ведь, конечно, почувствовала, что за вино мы пьем?

— Да, признаюсь, лучшего я в жизни не пробовала.

— Ну еще бы! — хмыкнул Север. — Оно сейчас дороже золота, и намного. — Он посерьезнел. — Но ведь это говорит как раз о том, что продуктов не хватало...

— Но если таких хранилищ много... — неуверенно начала девушка.

— Пойдем!

Север взял ее за руку, привел в Святилище и указал на ряды бочек:

— Много?

— Ну... — протянула Соня и тут же поняла, что это, конечно, капля в море от того, что требуется многотысячному городу.

Халима же, прервав работу, с любопытством посмотрела на обоих.

— В Орлином Гнезде — моем родовом замке, — вновь заговорил Север, — таких бочек больше раз в десять.

— Фу! — Соня сморщилась. — Ну и семейка у тебя...

— О чем спорите? — вполне миролюбиво полюбопытствовала Пифия.

— Да мы вообще-то и не спорим вовсе, — ответил Север. — Просто пытаемся понять, где они добывали еду.

— Все очень просто.

— Да? — Соня даже не пыталась скрыть удивления. — Так где же они брали еду? — повторила она вопрос Севера.

— Ну... — Халима помялась, видимо, решая, с чего начать. — Ахеронцы ведь считали, что почти не уступают силой богам.

— Почти?

— Ну да. Нааги почитали себя богоравными, а они превосходили кхарийцев, и северных, и южных. Тем не менее они решили создать здесь свой мир по образу и подобию Светлого. Но получился всего лишь вот такой уродливый мирок, где растения поедают животных, а животные питаются высохшими трупами своих собратьев.

— Такой мир обречен на гибель, — заметила Соня.

— Верно, — кивнула Пифия, — но пока есть еще те, с зубами, которые охотятся на кого-то еще более крупного, чем сами. Я думаю, на тех, кто роет ходы. А они, по-видимому, питаются камнями.

— Камнями? Ну и дела... — неуверенно протянула Соня, и ей тут же представился некто

с одним глазом и рогом во лбу, который подбирает булыжники на дороге и грызет их, как яблоки. Сочный булыжник, хороший... — А что тогда этот? — Она кивком указала на сидевшего на троне монстра.

— Проедает же червь ходы в земле, — заметила колдунья. — А этот... — Она не глядя махнула рукой в сторону трона. — Я думаю, он мясоед. Так вот, если я права, то все получается складно.

— Здорово получается, — усмехнулась Соня. — Камнеежки... — попробовала она на вкус только что придуманное слово.

— Камнеежки, камнееды — не важно. — Гирканка положительно не хотела раздражаться, чем немало удивила не только Соню, но и Севера. — Важно то, что ими питаются зубастые твари, которые не захотели выпустить нас. Теми, в свою очередь — лианы, а трупы достаются крысам.

— Ну хорошо, — согласился Север. — Но если кто-то их сделал, то зачем?

— А вот этого я и не знаю. — Халима развела руками. — То есть в общих чертах ясно — для того, чтобы питаться ими, но вот кем именно — это вопрос...

Все трое умолкли, размышляя над тем, что сулит им такое открытие, и практически одновременно пришли к одинаковому выводу — слишком мало они пока знают.

— Кстати,— прервала затянувшееся молчание колдунья,— я свою работу закончила, так что можем отправляться.

— Вот это хорошо,— кивнул Вожак.— Задержались мы на одном месте. А с дверью что ты намерена делать? — спросил он у Халимы, которая уже собиралась уходить.

— Пусть остается открытой,— ответила она и едва заметно нахмурилась: лицо Севера не выражало и тени удивления. Похоже, он просто обратил ее внимание так, на всякий случай.— Ты, наверное, уже заметил, что крысы даже приближаться к двери опасались?

— Как и все созданные с помощью магии твари, они остро чувствуют ее присутствие и стараются держаться подальше,— пояснил он.

Север в последний раз посмотрел на восседавшего на троне монстра — тускло мерцавший под рогом глаз чудовища неприятно манил к себе — и направился вслед за Пифией. Соня мгновенно перехватила этот взгляд и тоже взглянула на изваяние — поблескивавший сквозь слой пыли камень во лбу монстра и впрямь выглядел инородным телом. Ей подумалось, что это неспроста...

— Я останусь ненадолго! — крикнула она вслед уходящим.— Я ведь толком не видела здесь ничего.

— Смотри, не задерживайся,— обернувшись, предупредил Север.

Оставшись одна, девушка быстро окинула комнату внимательным взглядом опытного во-ра, но ничто не привлекло ее особого внимания — справа сундуки с драгоценностями, слева бочки с вином. Единственной интересной вещью и в самом деле оказалась статуя. И выбитый на стене текст. Затейливые руны покрывали всю поверхность, и большая часть их оставалась недоступной взгляду, скрытая штабелями сундуков и рядами бочек. «Значит, их здесь и впрямь не должно было быть»,— подумала девушка и, обернувшись к изваянию, посмотрела на доступную часть текста. Она немного знала гиперборейский и сразу поняла, что текст составлен на нем, но знакомые руны складывали в совершенно незнакомые слова.

Значит, ахеронский с гиперборейским все-таки родственные языки, но не настолько, чтобы один мог заменить другой.

Придя к такому выводу, она потеряла к надписям интерес и обернулась к статуе. Быстро взобравшись ей на колени, Соня потрогала рог и тут же уловила, что он двигается. Подвижность была столь ничтожной, что почувствовать ее могли только руки опытного профессионала. «Все верно»,— подумала она, даже не удивившись. Скорее, странным могла показаться монолитность изваяния.

Девушка принялась осторожно наклонять рог в разных направлениях, поворачивать его,

надавливать и тянуть на себя. Понимая, что ее ждут, она торопилась, но проклятый рог не желал поддаваться. Ей казалось, что она возится непозволительно долго, что ее давно хватились и вот сейчас кто-нибудь войдет и застучает ее. Конечно, ничего страшного, но камень в этом случае утаить не удастся, а Соня не хотела делиться им с Пифией. Наконец она, потянув рог на себя, сумела развернуть его на пол-оборота вниз. С тихим шорохом слегка прикрытое веко рептилии распахнулось, словно изваяние попыталось пристальнее рассмотреть девушку. И тут же круглый камень неожиданно вывалился из глазницы. Соня едва успела подставить левую ладонь и подхватить добычу. Даже не разглядывая его, она спрятала камень в поясной сумке и, довольная собой, мягко спрыгнула на пол.

Когда мгновение спустя один из воинов явился за ней, он с удивлением увидел Телохранителя Вожака, наполнявшую вином флягу, при этом мурлыкавшую под нос что-то совершенно легкомысленное. Ее настроения не испортило даже то, что Север и Халима мирно беседовали, что в иных условиях ей самой показалось бы совершенно немыслимым.

— Зачем тебе понадобилось тратить столько времени на переписывание этих закорючек? — недоумевал он. — Этим можно было бы заняться и позднее.

— Именно, — согласилась она. — Но я хочу в следующий раз иметь возможность читать надписи, а не смотреть на них, не понимая смысла.

Вожак кивнул, принимая ее объяснения, а увидев Соню, улыбнулся ей и тут же скомандовал выступать — дожидались только ее.

Девушка вскинула на плечо изрядно похуdevший мешок. Половину припасов они уничтожили, а теплую одежду она попросту выбросила и теперь, как и остальные, щеголяла в кольчуге, надетой на полуголоое тело.

Она вспомнила рассказы о ледяном холоде, якобы царившем в подземелье. Никто не сомневался, что внизу их поджидает лютая стужа, но оказалось, что все ошиблись. Наоборот. Чем дальше они шли и ниже опускались, тем теплее становилось вокруг. И только Халима все никак не желала расставаться со своим плащом, скрывавшим ее с головы до пят, и Соню это почему-то сильно раздражало.

Обратный путь занял гораздо меньше времени. Теперь знали, чего опасаться, а потому шагали, ни на что не отвлекаясь, по самой середине зала.

К двери подошли, сохраняя полное молчание. Север прижался ухом к прохладной золотой поверхности и некоторое время напряженно прислушивался, но с той стороны металлической плиты не донеслось ни единого звука.

Тогда он осторожно вытащил факел из массивных скоб дверных рукоятей и налег на нее плечом. Медленно-медленно тяжелая плита начала поворачиваться в петлях и раздавшийся вдруг скрип заставил всех невольно вздрогнуть.

Людам показалось, что они выдали себя, неосторожно заявив о возвращении, и сейчас на них нахлынет орда остервеневших пожирателей плоти. Соня видела, как все невольно напряглись, как это случается перед боем, но время шло, а ничего не происходило. Вдруг Прыгун вскрикнул, и люди начали озираться, уверенные, что он увидел противника и драка, которой все ждали, вот-вот готова разразиться. И снова никого не увидели... Север чувствовал, что Каруго уже готов взорваться, но жестом остановил его и указал взглядом на то место, куда обезумевшими глазами таращился парень.

Там, на последней ступени лестницы, где остался лежать скелет их товарища, они увидели еще девять, так же аккуратно «очищенных» от мяса и с полным набором добытых в подземелье драгоценностей. Они лежали рядом при оружии и в кольчугах, словно враги предупреждали пришельцев: никакое оружие и никакие доспехи не защитят их.

— Зачем пришли, с тем и остались,— заметил Север.— Сперва нам дали понять, чтобы не

переступали черты, а увидев, что предостережение не сработало, сообщают, что не намерены выпускать обратно.

— Мы все тут передохнем...— клацающая от страха зубами, простонал Прыгун.

— Прекрати скулить, выродок шакалий! — гаркнул на него Кучулуг.— А не то я доберусь до тебя раньше наших зубастых приятелей! — Он сграбастал парня за шкуру, приподнял над землей и легонько встряхнул, так что голова у бедняги безвольно мотнулась, едва не оторвавшись от тонкой шеи.— Еще звук услышу и повешу сушиться на шип! — пригрозил гирканец, отпуская несчастного.

Тот судорожно кивнул и отскочил за спины товарищей, не выказавших ему, впрочем, ни малейшего сочувствия.

— У нас остается всего одна возможность,— заметил Север, когда паникер заткнулся и скрылся с глаз.— Найти того, кто направляет эти действия, и заставить его — если понадобится, силой — оставить нас в покое.

— Силой...— донеслось из-за спин воинов приглушенное всхлипывание Прыгуна.— Да откуда она у нас?

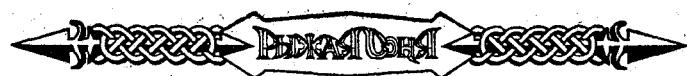
По вмиг побагровевшему лицу Кучулуга Север понял, что тот готов привести угрозу в исполнение, и едва заметно качнул головой — не надо. Гирканец шумно выдохнул, но сдержался.

— Та сила, которой мы располагаем, останется при нас,— заговорил Вожак, и хотя явно обращался к перетрусившему заморийцу, говорил со всеми.— Похоже, этого не понимаешь только ты, но никак не наши неизвестные противники.— Он видел, что бояться все. Просто остальные умеют прятать свой страх. И теперь Север хотел сказать им, что бояться должны не они. Бояться должны их. Непростая задача. Однако он должен воодушевить их, если не доводами рассудка, то, по крайней мере, собственным примером.— Иначе все мы уже лежали бы тут,— он указал на скелеты,— рядом с ними.

Он окинул взглядом притихшую толпу, но никто даже не смотрел в его сторону. Воины — и молодые, и старики — словно стыдились своего малодушия. Однако и возражать никто не возражал. Чем дольше длилось молчание, тем сильнее они верили, что Вожак прав и на этот раз. В самом деле: что стоило бы их зубастым противникам напасть скопом еще там, в городе? А еще лучше — на галерее воинов, где и спрятаться негде!

Возникло ли у кого-нибудь желание уйти, так и осталось невыясненным. Если кто-то и намеревался бежать, напуганный неожиданным зрелищем, то те же десять скелетов ясно показывали, что ждет их, прояви они малодушие... Другое дело остаться здесь, с Вожаком!

Все, не сговариваясь, пришли к одному и тому же выводу. Уловив эту невидимую перемену, Север удовлетворенно кивнул.

— Остается только решить, куда пойдем дальше,— как ни в чем не бывало сказал он и вопросительно посмотрел сперва на Соню, а потом и на Халиму, спрашивая их совета.

Но Пифия ничего не ответила, и тогда заговорила шадизарка.

— А чего тут долго думать? Решили ведь двигаться по ходу солнца,— напомнила она, уже ковыряясь в замке.

На этот раз девушка справилась с механизмом быстрее, и с теми же предосторожностями, что и в прошлый раз, воины вошли в зал. Дверь за ними закрылась, и кто-то удивленно присвистнул. Помещение оказалось совершенно не таким, как предыдущее. Начать хотя бы с того, что оно сильно уступало ему размерами, имело яйцеобразную форму, а стены представляли собой единую скульптурную группу. В дальнем конце зала между статуями, затерялись три двери, и нигде никто из ратников не нашел ни одного пролома в стене и не заметил даже следов растений.

Изваяния оказались опять-таки окаменевшими людьми, как и те, что уже встречались раньше, и ни у кого не возникло желания подходить к ним поближе, даже ради драгоценностей. Короче говоря, зал оказался невелик, не-

обитаем и совершенно безопасен. Перед отрядом вновь встал выбор, какую из трех дверей вскрывать первой?

— Правая комната обитаема,— заявила внезапно Халима.— Я чувствую, что за ней скрывается опасность.

Север обошел двери и прослушал каждую.

— Так оно и есть,— подтвердил он.— Я уверен, что слышал далекие удары молота.

— Значит, туда мы отправимся в последнюю очередь,— подвела за него итог Соня.

Заночевали здесь же, а утром шадизарка отомкнула замок крайней левой двери, но на сей раз внутрь вошли без огня. До сих пор все считали, что им противостоят только зубастые хищники да плотоядные растения, но теперь все изменилось: за дверью каждый воин слышал лязг стали. Так что никому не хотелось оповещать обитателей подземелий о своем появлении.

Однако все опасения оказались напрасными. Проникнув внутрь, ратники в призрачном свете магических камней увидели, что находятся в зале, намного меньшем, чем тот, что они посетили накануне. Здесь было совершенно пусто. Только ковер бурого мха укрывал пол, да странные коричневые цветки дрожали и покачивались на длинных тоненьких стебельках. Голые стены зияли уродливыми проломами.

— Не нравится мне здесь,— заметила Соня,— хоть и пусто вокруг.

Халима ухмыльнулась, но ничего не сказала. Север тоже промолчал, хотя и чувствовал обостренным чутьем воина висевший в воздухе запах смерти. И хотя случилось это давно, а убийцы ушли, но ведь они могли в любой миг вернуться... Он вытянул из ножен клинок и, вогнав его под косым углом в бурый мох под ногами, отодрал пласт дерна. А вот здесь кипела жизнь.

По белесым осклизлым корням сновали белые черви и какие-то букашки. Очутившись на воздухе, они бросились враспынную и в считанные мгновения скрылись из вида. Север поковырялся еще, но ничего полезного не нашел: ни каких-то металлических предметов, ни даже обломков костей.

Судя по всему, крысы здесь поработали на славу и убрались только после того, как уничтожили все, что только поддавалось их зубам.

— Ф-фу! — Соня брезгливо поморщилась.— Никогда больше так не делай, а то меня стошнит и я не смогу потом проглотить ни кусочка... И спать я здесь не смогу тоже,— подумав, добавила она.

— Тогда идем быстрее,— еле заметно улыбнулся Север, понимая, что его подруга притворяется.— Зал небольшой, так что успеем вернуться.

Они шагали быстро и в то же время настороженно следили за проломами, но все вокруг словно вымерло.

Смотреть оказалось совершенно не на что. Только мох, чем-то удивительно неприятные цветки да зияющие проломами стены. Ратники быстро добрались до конца зала и совсем уже было собрались возвращаться, когда обнаружили неприметную стальную дверь.

Соня вновь взялась за дело, и на сей раз у нее все получилось на редкость быстро и ловко.

— Что ни говори, а удобно иметь тебя под рукой, — сказал Север, вместо того чтобы похвалить девушку.

Она в ответ усмехнулась и отошла в сторону, предоставив мужчинам выворачивать тяжелую стальную плиту.

— Великая Волчица! — воскликнул один из воинов, ступив внутрь, и восхищенно присвистнул. — Чего здесь только нет!

Войдя вслед за ним, все увидели большую продолговатую комнату. С десятков покойников сидели в креслах или лежали на полу.

Один, судя по доспехам — стражник, так и остался стоять у стены. Вот только умерли они все уже несколько столетий назад. Плоть их давно иссохла, но только не с помощью хищных лиан, а просто от времени. Север посмотрел на обшитые толстыми листами железа сте-

ны, пол и потолок, и понял, почему сюда не проник ни один зверь.

— Как странно... — задумчиво проговорила Халима. — Люди давно уже умерли, а жалкие твари, которых они создали, до сих пор живы.

— Быть может, и не так странно, — ответил Север. — Как знать, не оставил ли Рок их нам в назидание... Чтобы люди помнили, к чему приводят нечистые помыслы и грязные дела.

Пифия на это ничего не сказала, но слова его запомнила и не раз вспоминала в дальнейшем.

Сейчас же, впервые добравшись до уцелевшей утвари, она наравне с остальными принялась рыскать по шкафам и тумбам, но если даже у остальных найденные сокровища уже не вызывали прежнего восторга, то колдунья, похоже, и вовсе не питала пристрастия к украшениям. Она жаждала увидеть магические вещицы, но чем дальше, тем больше теряла надежду отыскать хоть что-то.

Все ее радужные мечты развеялись прахом, когда за изошренно запертой дверью с магической ловушкой не обнаружилось ничего, кроме никчемного золота да вина, которое, правда, пригодилось отряду...

И дурацкая фигура на троне... Наверняка она что-то значила, иначе б ее сохранности не стали бы беспокоиться. Вот только что? Халима не сомневалась, что разгадка кроется в тек-

сте, вырезанном на стене, но пока не могла прочесть надпись.

Вот и здесь снова ничего не нашлось. Только золото и камни. Впрочем, она ничего и не ждала найти за простой дверью, запертой на обыкновенный замок. Она чуть ли не с ненавистью уставилась на спящих вокруг воинов, которые неторопливо рылись в чужих сокровищах, выбирая самые дорогие безделушки и набивая ими раздувшиеся поясные сумки. В прошлый раз она пыталась их разогнать, теперь же просто молча наблюдала.

Все, кроме Халимы, возвращались в приподнятом настроении, которое объяснялось не только набитыми золотом сумами, но и тем, что теперь воины знали о двух местах, где, случись нужда, можно отсидеться. И еще одно приятное открытие совершили они только что: умны или глупы обитатели подземелий, но они не умеют вскрывать запертые двери и, когда не удается проломить стену, попросту отступают. Это, конечно, играет людям на руку, и если бы еще повезло отыскать источник воды и пищи, чувствовали бы все себя совсем неплохо.

Как ни странно, находка еще одной сокровищницы неожиданно сыграла скверную роль. Если накануне Север сумел подавить в зародыше назревавший бунт, то теперь желание людей вернуться, причем немедленно, возродилось с неожиданной силой. Каждый понимал,

что наверху их теперь ждет обеспеченная жизнь до конца дней, и большинству казалось совершенно нелепым, а потому особенно обидным, расставаться с этой жизнью, не изведав даже малой толики ее радостей.

— Хотите уходить, уходите,— выслушав их, спокойно ответил Север.— Соня, отопри! — Он подождал, пока его подруга отворит замок, и заговорил снова: — Но перед этим посмотрите на тех, кто совсем недавно был вашими товарищами.— Он указал на разложенных на ступенях покойников.— Они тоже хотели вернуться... Сперва наверх, а потом обратно, сюда. Но не сумели ни того, ни другого.

— Убедительно,— насмешливо поддержала его Соня.— Кстати,— заметила она, обращаясь к бунтарям, рвения у которых после ответа Вожака заметно поубавилось,— парни так и остались при деньгах. Так что если золото — единственная ваша цель, путь свободен!

Двенадцать человек понурились и смотрели исподлобья на своих приятелей, которые не выразили желания присоединиться к ним. Как это нередко бывает, собственная, до сих пор казавшаяся верной, позиция уже не выглядела столь привлекательно, как прежде. Соня видела, что они уже рады бы остаться и только ложная гордость и стыд не позволяли им признаться в ошибке. Север так же понимал это и, как всегда, постарался помочь.

— Подумайте еще вот о чем,— сказал он.— Вас всего дюжина. Даже если вы вырветесь отсюда, на это понадобится время, может, немалое. Что бы будете делать, когда кончится вода? Гибель от жажды ничем не лучше гибели от зубов этих тварей.

— Мы наполним бурдюки вином,— хмуро ответил Холд.

— Пьяным много не навоюешь,— возразил Вожак,— и ты это знаешь не хуже меня.

— Вода все равно скоро кончится, а на вине, как ты сам сказал, мы долго не протянем. Так и так помирать, так уж лучше вырываясь на свободу! — с вызовом возразил воин.

— Вода должна отыскаться и здесь,— пожал плечами Север, словно говорил о чем-то само собой разумеющемся. Зато остальные мгновенно насторожились, тут же решив, что Вожак, как всегда, знает больше остальных.— Те, что прятались на лестнице, в тени, должны потреблять воду. Тем более она необходима крысам, которые грызут кости и своих высушенных собратьев. А судя по их количеству, воды тут должно быть в избытке.

— Что-то я пока не слышал журчания ручейка,— ехидно заметил кто-то.

— Но ведь мы только-только подошли к обитаемым местам,— пояснил Вожак.— Я думаю, они обитаемы именно потому, что вода где-то рядом.

— Во всяком случае,— поддержал его Кучулуг,— двигаясь вперед, мы отыщем ее скорее, чем отступая.

— А драка...— начал было кто-то, но так и не договорил, поняв, что сморозил глупость.

— Клянусь Лепестком, драки нам все одно не избежать! — воскликнула Соня.

— Хочу обратить ваше внимание еще вот на что,— вновь спокойно заговорил Север.— Хозяева подземелий не умеют отпирать замки, но они умны... По своему, конечно... И они понимают, что мы сильны. Быть может, десять наших товарищей расстались с жизнями не зря. Как бы там ни было, нас опасаются. Если мы пойдем дальше, то так и останется до тех пор, пока мы не переступим некую межевую черту... Не знаю, какую, но, думаю, нам дадут это почувствовать. Если же вы решите вернуться, наши зубастые противники вполне справедливо посчитают отступление признаком слабости и не замедлят напасть. В любом случае каждый из отрядов окажется слабее нынешнего. Я предлагаю всем еще раз подумать... До утра.

На том и порешили. Никто больше ни о чем не спорил. Люди вообще почти не разговаривали друг с другом, словно разделившись на два лагеря. Выйти на поверхность хотели все. Но в тех, кто составлял больший отряд, здравый смысл оказался сильнее страха. В другой же, меньшей, группе собрались те, в ком страх вы-

ступал на первый план, заставляя принимать решение лишь на основе того, чего они больше боятся. Сперва они больше боялись остаться. Теперь, похоже, больше боятся уйти. К тому же влияние Севера и в Логове, и за его пределами было так велико, что его доводы убеждали всегда, едва ли не насильно заставляя поверить в них.

Утром никто не упомянул о вчерашней размолвке, так что и новый бунт оказался подавлен без видимых потерь какой-либо из сторон. И те, и другие сделали вид, что ничего не произошло, и по обоюдному молчаливому согласию никто больше не возвращался к неприятной теме.

Сразу после завтрака Соня отомкнула следующую дверь, за которой их ждали все тот же поросший мхом помет с грязно-бурыми звездчатыми цветками.

— И что теперь? — спросила девушка, разглядывая заросшие паутиной проломы в стенах.

— Нужно все-таки дойти до конца, чтобы потом не думать, что что-то осталось вне нашего внимания,— предложил Север, и никто не стал с ним спорить, хотя каждый и понимал, что, скорее всего, ничего из этого не получится.

Дверь в дальнем торце зала нашла, но за ней, в следующем помещении, воины увидели

еще более плачевную картину, нежели накануне. Вновь мох, выросший на человеческом прахе, с редкими пятнами уродливых цветков, неприятно напоминавших сгустки запекшейся крови.

— Идем отсюда,— поморщилась Соня.

— Вот это верно,— отозвалась Халима и добавила то, чего от нее никто не ожидал: — Мне кажется, что и впрямь настала пора возвращаться.

Север кивнул. Быть может, единственный из всех он ожидал от нее такого заявления, и даже в какой-то мере удивлялся, что она не говорила об этом так долго. Однако он пока не сказал ни да, ни нет, и что он думает по этому поводу не понял никто, а объяснять что бы то ни было, судя по всему, он не собирался.

Вместо этого Вожак сделал нечто странное. Он вдруг отошел в сторону, вытянул меч и принялся срезать верхушку кочки, рядом с которой стоял. Никто по-прежнему не проронил ни слова.

Все просто молча наблюдали, как полетело прочь переплетение корней, а в образовавшейся ямке блеснула не тронутая ржавчиной сталь.

— Похоже на сундук,— заметил кто-то у него за спиной, в то время как Север нагнулся, просунул меч под крышку и, пользуясь оружием как рычагом, откинул ее.

Тускло блеснуло золото, но несмотря на его огромное количество, находка ни на кого не произвела особого впечатления. Тем не менее Север нагнулся и зачерпнул пригоршню монет.

— Я таких и не видел,— задумчиво проговорил Вожак, и люди обступили его, теперь уже с интересом разглядывая находку.

Монеты и впрямь выглядели странно. Непривычно толстые кругляши с волнообразной кромкой, возвышавшейся над средней частью.

Кромка имела вид свернувшейся в кольцо змеи, которая держала в зубах собственный хвост. На лицевой стороне каждой монеты рельефно выделялась змеинная голова с венчавшей ее короной, а на обратной вилась надпись на неведомом языке. Монеты сохранились превосходно, и Соне даже показалось, что она различает надменность и ум в чертах разумного змея.

— Твари,— скривилась она, чтобы окончательно отделаться от неприятного впечатления,— еще монеты свои чеканили...

— А ведь каждая едва ли не втрое тяжелее туранского империала! — заметил Кучулуг, подбрасывая кругляш на ладони.— И золото темное, красное... — Почти как кровь,— недовольно проворчал Чико, и Соня поморщилась.

Ей и самой пришло на ум такое же сравнение, хотя она и понимала, что на самом деле

это не так. Однако она давно уже привыкла, что магические камни, помогавшие им видеть в темноте, многое искажают.

— Перестань! — отмахнулся Север.— Просто золото чистое, без примесей, оттого и цвет красноватый,— сказал он, пряча с десятков монет в поясную сумку.— Люблю диковинки,— с усмешкой пояснил он, поймав на себе удивленные взгляды воинов.

В зале нашлось еще несколько таких же заросших мхом сундуков, но их уже никто откапывать не стал. Несмотря на то что богатства в них хранились огромные, унести находку они все равно не могли.

Ратники не стали задерживаться, а лишь водворили тяжелую крышку на место, прикрыли ее выдранной кочкой и отправились назад. Халима задумчиво шагала посреди отряда, отрешенным взглядом уставясь в спину Севера и думала о том, что не оправдались ее надежды. Эта надоедливая мысль все последние дни не выходила у нее из головы. Наказы Странник давал впустую: не за кем оказалось следить и нечего отбирать.

Один раз показалось ей, что Север нашел что-то, да и то она ошиблась. Хотя поток силы... Даже заколка раскалилась... И все-таки — нет. Скорее всего, это из-за той тайной комнаты с изваянием. Ее же личные планы... Тут она подумала, что зря, пожалуй, поторопилась.

Ведь не только за диковинами отправилась она сюда, была и иная причина, причем не менее важная... Нет, нельзя уходить сейчас... Ах! Проклятая несдержанность! Мало ее учила Разара! Теперь придется что-то спешно придумать, чтобы объяснить всем, почему она столь резко изменила мнение.

Она пристально смотрела на могучую фигуру Вожака, на мощные пласты мышц, мягко перекатывавшихся под тонкой кольчугой, и думала о том, сколько дремлющей, нерастроченной силы таится в этом человеке. Силы, которая подстать ее могуществу... Внезапно воин, возглавлявший отряд, остановился, и цепочка ее размышлений разорвалась в самом начале.

Север поднял руку, и все тотчас замерли. В первое мгновение Халима не поняла, что его насторожило, да и теперь, в полной тишине, она по-прежнему не могла различить ни звука. Ее даже начало злить, что он, мужчина, оказался чувствительнее ее, сильной колдуньи, и видит то, чего никак не может увидеть она! Видеть!

Ее словно осенило, и в тот же миг Пифия различила едва заметное свечение, проникавшее в зал через один из проломов. Шли бы они с факелами, наверняка ничего не заметили бы! Да и без обостряющих восприятие камней тоже. Она пристальнее всмотрелась в призрач-

ный, словно сочащийся из камня, свет и еще раз подивилась необыкновенной чувствительности Вожака.

А Север уже медленно двигался вперед, и Соня шла за ним следом, отставая лишь на шаг. Ее заряженный арбалет лежал на сгибе руки, а вся фигура говорила о готовности мгновенно прикрыть возлюбленного. Именно сейчас Халима впервые подумала о том, что ее счастливая соперница делит с Севером не только постель, но и опасности тоже. Но даже смерть за него показалась ей желанной. Лишь бы в последний миг осознать, что он спасен, и тогда... Она почувствовала, как против воли глаза повлажнели, а сердце учащенно забилося... «Тьфу ты, дура! — выругала она себя. — Нашла о чем мечтать — о смерти!» Она украдкой смахнула так и не скатившуюся слезу.

— Вроде все чисто, — сообщил Север, слегка покосившись на свою подругу, словно спрашивая ее мнения, и та кивнула, соглашаясь.

— На сотню шагов вперед нет ничего живого, — стоя за их спинами, сказала Халима, стараясь, чтобы голос ее не дрожал.

Воин, однако, и теперь не удивился. Он словно знал, что она рядом и, обернувшись, кивнул:

— Да, я тоже никого не чувствую.

Тем не менее, прежде чем войти в пролом, он вытянул меч и только затем осторожно дви-

нулся вперед, держа перед собой обнаженный клинок. Соня пошла следом, держась в двух шагах позади, чтобы не мешать ему, но и суметь мгновенно прийти на помощь, если это будет нужно. Ход оказался просторным. По крайней мере, для девушки, хотя она и понимала, что, случись потасовка, Северу придется туго, просто потому что размахнуться негде. Драться придется ей, и она уже начала прикидывать, как стрелять, чтобы не задеть Вожака и в тоже время держать под прицелом возможно большее пространство.

А вот Север ни о чем таком не думал вообще.

Станным образом он чувствовал, что впереди никого нет, и такая уверенность удивляла даже его самого. Он шел небыстро, привычно окидывая взглядом серые шероховатые гранитные стены, но ни единого ответвления, ни места, где мог бы укрыться враг, не видел. Ход выглядел на удивление ровным и прямым, а тусклое свечение в его конце понемногу становилось все ярче. Он слышал, а вернее, ощущал, легкую поступь Сони за спиной и более тяжелые шаги остальных воинов.

Через пятьдесят шагов тоннель кончился. Север вышел на просторную площадку и замер в изумлении. Выходившие следом воины тут же невольно останавливались, так что тем, кто шел за ними, приходилось их подталки-

вать. Вскоре, однако, толчея рассосалась, и люди замерли, пораженные открывшейся их взглядам картиной.

— Клянусь Лепестком,— восторженно прошептала Соня,— это же целый мир!

Везде: внизу, под ногами, над головой и вдаль простиралось некое подобие горной долины. Лавовые потоки, начиная от ярко-желтого, почти белого, и заканчивая всеми тонами красного, бесчисленными ручьями медленно стекали по противоположному склону, собираясь у его подножья в пестрое, змеящееся разноцветными огненными струями озеро.

— Великая Волчица,— простонал Прыгун.— Да здесь светло, словно пасмурным днем!

— Это даже красиво,— заметила Соня, снимая оголовье с магическим камнем.

— Мрачная красота,— отозвался Чико.

— Скорее, непривычная,— возразила девушка.

Горячий воздух поднимался снизу, но не нес в себе удушливого запаха, что сопутствует вулканическому извержению, в нем был своеобразный, совершенно незнакомый людям аромат.

Воины живо обсуждали непривычный для глаз пейзаж, и разговаривали бы еще долго, если б Север — как всегда, первый — не заметил еще одной, несравненно более важной для них вещи. По дну ущелья струилась река!

— Посмотри, как прекрасно! — тихонько рассмеялась Соня. — И там вода!

— Вижу, — кивнул Север. — И вижу еще кое-что, кроме красоты.

Он говорил еле слышно, как говорит с напарником охотник, чтобы не спугнуть чуткую дичь, однако, как ни странно, слова его слышали не только те, кто стоял рядом, но вообще все! Разговоры тут же прекратились, и воины посмотрели туда, куда указывал Вожак.

То один, то другой, обшарив взглядом окружающее пространство, вдруг замирал, пока все не увидели то, на что обратил внимание Север.

Голый скалистый склон. Причудливо, правда, изъеденный ветрами или временем, но и только. Потом одному из ратников показалось, что среди беспорядочного нагромождения камней он различает человеческую фигуру, окаменевшую и к тому же обросшую известковыми отложениями, потому что выглядела она значительно мощнее даже Кучулуга. Но вот изваяние шевельнулось. Движение было скрученным, четко выверенным, в нем чувствовались расчетливость и сила, и тогда его увидели все.

Воины мгновенно оценили его чудовищную мощь и основанную на ней уверенность в своих силах, и только Север уловил странную настороженность незнакомца. Он словно одновременно чувствовал себя хозяином и чего-то опасался.

Как только чужак понял, что его заметили, он тут же двинулся к людям. И вновь в его движениях сквозили сила и опаска.

Он подходил все ближе, и, когда очутился в пяти шагах от застывших в удивлении пришельцев, Прыгун — как назло в первых рядах очутился трусоватый замориец — не выдержал.

Сдавленно вскрикнув, он подхватил с земли ноздреватый валун и занес его над головой — отчего-то ему показалось, что каменного человека можно поразить только камнем.

Существо отреагировало неожиданно быстро. Мгновенно остановившись, оно угрожающе рыкнуло и указало на камень в человеческой руке жестом, не понять который, казалось, нельзя: «Убери это, и все останутся живы!». Быть может, страх, а может, и простая нерешительность удержали Прыгуна от опрометчивого шага, но этого времени хватило для того, чтобы Вожак — похоже, единственный из всех присутствующих здесь людей — сумел верно истолковать происходящее.

— Замри! — скомандовал он как в детской игре, и парень тут же «окаменел». Впрочем, вполне возможно, просто от страха. — Дай камень! — приказал Север и, не дожидаясь, пока смысл фразы дойдет до парализованного ужасом юнца, взял валун из его рук и протянул его незнакомцу.

Кто-то за спиной предостерегающе вскрикнул, но ничего страшного не случилось. Слово того и добивалось, существо приняло из рук человека камень, поднесло его к лицу, как бы принюхиваясь, неожиданно с хрустом откусило кусок и принялось жевать.

— Чуть жратвой в него не запустил,— совершенно спокойно сказал Прыгуну Кучулуг, и парень затрясся в приступе истерического хохота. Затем он опустился на четвереньки, завалился на спину, но остановиться никак не мог.

Халима смотрела на него и брезгливо морщилась, на миг оторвавшись даже от камнееды, существование которого предсказала именно она.

— Поумерил бы свои чувства да нервишки в порядок привел,— посоветовала парню Соня.— Так, говорят, и помереть недолго.

Камнеед тем временем сжевал валун и удовлетворенно рыгнул. Север решил, что теперь можно с ним и поговорить.

— Вода,— сказал он и показал, что пьет из кубка, но камнеед, похоже, не понимал его.— Нам нужна вода,— повторил Вожак, отстегнул от пояса флягу и вытащил затычку.

Камнеед с интересом наблюдал за его движениями, но когда увидел округлую флягу в руках человека, понял того по-своему. Он нагнулся, поднял с земли приглянувшийся ему

камень и протянул человеку — давай, мол, брат, не стесняйся! Ему самому камень видно показался не таким аппетитным, как тот, которым он только что угостился. Да и то сказать, он выглядел гораздо менее ноздреватым, да и прожилок кварца Север не заметил.

— Давай, милый,— едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, приободрила его Соня.— Сделай это... Для меня.

Воины засмеялись, а Вожак заартачился, наотрез отказываясь от предложенного лакомства. Вместо этого он плеснул немного воды на ладонь, зачем-то окунул в нее палец и в третий раз повторил: «Вода!».

Все это время камнеед внимательно смотрел на него, очевидно, стараясь сообразить, о чем просит незнакомец. Он осторожно намокнул палец в налитой в ладонь человека воде, попробовал ее на ощупь и кивнул, давая понять, что на этот раз догадался. Во всяком случае он что-то рыкнул, и на этот раз его рычание никому не показалось угрожающим. Тем более что он тут же развернулся и пошел прочь, но через пару шагов остановился и вполне человеческим жестом предложил всем следовать за собой.

Север удовлетворенно кивнул и, повесив флягу на место, в несколько шагов догнал неожиданного проводника. Прыгуна охватил новый приступ истерического смеха, так что

пришлось вести его под руки. Напряжение мгновенно спало, когда люди увидели, что идут по тропинке не к реке даже, а к бьющему прямо из склона роднику.

Добравшись до воды, все словно обезумели и некоторое время только тем и занимались, что наполняли фляги, да пили, не в силах утолить жажду, которая мучила их вот уже несколько дней.

— Вот уж никогда бы не поверил, что обыкновенная вода может оказаться желаннее драгоценного вина,— усмехнулся Кучулуг, без сожаления выливая на камни рубиновую жидкость.

Многие ратники накачались водой до такой степени, что опьянели, словно от вина, казалось, напрочь утратив способность двигаться. Однако вскоре им пришлось расшевелиться. К уже знакомому им камнееду присоединилось еще пятеро. Причем никто из людей ничего не услышал, так тихо подобрался к ним великаны, и только рокочущие звуки их голосов вывели воинов из оцепенения.

Люди мгновенно насторожились, как всегда, предполагая самой худшее, но незнакомцы и сами выглядели встревоженными, причем, едва ли не больше людей.

Приглядевшись, Север увидел на дне Огненной долины — так он называл ее про себя — еще одну группу каменных исполинов, причем го-

раздо более многочисленную. Похоже, происходило что-то серьезное, но никто из людей пока не понимал, что.

Знакомец уже не обращал на них внимания, а его собратья продолжали настороженно присматриваться к людям. Но первый камнеед что-то отрывисто пророкотал, и остальные успокоились, во всяком случае обращать внимание на непрошенных гостей перестали.

— О чем они говорят? — вдруг спросила Соня и посмотрела на Севера.

— Ты у меня спрашиваешь?

— Ну а у кого же? — удивилась девушка. — Ты ведь с ним вроде общался как-то?

— Ты знаешь,— Вожак задумался над ее словами,— пока мы говорили, мне казалось, что я и впрямь начинаю его понимать, но вот своих мыслей передать не могу.

— И не надо,— кивнула девушка. — Так о чем они говорят? — упрямо повторила она свой вопрос.

— Я, видишь ли, начинал понимать его, только когда он обращался непосредственно ко мне,— признался Север.

— Жаль,— вздохнула Соня. — Мне кажется, нам не худо бы знать, о чем они сейчас спорят.

Вожак кивнул, соглашаясь, но поговорить об этом толком они так и не успели. Из того самого лаза, которым, видимо, пришли «новички» появились странные, припадающие к

земле воины, вооруженные легкими дротиками. Камнееды, однако, не только сами умели тихо подкрадываться, но и обладали завидной чувствительностью. Быть может, они и не опередили Севера, но заметили неприятеля явно не позже, чем он.

Вновь пришедшие не стали мешкать и сходу напали на людей и камнеедов, казалось, нима-ло не подивившись чужакам. Однако и камнееды не заставили себя ждать. С неожиданным проворством они подскочили к пирамидкам аккуратно сложенных булыжников и обрушили на неприятеля град камней. Вожаку не пришлось командовать: все и так прекрасно поняли, на чьей они стороне, и ливень стрел наполнил воздух. Казалось, люди рады возможности даже не сразиться, а выместить злость на зубастых тварей, потому что нападавшими оказались именно они. Только почему-то они не боялись света, но тогда об этой странности никто не подумал.

Камнееды проявляли завидную меткость, но и противник им достался непростой. Посланный могучей рукой камень неизменно попадал бы в цель, если...

Если бы она не успевала улизнуть, рывком переместившись на шаг-другой, чего с избытком хватало, чтобы избежать удара — противники слишком хорошо знали друг друга. Однако нападавших оказалось слишком много —

примерно три десятка против шестерых — и с каждым шагом зубастые маломерки подбирались все ближе к каменным великанам.

Правда, сделать таких шагов каждый из нападавших успел не больше пяти — пока в бой не вступили люди. Соня успела израсходовать всего одну обойму иголок и едва загнала в приемник новую, как увидела, что мишеней уже не осталось.

Они и впрямь походили ростом и комплекцией на двенадцатилетних детей, но на этом сходство и заканчивалось. Сплюснутые черепа с мощными челюстями, казалось, раскрывались на две половины, чтобы острые зубы могли отхватить кусок побольше.

— Не хочь я на них смотреть, — заявила Соня. — Тошнит.

И отошла в сторону. Север вполне понимал ее. Он давно уже успел убедиться в отваге своей подруги. Она не боялась ни смерти, ни крови, но, как и все женщины, трепетно относилась к детям. Эти же создания выглядели злой пародией на маленьких людей. словно создавали их в горячечном бреду, делая пассы трясущимися с похмелья руками, а заклинания произносили пьяным, заплетающимся языком.

— Боюсь, что придется с ними еще встретиться, — сказал Вожак, но Соня ничего не ответила.

Она подняла с земли дротик и с удивлением уставилась на него.

— Ты посмотри! — воскликнула девушка. — Узнаешь?!

Север взглянул на ее добычу и кивнул:

— Да. Высушенный шип лианы.

— И когда это ты успел... — ревниво начала она, но тут же переключилась на другое: — Неужели этот шип пробивает их каменные тела?

— А с чего ты взяла, что они из камня? — вопросом на вопрос ответил Север. — Сдается мне, что бедняги изуродованы ничуть не меньше своих врагов... Только на иной вкус.

— Вкус! — зло огрызнулась Соня.

— Другой мастер их делал, — поправил себя Вожак.

— Мастер... — недовольно проворчала девушка, и Север беспомощно всплеснул руками: — Ну не придирайся к словам.

— Еще и не начинала, — огрызнулась Соня, — но начну, если не прекратишь...

Она направилась вниз по тропе, вслед за каменными обитателями долины, почему-то не сомневаясь, что Вожак собирается остановиться здесь надолго.

Правду сказать, лучшего времени для передышки и не придумать. Только что они помогли этим странным существам остаться в живых, и у кого, как не у них, можно узнать, что

здесь происходит и чего опасаться в дальнейшем?

Узкая тропа петляла по крутому склону, так что людям пришлось идти гуськом, по одному. Их вел уже знакомый камнеед, а шествие замыкала пятерка сражавшихся с ними воинов. Тропа привела их в селение, состоящее из непривычных строений, походивших на дома самых северных народов, но сложенные из камня. Это показалось странным, если учесть, что под землей не бывает ни ветров, ни дождей, но зато, как оказалось, случаются камнепады, и такая форма жилища позволяет их обитателям уцелеть. И еще люди увидели огромное количество знакомых им уже хищных лиан, только отличавшихся от мясистыми стволами и толстыми сочными листьями.

— Насосался воды, — пояснил Север, но девушка только пожала плечами, показывая, что как раз это ей совершенно все равно.

— Меня вот другое интересует, — заметила она. — Если их тела пробивает шип лианы, то как они не боятся жить здесь?

— И почему не выведут эту дрянь? — подержала ее колдунья, которая случайно услышала их разговор. — Смотри, сколько он крови насосал! Из кого?.. — Она запнулась, да так и не закончила фразы.

Стоявший рядом с ними Кучулуг указал на тут и там красневшие плоды.

Только здесь странных «ягод» оказалось гораздо больше, сами они значительно крупнее, а цвет их гораздо светлее и ближе к естественному цвету крови.

— Сейчас узнаем,— ответил Север.— Грраг! — громко позвал он и, прислушавшись, повторил призыв: — Грра-аг! Так зовут нашего проводника,— пояснил он, увидев удивление на лицах спутников.

— Похоже на грохот падающего камня,— улыбнулась Соня.

— Пожалуй,— кивнул Вожак и направился навстречу показавшемуся в конце селения камнееду.

— Не понимаю,— усмехнулась Соня,— как он с каждым умудряется найти общий язык. Халима ничего не ответила.

Лишь молча пожала плечами, подумав: «Уж если с тобой, рыжая дрянь, он ладит, то договориться с ожившим булыжником ему проще простого!» Она отвернулась и замерла, пораженная, а через несколько мгновений уже все смотрели в ту же сторону.

По берегу реки, поднимая тучи брызг, носились сломя голову детишки. Явно не человеческие, но и не камнеедские тоже.

От своих соплеменников они отличались нежно-розовой человеческой кожей, даже отдаленно не напоминавшей каменный покров тел их родителей. И в то же время массивные уг-

ловатые тела не оставляли сомнений в их происхождении.

Один из детей подбежал к людям и остановился перед притихшей толпой, разглядывая чужаков. Вполне естественным для любого мальчишки движением он засунул палец в рот и смотрел на незнакомцев с явным интересом. Без малого полсотни взрослых мужчин ответили ему тем же, разве что пальцев в рты не клали. Кучулуг нагнулся и поднял с земли небольшой ноздреватый обломок.

— На, мальчик, скушай камушек,— просто-душно предложил он и, присев, протянул свой незатейливый гостинец.

Мальчишка перевел взгляд на гиганта вынул палец изо рта и, неожиданно расхохотавшись, развернулся и кинулся прочь, да так, что только засверкали розовые пятки. Воины тоже рассмеялись, а Кучулуг встал и, выбросив камень, проворчал беззлобно:

— Маленький поганец.

— Не умеешь ты общаться с детьми,— хмыкнула Соня, и общий смех вспыхнул с новой силой.

Север с Гррагом тем временем успели зайти в один из конусообразных домов и теперь приближались к отряду, причем камнеед нес в руках огромный плод ярко-красного цвета.

— И что это значит? — выражая общее недоумение, поинтересовалась Соня.

— Это плод гр-оора,— по слогам произнес Север.— Из слов Гррага я понял, что название это — производное от крови и коровы одновременно, и суть отвечает звучанию.

Соня перевела недоуменный взгляд с Вожака на его странного спутника, и тот кивнул, видимо, верно отгадав смысл вопроса.

— Что это значит? — тем не менее спросила девушка.

— Это мясная ягода,— пояснил Север.

Он взял из рук камнееда плод, положил его на чистый камень с плоской вершиной, что заменяли камнеедам столы, и, вытащив кинжал, разрезал плод на дольки подобно тому, как принято резать дыню или арбуз.

— Ну? Кто первый? — Он обвел воинов насмешливым взглядом, взял одну из долек и, отрезав от нее небольшой кусочек, отправил его в рот.— Вкусно,— кивнув, сказал он через некоторое время.— Мякоть как у персика, но вкусом напоминает омара.

Его пример возымел действие, и то один, то другой воин с опаской повторяли опыт, но, как только еда попадала в рот, настороженное выражение на лицах сменялось удовлетворением.

— Не могу,— мотнула головой Соня, и ее густые кудри темной медью разметались по плечам.— Я как вспомню Сога...

— Ерунда,— возразил Кучулуг.— Мы едим мясо зверей, и хищников в том числе. Не вижу

разницы! — заявил он, отправляя в рот очередной кусок: ему еда явно пришлась по вкусу.

— Разница здесь.— Девушка коснулась лба кончиками пальцев.— И с этим мне ничего не поделать.

Кучулуг лишь молча пожал плечами, вполне может статься, просто потому, что слишком плотно набил рот сочными кусками.

— Что же все-таки с лианами? — спросила Соня, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Они защищают деревню камнеедов,— ответил Север и по лицам людей понял, что ответ его оказался совершенно неожиданным.— Да, да,— кивнул он, подтверждая сказанное.— Те, что напали на них наверху, гррызы — помесь крысы с человеком. Они непримиримые враги с гррагами. Они ничего не могут поделаться со взрослыми особями, только убить их, но детеныши гррагов для них настоящее лакомство. Они охотятся на них из-за мяса. Для них дети гррагов — всего лишь дичь.

— Ты начал говорить о лианах,— напомнила Соня.

— Да,— согласился Вожак.— Так вот, мы верно предположили — лианы действительно разумны. Они не трогают гррагов, а, как я уже говорил, защищают их. В обмен на это камнееды снабжают мозг гр-оора водой, без чего тот впадает в полусонное состояние и не в силах

позаботиться не только о себе, но и о гррагах. Так что теперь они просто не могут обойтись друг без друга.

— Интересная история,— улыбнулась Халима.— Нечто подобное я и предполагала.

— И оказалась совершенно права,— кивнул Север.

— Но зачем гррагам плоды гр-оора,— спросила она,— раз уж они питаются камнями?

— Не им, нет — их детям,— ответил Вожак.— Как уж ахеронские маги сумели создать расу гррагов, я не знаю, но способность поедать камень они обретают, лишь становясь взрослыми. Кстати,— добавил Вожак и обернулся к камнееду,— Гррааг говорит, что плоды диких лиан дольше не портятся, будучи сорванными, и очень питательны, так что в дальнейшем мы сможем пополнять свои запасы.

— Спасибо за совет,— скривилась Соня.

— Грраг обещал, что лианы нас теперь не тронут,— сообщил Север еще одну не менее удивительную новость.— Завтра он познакомит нас с Великим Гр-оором.

— Что-то я не слишком понимаю, о чем ты...— нахмурилась Соня.

— Все лианы — дети великого Гр-оора и связаны с ним, но их сознание спит без воды. Поэтому они ведут себя как хищные животные, но беспрекословно подчиняются приказам От-

ца. Завтра мы увидимся с ним, и Гр-оор расскажет о нас детям. Это займет у него много времени и сил, так что придется переждать здесь несколько дней.

— Ты хочешь сказать, что они сумеют отличить нас от этих... Как ты назвал их? Гррызов?

— Покажи им,— попросил Север, повернувшись к Гррагу.

Камнеед подошел к увитому плющом склону скалы и отогнул один из листов. Под ним скрывалась толстая лиана, заканчивавшаяся округлым утолщением. Очутившись на свету, она тут же изогнулась и уставилась на людей неким подобием глаза, которое тускло отсвечивало маленьким красным огоньком.

Соню передернуло от омерзения, но больше она никак не выказала своего отношения к тому, что увидела.

Каким бы неприятным ни казался ей этот новый друг, но она понимала, что в качестве врага он еще хуже.

Остаток дня гости провели, отдыхая. Следующий день, день посещения Великого Гр-оора, оставил в памяти Сони отвратительное и одновременно смутное впечатление, именно потому, что она старалась поменьше смотреть по сторонам и как можно меньше запоминать.

Изменив своей привычке, она на этот раз старательно держалась позади всех и не высывалась.

— Так, значит, ты и есть Великий Гр-оор? — спросил Север, и Соня услышала странный, похожий на тихий шелест опавшей листвы голос невидимого существа:

— Так называют нас грааги.

— А как вы повстречались с камнеедками? — вновь спросил Север.

— Камнееды? Мне нравится это слово... Но они появились после... Я первым пустил здесь корни, ха-ха! Не обращай внимания на мой юмор. Он всего лишь пережиток былых времен.

— Пережиток?

— Ну да! Я ведь тоже был когда-то человеком, более того — великим магом. Да вот захотел вечной жизни... Ну или хотя бы долгой — как у секвай! Не там искал, — после паузы добавил Гр-оор. — Ошибся немного... Но я не жалею! Нет! — бодро воскликнул он. — В таком существовании тоже есть хорошие стороны. Например охота!

Тут Соня впервые решила посмотреть на Повелителя лиан и тут же пожалела об этом. Она увидела великолепно-омерзительный бутон, походивший на пухлые чувственные губы ярко-розового цвета. Разговаривая, они раскрывались, совсем как человеческий рот. Однако стоило ей пошевелиться, как десяток горящих угольками глаз мгновенно развернулся в ее сторону. Ее заметили, и девушка сразу

поняла это по тому, как расплывшиеся в гнусной ухмылке губы причмокнули.

— Любо-овь... Помню, — вздохнул Гр-оор. — Жаль, самочку сотворить себе не успел.

«Ну нет! С меня хватит!» — решила Соня, развернувшись и направившись прочь, чтобы не видеть больше отвратительного рта с его мерзкой улыбкой и не слышать его сомнительных шуток. Остальные, впрочем, также не слишком задержались у Великого Гр-оора. Получив благословение главаря банды плотоядных растений, все тут же удалились.

Пять последовавших вслед за этим событием дней люди провели в праздном ожидании: много спали, сытно ели, купались в реке, жалея о том, что опрометчиво опорожнили флаги с вином у ручья. И только Север умудрился отыскать себе занятие. За два первых дня он обучил своего приятеля-камнееда изготавливать из шкур убитых грызнов пращи и метать с их помощью камни, а в последующие три дня наблюдал, как тот, в свою очередь, обучает этому искусству своих товарищей.

— Зачем ты это делаешь? — спросила как-то Халима. — Мы ведь сюда еще вернемся, и не раз. Неужели ты хочешь, чтобы нас встретили градом камней?

— Я действительно хочу, чтобы нас встретили, — ответил Север. — В чужом и враждебном мире хорошо иметь место, где можно отдох-

нуть и отсидеться. А еще лучше — если тебя встретят дружелюбно. Но для этого камнееды должны, по крайней мере, выжить.

Так и не начавшийся спор на этом и прекратился.

И Вожак, и Пифия поняли, что все равно не смогут договориться и до конца понять друг друга, ибо не только взгляды, но и цели у них были совершенно разными. Если Халима не сомневалась в том, что от обитателей подземелий, и хороших, и плохих, лучше всего избавиться, то Север, как всегда, старался завести друзей повсюду, и здесь тоже. Кроме того, гирканка вовсе не хотела с ним спорить — просто высказалась и все.

Она видела, что Вожак вновь оказался прав: отправившись вперед, они нашли и пищу, и воду, а случись беда, и впрямь могут вернуться и получить здесь убежище. И хотя каменные уроды не вызывали у нее никаких добрых чувств, а их нежно-розовые отпрыски так и просто казались отвратительными, чтобы спасти свою драгоценную жизнь, она, пожалуй, готова была терпеть даже их. Именно так она и заявила остальным, когда Великий Гроор сообщил, что никто из его детей не тронет ни одного человека. Строптивцы вновь посчитали, что теперь лучше всего пробиваться наверх, но, к всеобщему удивлению, на этот раз Пифия не приняла их сторону.

Отряд проводили на вершину того же плато, где люди впервые повстречались с Гррагом, и здесь они расстались с камнеедами. Тем же ходом, что попали в Огненную долину, они выбрались в заросшую лианами маленькую комнату, а миновав его, вошли в круглый зал.

Закрытой оставалась лишь одна, последняя дверь. Север прислонился к ней ухом и услышал все тот же отдаленный металлический лязг.

На следующее утро Соня вскрыла последний замок. Предварительно погасив факелы, отряд вступил в темный зал.

Однако тьма вовсе не была крошечной.

Почти сразу все увидели, что где-то вдалеке пылает пламя, и слышали, что тяжкие удары стали о сталь доноситься оттуда же. Словно кто-то бил молотом по наковальне.

Когда это поняли все, ратники немного повеселели, надеясь, что наконец-то встретят не кровожадных тварей, единственная цель которых — загрызть непрошеного гостя, а тех, кто умеет что-то делать своими руками.

Тем не менее каждый держался настороже, и отряд двигался вперед медленно, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Воины уже не обращали внимания на лианы, устремив взгляды вперед. Источник света все приближался, и постепенно стали слышны не только удары молота, но и странная визгливая

речь, при звуках которой многие невольно подумали об убитых ими гррызах.

Север поднял сжатый кулак, призывая всех держаться вместе, хотя до сих пор ни одного живого существа им увидеть так и не удалось. И в это мгновение неожиданно стало тихо.

Сперва умолкла речь, а за ней — и удары молота, и Вожак понял, что несмотря на все предосторожности они обнаружены. Он обернулся к своим людям и описал кистью руки полный круг. Воины тут же выстроились в кольцо, беззвучно сомкнув щиты и ошестинившись копьями. И вовремя. Лучники едва успели изготовиться к стрельбе, высматривая невидимые пока цели, как бой начался.

Вооруженные такими же дротиками гррызы с диким визгом ринулись на пришельцев, но только теперь их было значительно больше, да и настроены они оказались гораздо решительнее. Если нападавшие в Огненной долине в первую очередь стремились увернуться от камня и продвинуться вперед, то эти ринулись в атаку, с разбега швыряя оружие в незваных гостей. Только щиты и кольчуги позволили людям выстоять, и не только выстоять, но и отбросить противника.

Похоже, гррызы уже знали о людях. Знали о том, что плоть людская, не в пример телам камнеедов, податлива, и потому слишком поспешно отбросили свое оружие, понадеявшись,

видимо, на острые зубы, и просчитались. Град стрел обрушился на них, сметая ряды нападавших, но, быть может, даже это не помогло бы людям выстоять, не получи они неожиданную помощь... Кузнеца!

Даже великана Кучулуга превосходил он ростом на полголовы, а над коротышками возвышался настолько, что те едва доставали ему до пояса. Его огромный молот взлетал над головой и опускался на плоские затылки разумных хищников с размеренностью маятника.

— В союзника не попадите! — гаркнул Кучулуг и в тот же миг опешил, увидев, кто им помогает.

Гигантский скелет шел им навстречу, размахивая тяжелым оружием. Кости скелета ярко отсвечивали в пламени горна, словно были изготовлены из стали...

— Стальной скелет...

— Стальной Кузнец! — эхом отозвался он, ни на миг не прекращая сокрушать черепа.

Кучулуг спохватился и с удвоенной силой заработал копьем, иногда умудряясь насаживать сразу двоих и резким движением руки тут же стряхивать их с острия. Без усталости колол гирканец, и без усталости работал кузнец. Без усталости стреляла Соня, иглу за иглой посылая в плоские рожи нападавших. Ее руки двигались сами собой, взводя арбалет и перезаряжая его после нескольких выстрелов.

Казалось, что они даже цель себе выбирают сами, в то время как сверкающие глаза неистовой воительницы выискивали наиболее опасные для отряда места, чтобы следующие иглы полетели именно туда. Она тоже увидела гигантскую фигуру, но пока не обращала на нее внимания: времени рассмотреть нового союзника еще хватит, если... Если они останутся живы.

Север также посылал стрелу за стрелой, иногда даже умудряясь делать это быстрее, чем его подруга, и ни одна из них не пролетела мимо цели. Он уже не сомневался, что они одержат верх. Не сомневался даже тогда, когда ряд щитов разомкнулся, и гррызы устремились в прореху. Неуловимо быстрым движением он выхватил из-за спины клинок и в считанные мгновения снес несколько отвратительных голов.

— Сомкните щиты! — крикнул он, отступая.

Понемногу шум битвы стихал. Кольцо оборонявшихся воинов разомкнулось, и фланги стремительно выдвинулись вперед. Те, кто совсем недавно яростно нападал на людей, теперь были вынуждены защищаться, и как только кольцо копьеносцев сомкнулось, началось избиение.

Ратникам даже не пришлось прилагать особых усилий, чтобы добить врага. С последними двумя десятками гррызов Стальной Кузнец

расправился в мгновение ока. Теперь он стоял, упершись окровавленным молотом в кучу трупов, и смотрел на обступивших его людей.

— Спасибо за помощь, незнакомец, — заговорил наконец Север. — Ты подоспел вовремя.

— Пустое, — ответил тот низким шепотом. — Вы прекрасно справились бы и без меня.

Пока он говорил, Соня старалась повнимательней рассмотреть его. В отличие от Великого Гр-оора Стальной Кузнец, хоть и выглядел, мягко говоря, необычно, не вызывал у нее неприязни.

Она и прежде слышала о разных пакостях, творимых при помощи колдовства, но никогда не видела живого скелета, и уж тем более не представляла, что он может порождать добрые чувства. Ее взгляд быстро пробежал по могучей фигуре, отмечая каждую кость стального костяка, пока не остановился на глазницах, которые не пустовали! В их глубине полыхали мрачным темно-серым пламенем живые глаза, а при отсветах огня переливались перламутром, и только зрачок оставался черным, как ночь.

— Я предлагаю вам свое скромное жилище. — Он величественным жестом указал туда, где горел огонь, а голос его звучал негромко и в то же время необычайно проникновенно. — Хотя оно и не слишком приспособлено для человека.

Никто не возражал.

Крысы уже набросились на убитых грызлов, и начало отвратительного пира сдерживалось только присутствием людей. Забрав двоих убитых, ратники двинулись вперед, но прежде чем предаться отдыху, позаботились о павших товарищах. В кузне оказался большой запас угля, и вскоре погребальный костер запылал, взметнувшись столбом пламени к высокому своду.

— Впервые нам удастся достойно похоронить погибших, — сказал Север, — и я хочу, чтобы они стали последними.

Он обвел взглядом живых — сорок воинов и двух девушек — и ничего больше говорить не стал.

* * *

— Я служил оружейником при дворе Брога IX, — начал свой рассказ Стальной Кузнец, которого, как оказалось, звали Стакул. — Тогда, в двадцать лет, подобная судьба казалась мне завидной... В самом деле, далеко не каждый, будь то кузнец, как я, портной или золотых дел мастер, познает почти все секреты ремесла смолоду. Однако мне, как я тогда считал, повезло. Впервые попав еще мальчишкой в деревенскую кузню, я больше и думать ни о чем не мог, кроме огня и железа. В любом аромате мне чудился запах раскаленной стали, в лю-

бом звуке слышался гул гудящего в горне пламени и стук молота... Мать говорила, что я тронулся умом, а отец лишь посмеивался, возражая, что только из таких — ни от мира сего и получают со временем настоящие мастера. Он оказался прав, мой отец. Я и в самом деле чувствовал металл как никто другой.

Однако счастье мое стало со временем моим проклятием, хотя понял я это далеко не сразу. Я ковал мечи, каких больше не мог изготовить никто. Из-за этого у меня появилось множество завистников, но им оставалось только копить злобу, потому что открыто выступить против королевского оружейных дел мастера никто не смел. Но вот случилась беда, хотя тогда я не понял и этого.

Как-то раз король пришел ко мне в кузницу — что само по себе уже было удивительным — и принес меч, потребовав изготовить такой же. Надо сказать, что он слыл сильным воином, и по праву. Так что в оружии разбирался превосходно. Я принял клинок с поклоном, и повелитель удалился. Поначалу задача не показалась мне неразрешимой, хотя подобного меча я прежде никогда не видел. Сталь слегка отличалась голубизной и выглядела полупрозрачной. Но главное заключалось не в этом — на лучших из моих мечей этот клинок оставлял глубокие зарубины, а оружие попроще я и вовсе мог рубить им, как дрова.

Первое впечатление оказалось ошеломляющим, но деваться мне было некуда, и я принялся за работу, многократно перековывая, уплотняя сталь. Я использовал различные способы закалки, жесткой и мягкой, применяя их то врозь, то вместе, пока не понял, что исчерпал себя — новых мыслей не возникало. Со временем мне удалось сделать отличный клинок, но он все равно уступал тому, что я получил из рук короля. Тогда я снова всерьез задумался над этой загадкой и пришел к выводу, что дело в стали. Точнее, в ее составе. Недаром клинок короля выглядел так, словно изготовили его не из металла, а из льда.

Я так и сказал повелителю. Он же в ответ просто пожал плечами и предложил мне не тратить времени и сил на разговоры и сварить нужную сталь... Ведь я как никто чувствовал ее! Я принялся за дело. Годы шли, я постепенно двигался вперед, но конца пути пока не видел. Мне удалось сварить сталь и выковать из нее клинок воистину удивительный. Его покрывали затейливые узоры, он гнулся так, что тонкий одинарный меч я мог обернуть вокруг пояса и в то же время рубить им, как полено, обычную сталь. Мой меч превосходил любой другой, кроме... Кроме того, что дал мне король.

Я честно признался в этом владыке, показав ему все особенности своего оружия. Надо ска-

зать, Брэг IX не только слыл искусным воином, но и славился своей свирепостью. Он жестоко расправлялся с врагами — это понятно. А как он наказывал нерадивых слуг! Об этом ходили легенды. И, главное, он никогда не прощал ошибок. Однако он умел различать мнимые и настоящие трудности и никогда не наказывал тех, кто преданно ему служил, даже за неудачи. Иное дело, что его дары нередко оборачивались для людей бедами. Так случилось и со мной.

Я спросил, откуда взялся этот меч, и повелитель ответил мне, что оружие это создали в те времена, когда на земле водились драконы, а нааги еще не стали народом и считались просто диким племенем. Войны сотрясали мир, и вот как-то раз большая группа людей и Мудрых решила удалиться в земли, где не знали битв. Надвигалась большая война, и для гвардии телохранителей решили изготовить особое вооружение. Летописи гласят, что это именно Мудрые создали набор заготовок, из которых предстояло сделать оружие и доспехи. И еще в хрониках говорилось, что на каждом из них стояло особое клеймо, указывавшее на его предназначение. Позднее я видел эту летопись, но так и не нашел в ней ни одной подделки. Она только раздражила меня. И еще я узнал, что беглецы прихватили с собой все заготовки и секрет оказался окончательно уте-

рянным. Осталось всего несколько образцов уже изготовленного оружия, один из которых случайно и попал в руки короля.

Когда я впервые услышал об этом, то, признаться, опешил. Да ведь мне жизни не хватит, чтобы раскрыть эту тайну!

Но повелитель только усмехнулся. «Ты никогда не умрешь,— сказал мне он.— Гробор позаботится об этом». Вот тогда-то я испугался по-настоящему, ибо верховный маг владыки пользовался в Пифоне дурной славой. Однако я успокоил себя тем, что он не посмеет причинить вреда королевскому оружейнику. Я оказался прав, но лишь отчасти. Ведь вред каждый понимает по-своему...

Все колдовство заключалось в том, что меня заставили выпить какую-то дрянь. И хотя она не обладала вкусом, я не мог пить ее без содрогания, потому что Гробор слыл некромантом и снадобья свои готовил с помощью черной магии. Почти сразу я перестал управлять своим телом и своими мыслями и хотя хорошо помню, что ел, пил и даже спал, не могу припомнить ничего из того, что со мной делали или приказывали делать мне. Такое состояние длилось целую луну. Потом я пришел в себя. Никогда не забуду, как Гробор усмехнулся и сообщил мне, что теперь я бессмертен и должен отработать владыке долг, создав нужное ему оружие.

А король желал иметь непробиваемые доспехи и всесокрушающий клинок...

— Но ведь одно противоречит другому! — не выдержав, воскликнула Соня, впервые позволив себе прервать рассказчика.

— Именно,— согласился Стальной Кузнец и, помолчав, продолжил: — Однако спорить я не стал, а предпочел вернуться к любимой работе, теща себя надеждой на то, что переживу повелителя и таким образом сумею избежать наказания за то, что не исполнил его сумасшедших желаний. Увлеченный любимым делом, я вновь позабыл обо всем. Нужного результата я получить так и не сумел, но порой мне удавались удивительные вещи, и благодаря им гнев стареющего короля обходил меня стороной, хотя, мне кажется, он и понимал, что желаемого не получит... Вскоре Брэг IX скончался.

Однако время шло, понемногу и ко мне подкралась старость. Подошла пора, когда человеку положено умирать, однако смерть все не приходила, хотя мне очень хотелось верить, что колдовство не удалось. Мое тело стало дряблым и сморщенным, но сила, как ни странно, не покидала меня. В один из дней я почувствовал, что со мной творится что-то неладное, и вскоре случилось то, что и заклтому врагу не пожелаешь. Очень скоро мое тело начало разваливаться на куски, но я никак не

мог отбыть в Страну Мертвых. Я не знал, что мне делать, а Гробор только посмеивался, говоря, что скоро я избавлюсь от брэнной оболочки и вновь смогу послужить любимому повелителю. Пусть даже того давно нет среди живых. Чудовище! От меня смердело, как от протухшего трупа, мясо отваливалось кусками, а остатки болтались рванными лохмотьями! Но он оказался прав, этот ублюдок. Избавившись от разлагающейся плоти, я почувствовал, что как бы родился заново. Стал, как бы это сказать, другим что ли...

— Человеком,— подсказала Соня.

— Уж не знаю, кем я стал,— продолжил Стакул,— но только вскоре мое новое состояние и впрямь понравилось мне. Я больше не испытывал ни голода, ни жажды, ни усталости. Отпала потребность во сне, а силы, казалось, удесятились! Я и думать забыл о той постылой жизни, когда был полутрупом. А ведь был момент, когда, доведенный до отчаяния, я попытался бежать, сам даже не зная, на что надеясь. Да вот только через двери пробиться так и не смог, ведь к тому времени уже десять лет находился здесь. Меня вернули и приставили стражу, которую мне ничего не стоило разметать, но я смирился... Даже сам не знаю, почему. Быть может, понял, что единственный для меня выход — это броситься в пламя горна, а этого я себе почему-то позволить не мог. На-

верное, боялся осквернить его чистую силу своим телом, замаранным черным колдовством...

— Досталось же тебе...— посочувствовал ему Север.

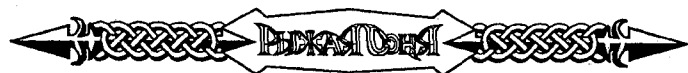
— А я не жалею, что остался в живых! — неожиданно заявил Стакул.— Я уже привык к своему новому телу и думаю, даже мог бы изведать счастье, если бы мой труд приносил пользу, а не вред! — Он почти выкрикнул последние слова.— Гррызы хотят, чтобы я выковал им оружие, способное рассекал камни! Уж не знаю, зачем оно им понадобилось, но не для доброго дела.

— А смог бы? — спросил Вожак.

— Не знаю...— подумав, ответил Стальной Кузнец.— Камень камню рознь... Туф, даже мрамор — наверняка. Гранит...— Он покачал головой.— Вряд ли... Тут без магии не обойтись.

— Ну вот и хорошо,— успокоившись, кивнул Север.— Что ты намерен дальше делать? Может, пойдешь с нами? Вернешься в Светлый Мир?

При упоминании о Светлом Мире глаза Стального Кузнеца полыхнули огнем. Он окинул быстрым пронизательным взглядом своих гостей, на короткое мгновение остановившись на каждом из них, и так же внезапно огонь в глазах потух.

— Вряд ли мне найдется там место,— с горечью сказал он.— Я ведь даже не просто скелет. За века пары стали пропитали меня насквозь. Люди будут меня бояться, пугать мной ребятишек... Нет, такая жизнь не по мне. Лучше уж здесь, одному...

Никто не стал его разубеждать. Все понимали, что он, пожалуй, прав: там, где сияет Око Митры, не место такому созданию. И пусть он сохранил в себе гораздо больше душевных человеческих качеств, чем многие люди. Это невозможно объяснить всем и каждому.

— А не слышал ли ты чего о Святилищах? — заговорила наконец и Халима.— Где они расположены, или хотя бы в какой стороне их искать?

— О том мне не ведомо, госпожа,— смиренно ответил он.

— А ты не лукавишь? — Пифия старалась говорить ровно, но люди, хорошо знавшие ее, услышали в голосе колдуньи еле сдерживаемое раздражение.— Прожив здесь столько веков, ты не можешь не знать больше нашего.

— Быть может, я сумею пояснить, что мы ищем? — заговорил Север.— Халима имела в виду небольшие прямоугольные залы. Входы в них защищены магией, а стены исписаны рунами. В конце зала обычно находится трон из черного камня, и на нем сидит однорогий и одноглазый верзила.

— Теперь понимаю,— кивнул Стальной Кузнец.— Ты говоришь о Ключниках.

— Ключники?! — воскликнула Халима.— Что за ключи они хранят? И где?

— О том мне не ведомо,— смиренно повторил Стакул.— Я ведь никогда не покидал этого зала и не видел ни Ключников, ни их обитателей.

— Но ты хоть знаешь, сколько их?

Но и теперь Стакул только беспомощно развел могучими стальными ручищами:

— Нет, госпожа. Знаю только, что не один.

Однако Халиму не удовлетворили его уверения, и, хотя открыто выражать свое сомнение она не решилась, все-таки почла не лишним проверить его слова и отправилась исследовать зал. Но почти сразу колдунья поняла, что ошиблась. Она увидела обитые железом стены и никакого следа входа. Только горы угля да полки со стальными заготовками.

Наутро пришла пора прощаться. Стакул еще раз повторил, что остается, но на прощание сказал:

— Вы хорошие люди, и мне хочется, чтобы все вы остались живыми. Поэтому предупреждаю — не заходите в проломы.

— Ты говоришь о хищных растениях,— кивнул Север.— Нам эта опасность не грозит.

— Я говорю о Черных Пауках,— произнес кузнец зловещим шепотом. Он окинул быстрым взглядом Соню, Севера и Халиму, и от

него не укрылось, как вздрогнула прекрасная колдунья.— Черные Пауки живут только в пробитых в камне лазах, потому что не выносят даже того слабого света, которым порой светятся глаза вечно голодных лиан... К тому же в узком лазе проще сплести сеть и легче подавить сопротивление попавшейся жертвы. Я не знаю, откуда взялись эти твари, но уверен, что они появились здесь гораздо позже меня.

— Ты и правда уверен в этом?

— Ну да,— убежденно кивнул он.— Прежде здесь вообще все выглядело иначе. Залы заливали потоки яркого света, а проломов в стенах просто не было. А все эти твари: и зубастые гррызы, и те, на кого они охотятся,— пришли значительно позже.

Стакул умолк, но Север видел: хотя ему есть что сказать, он почему-то сдерживается. Ни на миг не усомнившись в том, что Стальной Кузнец знает, что делает, настаивать Вожак не стал.

Он кивнул на прощание приютившему их на ночь человеку — несмотря на странную внешность Вожак относился к нему именно так — и направился догонять своих, сознавая, что расстанется с Кузнецом не без сожаления. Они быстро вернулись в круглый зал, без задержки миновали его и вышли на площадку перед лестницей. Им предстояло попасть в следующий зал, и Соня без промедления приня-

лась за дело, так как заночевать они собирались уже там. Уже давно никто не испытывал того трепета, что овладел всеми, когда девушка вскрывала первую попавшуюся им на пути дверь. Да и она теперь знала, как действовать.

Но оказалось, что еще есть чему удивляться: за дверью людей ждала узкая пещера. Необработанные гранитные стены, испещренные проломами, высились справа и слева, пол устилал толстый слой утоптанного помета.

Воины не увидели здесь ни крыс, ни лиан, но издалека до них доносился шум боя — дикие крики гррызов перемежались частыми ударами. Люди переглянулись. Если они застали междоусобные распри, то лучше держаться подальше.

Соблюдая осторожность, отряд двинулся вперед.

Скоро узкая часть пещеры закончилась — стены резко разошлись в разные стороны. Впреди тут и там высились гранитные подпорки, которые удерживали высокий свод. Утоптанная труха мягко пружинила под ногами, скрадывая шум шагов, а поскольку люди старались не говорить, то их до сих пор и не обнаружили. Шум и крики становились все громче. Тьма сделалась не такой непроницаемой. Через вправленные в оголовья камни любой, даже самый слабый, свет казался едва ли не ослепительным сиянием.

— Туда,— негромко скомандовал Север и махнул рукой, показывая на левую стену, на полпути к которой высилось непонятное сооружение.

Теперь двигались еще осторожнее, опасаясь нарваться на прибежище грызов, но опасения оказались напрасными.

То, что издаലെка показалось людям черной громадой, на поверку оказалось почти круглым в плане цирком, вырубленным в сплошной скале. Трибуны уступами поднимались к самой вершине, и только три прохода вели из амфитеатра наружу.

И здесь царил почти полная тьма. Даже с помощью магических камней разглядеть что-нибудь было очень трудно.

— Словно темная безлунная ночь, а небо затянуто тучами,— сказала Соня, и Север кивнул, соглашаясь.— Не понимаю,— продолжила девушка.— Если они кого-то опасаются, то почему не расположились здесь, где так удобно обороняться?

— Потому что это место может легко превратиться в ловушку, из которой нет выхода. Мы — другое дело, и нам оно подойдет, но тоже лишь как укрытие, а не как крепость. Если нападут, лучше сразу двигаться к выходу. Не хочешь прогуляться, посмотреть, чем они заняты? — спросил он, и Соня с готовностью кивнула.

— Я с вами,— неожиданно заявила Халима.— Если в конце зала отыщется Святилище, то лучше проникнуть в него прямо сейчас, чем задерживаться здесь еще на день.

Вожак вопросительно посмотрел на свою подругу, и девушка выразила согласие еще одним кивком.

— Так лучше,— сказала она.— Осмотрим все под шумок, а поутру никто даже не узнает, что мы побывали здесь.

— Ты останешься за главного,— велел Север Кучулугу.— Мы вернемся к утру. Хорошо бы вам уже подняться.

Захватив немного еды и вина, Вожак с двумя спутницами оставили лагерь и двинулись вперед. Всем троим не терпелось посмотреть, чем занимаются острозубые коротышки. Они шли от столба к столбу, стараясь, чтобы между ними и сражающимися все время находилось препятствие.

Поначалу это удавалось без труда, но чем дальше они продвигались, тем осторожнее становились их шаги. Север все чаще оглядывался назад. Ему казалось, что грызы их обнаружили и идут по следу, однако он никого не видел. Так они прошли примерно с поллиги. Здесь им пришлось снять оголовья. Далекий свет немногочисленных факелов оказался слишком силен, чтобы смотреть на него «третьим глазом».

— Кто-то идет за нами,— еле слышно сказал он девушкам, и обе мгновенно насторожились.— Я давно его чувствовал, но увидел только сейчас, когда снял это.— Он указал на оголовье.— Посмотри, Халима,— обратился он к Пифии,— быть может, есть какая-то иная магия, которая высветит его, а не скроет, как эта?

Халима побледнела — Север скорее почувствовал, чем увидел это — и отрицательно покачала головой.

— Жаль,— вздохнул он.— Тогда поступим иначе.

Они перешли к следующему укрытию и засели там, словно наблюдая за происходящим впереди, в то время как Север осторожно смотрел назад, пытаясь разглядеть невидимку. Два или три раза пришлось им повторить этот маневр, прежде чем он увидел мелькнувшую позади тень. Ни он, ни его спутницы не знали, кто следит за ними, но теперь, когда они попали в обитаемую часть подземелий, ожидать могли чего угодно. Правда, Халима догадывалась, что за ними идет Странник, но по вполне понятным причинам молчала.

— Я не знаю, кто это,— сказала она,— но могу постараться заставить его уйти.

— Сделай это,— попросил Север.

— Тогда оставьте меня одну... Ненадолго,— велела она.— Я догоню вас, когда закончу.

— Ты уверена, что это безопасно?

— Я знаю, что говорю.

Вожак кивнул, и вдвоем с Соней они направились к свету. Очень скоро они приблизились настолько, чтобы не просто видеть бессмысленное мелькание далеких тел, но и понимать, что происходит. Оказалось, что впереди кипит вовсе не битва.

— Ты посмотри! — удивленно прошептала Соня.— Да это же...

— Тренировочный лагерь,— закончил за нее Север.

Давешние коротышки сражались друг с другом на палках, заменявших им копья.

Здесь же бились меченосцы и тренировались лучники.

— Нашим друзьям камнеедам несдобровать, если они навалятся скопом.

— Но ведь ни мечи, ни стрелы их не возьмут.

— Взрослых, но не детей,— ответил Вожак, но она уже и сама все поняла.

Так или иначе, скоро гррагам конец. И Великий Гр-оор не поможет.

— Что здесь происходит? — спросила неслышно подкрававшаяся Халима.

— Гррызы тренируются, похоже, заодно приучая себя к свету,— ответил Север.— Сдается мне, у наших друзей скоро начнутся тяжелые времена.

Халима уже внимательнее посмотрела на разумных хищников.

Факелами им служили связки высушенных лиан, и судя по тому, что их оказалось совсем немного, топливо они сэкономили.

Но гораздо больше ее удивило другое. Между сражавшимися коротышками медленно вышагивали странные человекообразные создания с бледно-желтой кожей и почти вдвое превосходившие грызов ростом. Они напоминали глиняных големов и двигались медленно, словно опасались, что могут сломаться от резкого движения.

— Вы видели их? — поинтересовалась Халима и хотя не сказала, кого имеет в виду, и Соня, и Север правильно поняли ее.

— Я думаю, что это не последняя неожиданность, что мы встретим здесь... — недовольно проворчала воительница, стараясь не смотреть на колдунью.

— Ты выяснила, кто плелся за нами? — тут же спросил Вожак, переводя разговор на другую тему.

— Точно — нет, но, думаю, он нас больше не побеспокоит.

— То есть?

— По преданию, ушедшие под землю колдуны продали души в обмен на бессмертие тела. — Она выразительно посмотрела на Севера, и воин кивнул, потому что примерно такую же

историю в свое время поведал ему Хэлдир. — Мы видели одну из них, но чью — не знаю.

— Это не опасно?

— Нет... Теперь нет, — поправила она себя. — Они тупы и жестоки, но в то же время безвольны и трусливы. Я отпугнула ее, пригрозив развоплощением.

— Лучше бы ты ее... Как ты сказала? Развоплотила... — вновь проворчала Соня.

— Ну, это не так-то просто сделать, — призналась Халима. — Проще пригрозить, — добавила она, и на этот раз даже придиричивая шадизарка не смогла возразить.

— Меня лично больше интересует другое, — заговорил Север. — Раз они приучают себя к свету, значит, действительно боятся его. Видишь, какие слабые факелы и как далеко они разнесены? Хорошая вспышка надолго ослепит их! — Он еще раз окинул взглядом площадку и обернулся к своим спутникам. — Идем, а то мы этак к утру не вернемся.

Они вновь двинулись вперед, забирая теперь все время влево, чтобы случайно не попасться на глаза грызам или тем, желтокожим. Вскоре визжащие коротышки остались позади, и Север понял, почему они выбрали для занятий место посередине зала. Если уж он издали почувствовал, что приближается к Святилищу, то тем более это должны чувствовать созданные магическим путем твари.

На этот раз Халиме пришлось открывать вход, но обошлось без волнений и даже неудобств. Она спокойно встала внутрь призрачно засветившегося полукруга и просто произнесла: «Ключ». И ни удушья, ни потери сознания — словно и впрямь воспользовалась обыкновенным ключом. Часть стены растаяла в слабо искрящемся воздухе, и трое людей вошли внутрь.

Это Святилище сохранилось нетронутым и незахламленным. Небольшой прямоугольный зал без всяких признаков украшения оказался совершенно пустым. Его стены и правда покрывала сложная вязь рун. О чем говорилось в этом тексте, люди могли только догадываться. В самом конце зала на точно таком же, как и в первом Святилище, троне восседала копия уже встречавшегося им монстра.

— Опять станешь срисовывать? — насмешливо поинтересовалась Соня.

— Сначала сравню,— невозмутимо ответила Пифия и принялась рыться в своих записках, показывая тем самым, что не намерена вступать в никчемные споры.

Воительница фыркнула и отвернулась.

«Ну сравнивай, сравнивай»,— подумала она и одним махом взлетев на колени монстра, быстрым движением заставила открыться глаз Ключника, одновременно подставляя раскрытую ладонь под покорно выскользнувший ка-

мень. Так же неслышно она соскользнула на пол. Но, видно, что-то насторожило Пифию, потому что она обернулась и как-то странно посмотрела на статую, а потом и на Соню, но та лишь мило улыбнулась ей и, развернувшись, направилась к выходу.

— Я достала второй,— тихо сказала она Северу, подойдя поближе и удостоверившись, что колдунья не может их услышать.

— Она не заметила? — так же тихо осведомился Вожак.

— Почувствовала что-то, но обернулась поздно. А у тебя тут что? — Девушка посмотрела на освещенное пространство, от которого их отделяло шагов двести — примерно треть расстояния до Святилища.— Жаль, ближе не подойти,— вздохнула она.

— Да,— согласился Север,— и меня это настораживает. Мы ведь видели гррызов...

— Животные с зачатками разума,— скривилась Соня.— До Вулофа и волков его стаи им далеко.

— Именно,— кивнул Север.— Но ты посмотри — выставили посты.

— А шума от них едва ли не больше, чем от тех, кого они охраняют...

— В том-то и дело. Ты не находишь странным, что они додумались выставить охранение и в тоже время не понимают, что посты их ничего не стоит обойти?

— Ты хочешь сказать, что ими управляют?
— Кто-то пытается их выдрессировать. Кто-то, кто не сумел сделать их умнее.

— Или не захотел.

— Быть может,— не стал возражать Вожак,— но это уже не важно. Пока я здесь лежал, они по команде прервали занятия и поужинали. Маленькая армия. Ты не находишь?

— Шустрые маломерки в ней сильны и подвижны, но недостаточно умны, а желтокожие големы более сообразительны, но не годятся для дела?

— Да. Примерно так,— вновь согласился Север.— Но мне кажется, что должен существовать еще кто-то.

— С чего ты взял?

— Уж поверь... Гррызы должны кого-то бояться. И эти кто-то не медлительные надсмотрщики, которые наверняка всего лишь следят за этим стадом.

— Что это? — насторожилась Соня.— Слышишь?

Она вопросительно посмотрела на Вожака, и тот кивнул. Как по беззвучной команде кого-то невидимого, визг и крики мгновенно смолкли. Теперь до двух притаившихся людей доносились только звуки ударов да мягкие шлепки стрел о мишени.

— Вот они,— опять заговорила девушка.

— Вижу.

На границе освещенного пространства застыла странная группа. В ее центре стоял человек — по крайней мере, он выглядел человеком в окружении уродов — в длинном сером плаще с накинутым на голову капюшоном. Он явно чувствовал себя господином в окружении рабов, а окружали его...

Камнееды. Но странные, другой породы.

Они сильно напоминали своих собратьев из Огненной долины, но превосходили их и ростом, и шириной плеч и держали в опущенных руках палаши, такие же огромные, как и они сами.

Пять камнеедов и один человек молча наблюдали за армией грызунов. Сторожа исчезли — во всяком случае, их нигде не было видно. Зато вояки всячески старались показать свою выучку, нанося друг другу жестокие удары, по-видимому, затупленными мечами.

Внезапно человек взмахнул рукой, и стоявший справа от него камнеед отдал короткий гортанный приказ. Поединки тотчас прекратились. Желтокожие замахали руками, суетливо выстраивая подопечных в некое подобие колонны, которая тут же двинулась прочь, по-прежнему не проронив ни звука.

Явно не боявшиеся света охранники разобрали факелы и, выстроившись позади колонны, отдельным отрядом направились вслед за войском.

Наблюдатели дождались, пока твари не скроются в огромном проломе, и пошли назад, к Святилищу.

— Так-то вот,— закончил Север свой рассказ и с удовольствием прихлебнул из кубка ароматного вина.

Пока их не было, Халима постаралась приготовить стол, и такая забота для обоих оказалась полной неожиданностью.

— Скоро, значит, слой крысиного помета станет еще толще,— задумчиво отозвалась Халима.— А этот человек,— продолжила колдунья,— он...

— Не похож ли он на Странника? — уточнила Соня, не дожидаясь, пока она договорит.

— А-да...— подтвердила Пифия, поколебавшись, словно на самом деле хотела спросить что-то другое, но в последний миг передумала.

— Похож,— кивнула воительница.

— Издалека,— вставил Север.— Но не думаю, что это он.

— Почему?

— Слишком все это мелко,— пояснил Вожак.— Я мало что знаю о Страннике. Но Странник силен, в его делах с первого взгляда чувствуется размах, и этого у него не отнять. А тот, которого мы видели только что, просто мелкий царек, который борется за власть в этой каменной норе. Да и то если не служит еще кому-то...

— Да. Наверное, ты прав... Впрочем, я ведь не видела Странника,— спохватилась колдунья.— Но верю в твою проницательность.

Север склонил голову в иронично-благодарном поклоне:

— Во всяком случае, теперь мы знаем, что дело не сводится лишь к пропитанию, как мы считали раньше. И грраги с гррызами — вовсе не разрозненные стада мирных камнеедов и охотящихся на них хищников. Все, оказывается, несколько сложнее.

— Верно,— согласилась Халима.— Я тоже думаю, что кто-то из колдунов уцелел и донны и, судя по тому, что вы видели, не слишком доволен ни своей жизнью, ни ходом борьбы двух видов животных.

— Совсем не обязательно,— возразила Соня.— Эта война может длиться тысячу лет. И потом...— Она задумалась на миг.— Быть может, уцелевших колдунов как раз вполне устраивает такое неторопливое, неспешное противостояние, в котором нет, правда, победителей, зато нет и проигравших.

— Вряд ли,— тут же возразила Халима.— Иначе зачем колдунам рассаживать Черных Пауков в прорытых камнеедами проходах?

— А ты веришь, что они существуют? — вопросом на вопрос ответила Соня.

— Верю! — не задумываясь, ответила колдунья.— Просто потому, что слышала о них и

прежде,— призналась она, и хотя не сказала, от кого, слова ее возымели действие. Однако она посчитала нужным добавить: — Говорят, что Черные Пауки обладают способностью отделять душу от тела человека, попавшего в их паутину. Хотя, конечно, вряд ли они всерьез рассчитывали причинить таким образом вред гррагам. Скорее всего, пытались воспрепятствовать людям бежать из подземелий через проломы.

— А может, гррызы и есть те лишенные душ тела, что попали в паутину? — предположила Соня.

— На них больше похожи те, желтокожие,— поправил ее Север и все трое ненадолго умолкли.— Кстати, как твои изыскания? — Он кивнул на испещренные письменами стены Святилища.

— Судя по всему, руны точно такие же. По крайней мере, переписанная часть совпадает полностью. Остальное я срисую ночью.

— Ты не собираешься спать?

— Я ведь увязалась за вами не для того, чтобы выспаться,— отшутилась она, и Вожак кивнул: в конце концов, у каждого свои заботы.— Кстати,— вновь заговорила колдунья,— тот металлический скелет... Он называл демонов Ключниками. Сдается мне, что текст на стене может это объяснить.

— И не только это,— заметила Соня.

— Да,— согласилась Халима.— Там наверняка должно говориться, что называется ключами, а главное — что ими отпирать.

Они еще немного поговорили об этом, но беседа, состоявшая из одних предположений, вскоре угасла сама собой. Воительница заявила, что ее клонит в сон и раз уж колдунья собирается всю ночь срисовывать закорючки со стен, то пусть заодно и покараулит. Халима не ответила на это ни «да», ни «нет», но кивнула, показывая, что, по крайней мере, ничего не имеет против.

— Ты уверена, что сумеешь заниматься двумя делами сразу? — спросил Север.

— А я и не собираюсь ничего совмещать,— улыбнулась она.— Просто займусь тем, зачем сюда пришла, но если кто-то появится, уверяю, почувствую и сразу разбужу вас.

Вожак кивнул и отправился к своей подружке. Уже засыпая, он думал о том, как неожиданно приятно прошел сегодняшний ужин.

Ни взаимных нападок, ни злых двусмысленных шуток, и хотя обе девушки по-прежнему старались не замечать друг друга, но вражда их потеряла остроту, что ли. Даже, изменяя себе, они иногда перекидывались между собой какими-то фразами.

Быть может, именно непринужденная обстановка нынешнего вечера сыграла свою роль. Все-таки Север уважал Халиму. Ценил ее

знания и острый ум, настойчивость в достижении цели. Он вновь подумал, что чем-то она даже напоминает ему Соню. Во всяком случае, тот максимализм во всем, что отличал его подругу, в полной мере исповедовала и прекрасная колдунья. Под эти мысли Вожак заснул, но не настороженно, как все последние дни, а на удивление умиротворенно и глубоко, как в те редкие мгновения, когда Рок дарил ему передышку и он знал, что может ничего не опасаться.

...Он спал и видел сон — светлый и радостный. Сон без сновидений. Просто ему было легко, и он был счастлив. Он не знал, почему так происходит, и желал лишь одного — чтобы возникшее ощущение никогда не кончалось.

Легкое касание заставило его открыть глаза — мгновенно, словно он и не спал вовсе... Или именно здесь и начинался сон? Север «открыл» глаза и увидел ее. Рыжие локоны походили на языки пламени. Темно-серые, почти черные глаза горели огнем безудержной страсти.

— Милая... — прошептали его губы — или ему это только показалось? — но рука сама потянулась вперед и коснулась нежной атласной кожи. Прикосновение заставило девушку вздрогнуть, и она мелко задрожала, не в силах больше сдерживать свои чувства. Он потянулся к ней губами, а она накинута на него с глухим стоном, словно изголодавшаяся волчи-

ца, наконец-то дорвавшаяся до желанной трапезы. Его тело бурно отозвалось на неистовые ласки, еще сильнее возбуждая хищницу.

Где-то на границе сознания мелькнула мысль, что он не узнает свою подругу, но, лишь взглянув ей в глаза, он тут же забыл обо всем. Она же резко подалась к нему всем телом, и Север почувствовал ее так остро, что не захотел больше ни о чем думать. Он отдался обрушившемуся на него безумству, Наверное, впервые в жизни превратившись в ошалевшего от похоти зверя...

Проснувшись, Север некоторое время лежал, как всегда, с закрытыми глазами, только не из обычной своей осторожности. На сей раз он просто пытался припомнить странное ночное видение, походившее и на сон, и на явь одновременно. Он видел, что в последние дни невозможность уединиться все больше раздражает его подругу, но никогда не думал, что она способна решиться на такое безрассудство.

Он открыл глаза и встретился с ней взглядом. Рыжекудрая красавица мягко улыбнулась в ответ, и ничто в ее поведении не указывало на то, что она участвовала в ночной оргии. Нет, лучше даже не упоминать об этом! Вспыльчивая воительница либо рассвирепеет не на шутку, либо просто поднимет его на смех, если окажется, что все это ему только пригрезилось.

И тогда он взглянул на Халиму, пытаясь по выражению ее лица угадать, не слышала ли она чего-нибудь. Прекрасная колдунья лишь сдержано кивнула ему. Похоже, и она ничего не знает, хотя явно всю ночь не смыкала глаз.

* * *

Возвращались с теми же предосторожностями. Поначалу Север пытался высмотреть идущую за ними тень, но не сумел сделать этого — похоже, Халима не слукавила. Однако почти сразу он насторожился: что-то идет не так. Им пришлось затаиться у ближайшей подпорки и переждать, пока мимо не проследует армия гррызов.

— Проклятье,— проворчал Север.— Кажется, наших обнаружили.— Он тут же пожалел, что оставил отряд под сомнительной защитой каменных стен.— Если навалятся неожиданно и разом, там сейчас станет жарко.

— Один к десяти...— Соня покачала головой.

— Один к десяти не беда, если только Кучулуга не выманят из цирка или нападающие не ворвутся внутрь.

Крохотный отряд поспешил вперед, на выручку своим, но очень скоро Север понял, что они опоздали. Лязг стали возвестил о начавшейся битве, в которой помощи ждать уже было неоткуда. Все трое бросились вперед.

— Похоже, наши прорываются к portalу,— на бегу бросил Север.

— Что думаешь делать? — также не останавливаясь, спросила Соня.

— Пока не знаю! — коротко ответил он и обернулся к колдунье: — Ты можешь...— начал он и запнулся, задумавшись.— Пусть не невидимками нас сделать, но хоть как-то прикрыть от этих? — Вожак кивнул на гррызов, которых они, оставаясь во тьме, уже могли разглядеть.

— Сделаю,— не задумываясь, ответила колдунья и, прикрыв глаза, занялась странным колдовством без слов и пассов руками, творимым, казалось, лишь силой ее воли.— Они не увидят нас дальше десяти шагов,— сказала она наконец.— Но продержатся мои чары недолго.

— Успеем добраться до входа?

— Да, но вряд ли намного дольше.

— Этого должно хватить,— кивнул Вожак.— За воротами наше спасение. Не знаю, что уж там произошло, но Кучулуг точно пробивается к portalу. Мы должны помочь, иначе все погибнем. Если сможешь придумать еще что-то, делай это быстро. Нет, просто постарайся уцелеть,— давал он последние наставления Халиме, и та кивала ему, снисходительно улыбаясь, словно выкручиваться из подобных переделок для нее — обычное занятие.

Они бежали вперед и давно миновали злополучный цирк, не сумевший ни защитить, ни

даже просто скрыть их друзей, и теперь огибали толпу нападавших. Трех мчавшихся на границе света людей и впрямь никто не заметил — ни свои, ни чужие. Зато они прекрасно видели всех: и сотню нападавших со стороны зала, и полсотни перегородивших относительно узкий проход к дверям.

Отряд Кучулуга таял на глазах. В круг они встать не смогли, а может, и сумели, да гррызы прорвались внутрь периметра, но только теперь воины бились попарно, защищая спины друг друга. И лишь гирканец, отбросив щит, сражался в одиночку.

— В очередь, крысиные выродки! — орал он, яростно размахивая мечом, и каждый удар неизменно разрубал надвое любого, кто осмеливался неосторожно приблизиться к великану.

Но и ему приходилось постоянно отступать, пусть лишь ради того, чтобы не споткнуться об обрубки вражеских тел да не поскользнуться в луже дымящейся крови. Но несмотря на огромные потери нападали гррызы с особой яростью именно на него.

— Приготовься, — сказал Север, и в следующий миг они втроем набросились на полусотню, которая перегородила путь к свободе, понимая, что, скорее всего, в этом бою обречены на поражение.

— Кучулуг! Уводи людей! — гаркнул он, одновременно работая мечом и кинжалом.

Стоя за его спиной, Соня посылала в тварей иглу за иглой с совершенно немыслимой скоростью.

Как ни крохотен оказался подоспевший на подмогу отряд, но перед ним в страхе расступались зубастые меченосцы, нелепо размахивавшие благородным оружием, словно простыми дубинками. Север не знал, помогла Халима или нет, но, пока хватало сил не выпустить из рук скользкого от крови оружия, он не боялся никого.

И какая разница, колдовство Пифии нагнало страха на маломерков или твари сами решили, что эти трое — лишь часть еще одного отряда? Он краем глаза покосился на колдунью. Она с упоением вонзала узкий стилет в мерзких грызунов, словно занималась привычным и любимым делом.

Зато ратники воспрянули и, повесив щиты за спины, сами двинулись вперед, на соединение, в то время как лучники отстреливали самых смелых из наступающих им на пятки. К этому времени большая часть гррызов полегла, и, хотя они все еще сохраняли численный перевес, у людей появилась надежда на победу. Наконец Кучулуг поравнялся с Севером и девушками и, окинув всех троих одним быстрым взглядом, удовлетворенно кивнул:

— Я уж думал нам всем... — Он красноречиво чиркнул большим пальцем по кадыку.

— После благодарить будешь,— усмехнулся Вожак, нанося очередной удар,— если живы останемся.

И он кивнул на гррызов, словно получивших неслышный приказ немедленно уничтожить чужаков. Они вновь ринулись вперед, и только Севера обходили стороной, так что ему, как и прежде, приходилось самому отыскивать себе противников. Пол устилали трупы крысолов, а вытекавшая из ран кровь хлупала под ногами: плотно утопанный слой дерна не пропускал ее. Воины уже видели дверь, когда кто-то крикнул: «У нас гости!» — и из проломов в стенах полезли...

Никогда Север не видел ничего более омерзительного, чем то, что началось через считанные мгновения, когда вновь прибывшие твари... Нет, не набросились на чужаков, а начали пожирать трупы убитых!

Странно и отвратительно выглядели эти создания. Ростом с гррыза, но гораздо более массивные, покрытые густой бурой шерстью твари передвигались неспешным галопом на четырех когтистых лапах.

И каждый нес на себе крохотного по сравнению с ним наездника. Соня оторопело посмотрела на ближайшего. Словно небольшой медведь с головой, покрытой черной лоснящейся кожей, нес на загривке голую краснокожую крысу размерами с кошку.

Еще не разобравшись, что к чему, воины приготовились к новой драке, и не сразу сообразили, что у пришельцев — свои цели. Как буро-красная волна, накатились они на поле битвы. Голые наездники деловито соскочили с карликовых медведей.

В первое мгновение Соня тоже не поняла, что происходит, и, только когда зверь-недоросток одним движением могучей лапы вспорол брюхо раненого гррыза, не обращая внимания на его вопли вонзил узкорылую башку в брюхо жертве и принялся выедать внутренности, догадалась, что эти твари пришли пировать.

Мелкое краснокожее существо подставило под вытекавшую из утробы кровь крохотные, омерзительно напоминавшие человеческие, ладошки и, набирая полные пригоршни дымящейся жидкости, принялось жадно лакать ее. Соня взвизгнула и, не выдержав, отсекла пожирателю падали голову.

Поросшее бурой шерстью тело повалилось на бок, а воткнувшаяся в потроха жертвы голова так и осталась торчать в брюхе испутившего к этому времени дух гррыза. Его наездник как ни в чем не бывало перешел к свежему трупу и деловито подставил ладошки под поток теплой крови. Только теперь он пил аккуратно, стараясь, чтобы ни капли не пролилось на пол. Соне захотелось отрубить эти лапки, но от волнения она промазала, развалив кро-

вавого гаденыша пополам. Два его собрата, не обратив на его смерть никакого внимания, тут же перебрались от соседних трупов и принялись пить кровь, опуская мордочки прямо в скопившиеся на полу лужи.

Это вывело девушку из оцепенения, и она принялась размахивать мечом, разя направо и налево, но это привело лишь к тому, что почти все кровососы собрались вокруг нее.

— Перестань! — Север схватил ее за руку, останавливая. — Лучше открывай дверь, пока нас не трогают.

Видя, что она ничего не соображает, Вожак подвел Соню к выходу, сам вытянул из ее сумки связку отмычек и вложил ей в руку. Все еще не придя в себя, она начала трудиться над замком.

Наконец тяжелые створки распахнулись, воины не мешкая повыскакивали наружу, и девушка торопливо заперла двери.

От отряда осталось чуть больше половины, и это воистину казалось удивительным, если учесть, какой кошмарный бой пришлось им выдержать. Север окинул одним долгим взглядом тех, кому повезло уцелеть. Теперь вместе с ними тремя в отряде оставалось всего двадцать девять человек.

— Как же вы дали себя обнаружить? — наконец спросил Вожак, но все понимали, что он вовсе не собирается искать виноватых.

— Все Прыгун! — Кучулуг досадливо поморщился. — Парень горел желанием отличиться, доказать, что не трус. И когда грызы мирно проходили мимо, решил подстрелить одного. Тут-то и началась заварушка, — закончил он и скривился в невеселой усмешке, больше походившей на болезненную гримасу.

— Что с ним, кстати, стало?

— Сдох, конечно, поганец, — кратко ответил Кучулуг, но тут счел нужным пояснить: — Когда стрела втыкается в глотку, что еще остается?

Север лишь молча кивнул. Как бы там ни было, но они вырвались и на этот раз, и, что самое удивительное, все выглядели довольными.

Воины радовались тому, что остались живы, хотя, по их же признанию, пока не появился Вожак, надеялись лишь подороже продать свои жизни. Север с Соней знали, что у них есть два камня, и хотя о предназначении каждого из них даже догадываться не могли, чувствовали, что находка еще сыграет свою роль. Кучулуг не скрывал радости, что вновь видит Халиму, с которой мысленно уже распрощался. Колдунья, в свою очередь, тоже казалась весьма довольной, и Север подивился про себя тому, что простое переписывание настенной надписи неизвестного содержания может доставить ей такое удовольствие.

* * *

— И что теперь? — спросил на следующее утро Кучулуг.

Воины перестали жевать и обернулись к нему и Северу, ожидая ответа.

— Остался один зал,— спокойно ответил Вожак.— Я за то, чтобы идти до конца. Не знаю, что там, за дверями, но, если соблюдать осторожность, думаю, сумеем избежать неприятностей.

— Чем дальше, тем труднее нам приходится,— заметила Соня.

— Поэтому я и говорю, что действовать придется предельно осторожно. Ты сумеешь почувствовать опасность? — поинтересовался он у Пифии.

— Мы до сих пор не встречали магов,— задумчиво заговорила она, казалось, совершенно об ином.— Это настораживает, но и радует одновременно.

— Радует...— растеряно протянул кто-то из воинов.

— Конечно,— кивнула колдунья.— Мы не можем действовать силой и потому осторожничаем. Думаю, они тоже. Иначе нас бы давно уже уничтожили.

— Они пытались,— напомнил тот же голос.

— Нет пока,— возразил Север, принимая сторону колдуньи.— Мы сами повинны во всех своих бедах — от начала и до конца.

С этим никто не спорил: все помнили, как погиб Паризо, не говоря уж о том, что произошло накануне.

— На вашем месте я не заботилась бы так о колдунах,— сказала Халима.— Я ведь готова к встрече. Но не стоит забывать и о другом. Даже если появятся маги, это вовсе не значит, что мы больше не столкнемся с воинами.

— Тогда, быть может, все-таки стоит вернуться наверх, за подмогой? Нас ведь осталось всего три десятка...— заговорил было Кучулуг, но Пифия буквально проггла его взглядом, и гирканец осекся.— После мы могли бы вернуться,— как бы оправдываясь, пробормотал он.

— Вряд ли мы встретим рядом с колдунами многочисленное войско,— неожиданно смягчившись, пояснила Халима.— Ахеронские некроманты не переносили людей чуждого им круга. Они терпели лишь нескольких охранников и гонцов — эти были им необходимы.

Она не знала, убедила ли остальных, но тут на помощь ей вновь пришел Север.

— Если станем действовать с умом, добьемся своего и в живых останемся. До сих пор мы только набивали поясные сумки золотом, а ведь мы пришли сюда не за этим,— напомнил он.— Если поднимемся за подмогой, неизбежно потеряем на это время. На подготовку нового похода потребуется еще несколько дней, а

может, и седмиц. К тому времени здесь о нас прознают все, и кто может поручиться, что к нашему возвращению также не подготовятся, а колдуны не укроются в тайных убежищах, предварительно спрятав все мало-мальски ценное?

— Все верно, — кивнула Пифия, одарив Вожака благодарным взглядом. — И не забывайте еще об одном. Лухи не Разара! Вряд ли ее порадует известие о том, что мы вернулись с набитыми кошельками и пустыми сумами. И как бы в этом случае золото ваше не вышло вам боком. Не забывайте: оно лишь плата. Щедрая, но пока не заслуженная.

На этом обсуждение и закончилось. Теперь, в конце пути, в людях пробудилось вполне естественное любопытство: а что же там, впереди? И оно вытеснило страх из их душ.

* * *

Тяжелые золотые створки сомкнулись за спиной, и воины начали осматриваться. Почти каждый из залов выглядел хоть немножко, но иначе, чем пройденные.

Этот же сильно отличался от всех предыдущих. Несмотря на огромные размеры и высокие своды зал, в который они попали сейчас, не производил впечатления города, исполинской пещеры или просто огромного пустого пространства. Перед пришельцами раскинул-

ся действительно зал, быть может, рассчитанный не на людей, но все-таки зал.

Сложенные из черного полированного гранита стены украшали ряды небольших арок, внутри которых угадывались уютные беседки с каменными скамьями. Кое-где люди с удивлением увидели фонтаны, наполнявшие небольшие круглые чаши кристально чистой водой, а воздух — мелодичным журчанием. Между арками располагались массивные троны, на которых восседали древние нечеловеческие божеества, но на сей раз действительно искусно выполненные из камня. Видимо, колдуны считали, что участь неудачников — стоять при входе и видом своим предостерегать еще живых искателей приключений от опрометчивых поступков, а сами предпочитали любоваться истинными произведениями искусства.

Соня посмотрела на ближайшую к ней статую, за которой виднелась еще одна, и еще, и еще...

Каких богов изображали эти изваяния?

Несмотря на то что ахеронцы явно поклонялись им, их имен даже Халима не знала. Среди них встречались разные создания: одноглазые и трехглазые, с двумя и четырьмя руками.

Но в длинной череде восседавших на тронах монстров люди не увидели ни одной скульптуры человека. При этом все твари чем-то не-

приятно напоминали людей, хотя сходство порой заключалось только в том, что они явно должны были передвигаться на двух конечностях.

Как ни старались ратники ступать осторожно, но звук шагов тихим эхом отдавался от стен и уносился вперед. Им оставалось надеяться только на то, что едва слышное эхо умрет, пробежав не больше десятка шагов.

Люди шагали мимо беседок и тронов, огибаели фонтаны и роскошные резные колонны. Затем, не решившись идти по центральному проходу, прошли сквозь примыкавшую к стене аркаду. И наконец попали в другой зал, огромный, квадратный в плане. Не входя внутрь, отряд остановился у последней арки. Весь зал, открывшийся перед ними, был уставлен массивными прямоугольными глыбами, ближайшие из которых сильно напоминали саркофаги, но вдали виднелись и небольшие, похожие на склепы, домики.

— Кажется, мы попали на кладбище, — заметил Север.

— Первое место, — согласилась Соня, — где с человеком и после смерти обращаются по-человечески. Правда, относились так, похоже, только к тем, кто занимал самое высокое положение.

Они медленно пошли вдоль ряда саркофагов. В изголовье каждого стояла герма — четы-

рехгранный столб, увенчанный скульптурной головой или бюстом, на одной из граней которой различалась надпись. Видимо, бюст изображал того, кто покоился в саркофаге, а надпись коротко напоминала о том, кто он. Соня смотрела на эти лица, мужские и женские, и ни одно не нравилось ей.

Некоторый налет жестокости и высокомерия угадывался в каждом взгляде устремленных, казалось, только на нее каменных глаз. Один из воинов попытался отомкнуть решетчатую дверцу ближайшего к нему склепа, но Халима поспешно остановила его.

— Стой! — едва ли не вскрикнула она, предостерегающе подняв руку. — Не смей ни к чему прикасаться, недоумок! — яростно прошипела колдунья. — Или прежние смерти тебя ничему не научили?!

Воин поспешно отскочил в сторону, и Соня так и не поняла, чего он больше испугался: неизвестной опасности, притаившейся внутри склепа, или тона, которым предостерегала его Пифия.

— И саркофаги не вздумайте трогать, — тем не менее поддержала она Халиму. — Слишком уж они похожи на стигийские, а стигийцы — большие любители оставлять «подарки» грабителям могил.

От Севера также не укрылось это сходство, которое, впрочем, не выглядело странным, ес-

ли вспомнить, что стигийцы и ахеронцы принадлежали к одной и той же кхарийской расе.

Они направились дальше, осторожно пробираясь между рядами саркофагов. Соня старалась не смотреть на каменные лица почивших колдунов.

Они не вызывали у нее ни уважения, ни сочувствия. Только что она радовалась, что зал Богов остался позади. Там она не могла отделаться от тягостного впечатления, что изваяния мрачно следят за ней, словно предупреждая: живым здесь не место.

Но там хотя бы тихо журчали фонтаны. Здесь же каждый шаг звучал как призывный колокол, предупреждающий неведомых хозяев о визите незваных гостей. И теперь она с тем же рвением стремилась уйти отсюда подальше, неосознанно думая о том, что лучше уж звон оружия, чем эта гробовая тишина.

— Как в Стране Мертвых,— словно прочитав ее мысли, заметил Каруго.

Шутка старого десятника получилась мрачной. Кто-то хихикнул сдавленно и тут же смолк: видимо, схожие чувства испытывали и остальные. Никто не думал о наверняка находившихся в саркофагах драгоценностях: и золото, и камни давно перестали привлекать ратников. Наконец впереди показался роскошный портал, который украшало переплетение цветов, вырезанных из алого гранита.

— Нас ждут,— тихо предупредила Халима, и возглавлявший отряд Север жестом приказал всем остановиться.

— Сколько их? — так же тихо спросил он.

— Примерно дюжина,— спокойно ответила Пифия, и Соня, как ни старалась, не разглядела на ее лице колдуньи признаков беспокойства.— Что ты намереваешься делать? — спросила она, и ее тон очень не понравился воительнице.

Она понимала, что придраться не к чему, но чувствовались в голосе колдуньи странные нотки. Так обычно разговаривают с близким человеком, который чем-то — иногда втайне от остальных — связан с тобой. И мысль эта заставила сердце рыжей красавицы гулко забиться.

— Разве мы не говорили, что, может, придется еще драться? — вмешалась она в разговор, и стоявший тут же Кучулуг кивнул, соглашаясь.

— Приготовьтесь,— скомандовал Вожак, окидывая одним взглядом сильно уменьшившийся отряд. Люди тотчас зашевелились, доставая луки и проверяя запас стрел: по опыту все помнили, насколько опасно подпускать к себе ггрызов.— Вперед! — приказал он, как только приготовления закончились.

За спиной остался последний ряд гробниц, еще видневшихся сквозь арку разделявшего за-

лы прохода. Протянувшаяся на полсотни шагов вперед относительно узкая комната заканчивалась такой же точно аркой, а за ней...

— Остановитесь! — услышали они низкий повелительный голос, и невольно подчинились приказу, но не из-за магической силы самого голоса, а, скорее, от неожиданности.

Соня замерла слева и чуть сзади от Севера и теперь едва ли не с интересом рассматривала незнакомца в плаще, которого видела уже накануне. Его окружал десяток камнеедов, выглядевших весьма внушительно. И хотя ни один из них не держал в руках оружия, на поясе каждого висело по паре коротких, широких мечей, и воительница не сомневалась, что при малейшей угрозе они, не задумываясь, пустят их в дело. Вид же стражи имели весьма грозный, хотя тела их и не так походили на камень, как у собратьев из Огненной долины. За спиной незнакомца в кольце воинов нервно переступали с ноги на ногу двое бледно-желтых надзирателей. Они настороженно поглядывали на чужаков, и Соня сразу поняла, что они уже видели их воинов в деле. Быть может, именно эти двое и принесли своему хозяину весть о вчерашнем бое. Если так, то в любой миг можно ожидать появления грызов, а эта встреча никак не входила в планы людей.

— Если начнется драка, не дай желтокожим уйти за подмогой, — прошептал Вожак, скло-

нившись к девушке, и та ответила едва заметным кивком.

Тем временем Кучулуг вышел вперед и остановился как раз посреди разделявшего противников пространства.

— Остановись, чужеземец! — повторил свой приказ незнакомец в сером плаще. — Вы пришли незванными и дальше не пройдете!

— Ты прав. Но не во всем. Мы пришли не-прошенными... — хрипло усмехнулся Кучулуг. Он уже предвкушал битву и едва ли не опасался, что она не произойдет. По крайней мере, следующая его фраза недвусмысленно намекала именно на это. — Но мы пройдем, куда собирались, независимо от того, мимо тебя или через тебя! Выбирай!

— Сложите оружие, чужаки, — будто не слыша его слов, продолжил незнакомец, — и, быть может, останетесь живы!

— Щедрое предложение! — расхохотался гирканец, оборачиваясь к Северу, но вовсе не затем, чтобы предложить ему разделить веселье, а спрашивая взглядом согласия действовать. Вожак кивнул, и Кучулуг снова обернулся к человеку в плаще. — На него нельзя не ответить, а потому я говорю тебе: прочь с дороги, или умрешь!

— Выбор сделан! — произнес незнакомец, на которого ни явная сила гирканца, ни бесспорное численное превосходство чужаков не про-

извели впечатления. Величественным жестом он указал на выстроившихся перед широким порталом людей. — Убейте их! — приказал он своим воинам.

Медленными, словно неторопливыми движениями стражники вынули из ножен мечи и двинулись к людям. Отряд мгновенно рассыпался, и воины начали поливать противника градом стрел. Луки яростно гудели, посылая стрелу за стрелой, но все они отскакивали от жесткой шкуры, по-видимому, не в силах причинить великанам вреда.

Север сразу понял это, и еще он увидел, как человек в плаще быстро обернулся и тихой скороговоркой прошептал что-то одному из желтокожих. Оба тут же неуклюже заковыляли прочь. «За подмогой отправились. Значит, есть тебе чего опасаться!» Похоже, он оказался прав в своих предположениях. Они сделали по два шага — последних в своей жизни. Легкое треньканье тетивы арбалета Сони слилось в единую мелодию с мягким звоном механизма перезарядки, тянувшуюся до тех пор, пока не закончились иглы в самостреле.

Две первые вонзились точно в затылки гонцам. Третья угодила прямо в сердце их хозяйина, но совершенно неожиданно прошла навылет. Соня, однако, словно ждала именно такого поворота. Она не прекратила стрельбы, а послала одну из двух оставшихся иголок в

шею, а вторую — в лоб. Только после этого он упал, но упал также как-то неестественно, будто не мертвец повалился на гранитный пол, а рухнул бесформенной кучей внезапно опустевший покров его тела. Однако размышлять над этими странностями не оставалось времени. Камнееды наступали и, хотя в проворстве не могли соперничать с людьми, следовали каждый за выбранным противником, быть может, намереваясь взять людей измором, если те не захотят спастись бегством.

Быстро убедившись, что стрелять в них из лука — только стрелы зря расходовать, люди взялись за мечи, но даже исполинской силы Кучулуга не хватало на то, чтобы поразить врага насмерть. Плоть противников оказалась не каменной, как у гргаров, а напоминала, скорее, твердое дерево — оружие людей оставляло на них только зарубки, на которых не показалось ни капли крови. Бой набирал силу. Десять неповоротливых бойцов оказались неожиданно серьезными противниками для трех десятков тренированных воинов. Свою медлительность и довольно посредственное владение оружием они с лихвой окупали способностью не обращать внимания ни на раны, ни на боль, и продолжать сражение, грозившее затянуться до бесконечности.

Дело принимало дурной оборот. До сих пор молча наблюдавший за дракой Север выхватил

из-за спины меч, но в это мгновение один из воинов изловчился и снес своему противнику голову. Люди, поняв, как можно одолеть врага, заметно приободрились. Вожак тут же внес свою лепту, успев при этом заметить, как Кучулуг двумя ударами избавил от голов сразу двух противников. Вскоре всё было кончено.

— Все целы? — спросил Север, закидывая меч в ножны за спиной, хотя и не сомневался в этом.

— Прыгуна ведь нет больше с нами — отчего же умирать людям? — усмехнулась Халима, но воины постарались не заметить ее черной шутки.

Вожак склонился к убитым, но только лишний раз убедился, что их многочисленные раны и впрямь не кровоточат.

— Ну-ка срубите головы и желтым выродам,— тут же распорядился он.— Мне совсем не хочется, чтобы они очухались и привели по наши души своих зубастых приятелей.

Сам же он направился к подстреленному его подругой незнакомцу, и большая часть воинов последовала за ним. Всем не терпелось увидеть лицо человека, который так уверенно держался, а смерть принял едва ли не первым. И, быть может, даже не это подогревало интерес, а то, что человек скрывал лицо. Каково же оказалось удивление всех, кто обступил труп, когда, расстегнув плащ, они обнаружили внут-

ри только груди серых от времени костей. Три стрелы пронзили плащ. Одна, угодившая в область сердца, прошла навылет, не причинив обитавшему внутри существу никакого вреда, зато две другие поразили его насмерть. Первая выбила из позвоночника позвонок, да так и застряла в нем, а вторая засела в черепе, расколов его надвое.

— Ты ведь сразу догадалась, верно? — спросил Север, и Соня кивнула, но тут же решила не ограничиваться кивком.

— Плохо сработан,— усмехнулась она, и воины с готовностью расхохотались.

Судя по всему, кости его несли в себе те свойства частей тела живого человека, которым принадлежали.

Люди стояли кружком, полушепотом, обмениваясь впечатлениями.

Шок, правда, оказался куда меньшим, чем при встрече со Стальным Кузнецом несколько дней назад. Существо в плаще и ростом оказалось чуть ли не вдвое ниже Стакула, да и сам скелет выглядел всего лишь отвратительным набором старых костей.

Зато настоящее удивление ждало их, когда кто-то споткнулся о труп одного из его обескровленных охранников. Труп показался воину подозрительно тяжелым и на изумление быстро окоченевшим. Ратник осторожно потыкал его мечом, сам не зная, чего опасается, но ос-

трие клинка скользнуло по телу убитого, словно по камню. Получалось, что, пока они рассматривали предводителя, его крохотная армия успела окаменеть. Это показалось настолько странным, что люди тут же бросились к желтокожим и обнаружили, что те превратились в смердящие полуразложившиеся трупы.

— Какая мерзость! — выразила общее мнение Соня и брезгливо поморщилась. — Нергалова дюжина живых мертвецов!

На ночь расположились тут же, отойдя лишь в глубь зала шагов на двести, подальше от трупов, а на следующее утро двинулись дальше. Кладбище давно осталось позади, и теперь вокруг людей вновь восседали на тронах древние твари, но теперь Соня радовалась им, как старым друзьям.

Шли весь день. Зал следовал за залом, и казалось, что череде их не наступит конца.

Кто-то позаботился о том, чтобы обитатели этих залов не чувствовали, что находятся под землей. Каждый попадавшийся им на глаза предмет, будь то гермы, колонны, статуи, фонтаны или беседки — все поражало изысканностью отделки, однако теперь, похоже, никому было не нужно. Север уже собрался остановиться на очередную ночевку, когда Халима подошла к нему.

— Кто-то прячется там, в темноте. — Она кивнула в ту сторону, куда они направлялись.

— Сколько их?

— Один. Я некоторое время наблюдала за ним, пыталась рассмотреть, кто он. Но так и не смогла. Он умело прячется в тени и отступает таким образом, чтобы не попасться на глаза, хотя сам — я уверена в этом! — ни на мгновение не теряет нас из вида.

— Что ты предлагаешь?

— Его нужно изловить, — решительно заявила колдунья.

— Ты уверена, что мы сумеем это сделать, даже не зная, на кого охотимся? — спросил Кучулуг.

— Не поймаем, так отпугнем, — вмешалась Соня. — Не отпугнем, так прибьем...

— Все верно, — согласился Север. — Нельзя ждать, пока он выберет удачное для нападения время.

— Хорошо, — кивнул Кучулуг. — Мы с Тондором займемся им.

Он кивнул десятнику, и, держась за строем людей, они незаметно отступили, а когда нашли себе место для укрытия, отряд двинулся назад. Ратники отошли на две сотни шагов и здесь остановились на ночлег. Примерно на половину этого расстояния, по словам Халимы, неизвестный подпускал их к себе. Таким образом Север надеялся, что соглядатай — или кто он там на самом деле? — окажется зажатым с двух сторон.

Воины побросали вещи и расстелили одеяла. В той стороне, откуда они пришли, по-прежнему царил мертвая тишина. В лагере тоже никто не разговаривал: все ждали. Время шло, но ничего не происходило, и только тревога продолжала нарастать. Внезапно тишину разорвал душераздирающий вопль, и все, не сговариваясь, стремглав бросились на помощь оставшимся в засаде товарищам.

Кучулуг встретил их мрачным взглядом.

Опустив окровавленный меч, он стоял над трупом Тондора, как будто даже не замечая, что в двух шагах от него корчится в агонии мерзкая тварь.

Несмотря на боль она продолжала тянуться к врагу, но сил придвинуться хоть на полладони уже не хватало.

— Получилось так, что не мы охотились, а он,— нехотя заговорил гирканец, увидев, что Вожак смотрит на него, и словно в оправдание добавил: — Мы не ждали, что он придет по потолку.

Север наклонился к погибшему десятнику, на шее которого виднелись два красных следа от укуса.

— Тондор первым почувствовал его,— продолжил гигант.— Я видел, как они посмотрели друг на друга, на мгновение оцепенев, и, когда тварь поняла, что обнаружена, она прыгнула. Бедняга только и успел, что закричать. Хоро-

шо хоть умер мгновенно. Видать, от укуса. Я бросился на помощь и тут же зарубил ее, да что толку?

— Не кори себя. Ты сделал все как нужно,— попытался приободрить его Север, хотя и понимал, что слова тут вряд ли помогут.

Так и не дотянувшись когтистой лапой до Кучулуга, монстр издох. Его тонкое, гибкое тело с длинными конечностями и маленькой головой больше всего походило на нечто среднее между обезьяной и пауком. Цепкие пальцы заканчивались острыми крючковатыми когтями, с помощью которых он, видимо, и передвигался по каменным стенам и потолку.

Из оскаленной пасти торчали острые зубы, среди которых выделялась пара ядовитых клыков. Самым отвратительным оказалось то, что, работая над его созданием, колдуны использовали за основу человека. Это ни у кого не вызывало сомнений.

— И зачем понадобилось из людей делать всех этих монстров? — задумчиво, ни к кому не обращаясь, спросила Соня.

Услышав ее слова, Халима улыбнулась, и, хотя она ничего не сказала, воительнице очень не понравилась ее усмешка.

— Разве мало им зверья? — спросила она, обращаясь уже непосредственно к колдунье.— Зачем калечить людей? Превращать их в кровожадных уродов?

— Я могу тебе ответить, моя милая,— снова улыбнулась Пифия, и хотя Соне показалось, что слово «милая» она не произнесла, а выплюнула, придаться было не к чему: колдунья говорила ровно, едва ли не доброжелательно.— Тодько вряд ли ответ мой придется тебе по нраву.

— И все-таки?

— Переделанное зверье,— она так и сказала — «переделанное»,— никогда не становится столь же разумным, как человек, но это полбеды. Беда в том, что оно не дает потомства.

— А люди? — спросила Соня и невольно поежилась, словно на нее дохнуло холодом.

— Не знаю,— равнодушно пожав плечами, ответила Халима.— Мы в Логове переделывали только волков, ворон да крыс...

— И тех, кто пугал по ночам послушников,— закончила за нее Соня.

— Верно,— кивнула Пифия.— На обезьян возлагали самые большие надежды, но на деле органы оказались самыми неудачными из всех творений...

— Творения...— процедила сквозь зубы Соня, и разговор прекратился сам собой.

Халима вновь улыбнулась и отошла в сторону, а воительница не сомневалась, что той очень понравилась эта короткая беседа. Так оно и было. Колдунья и впрямь чувствовала себя победительницей. Правда, «сражения» не

произошло, всего лишь небольшая стычка, но игру вела она, вела так, как ей того хотелось, и хотя последнее слово вроде бы осталось за соперницей, не сомневалась, что одержала верх. Прав оказался Странник: выдержка дает огромные преимущества, а значит, впредь она станет поступать только так.

* * *

Ночь прошла без приключений. Утром двинулись в путь, в третий раз за последние сутки преодолевая длинный узкий зал, в конце которого Халима вновь почувствовала поджидавшую впереди опасность, но до нее, по словам колдуньи, оставалось еще довольно далеко.

За очередным порталом они попали наконец в место, которое смогли назвать жилищем. У комнат, правда, не было дверей, но в отличие от встречавшихся прежде залов здесь осталась даже мебелировка: роскошные кровати с резными спинками в спальнях, широкие письменные столы, конторки для письма и чтения в кабинетах, книжные шкафы и бюро с многочисленными ящиками и ящичками (к великому разочарованию Пифии — пустые) в библиотеках. Лишь один из шкафов оказался набит свитками и рукописными книгами все на том же затейливом языке, больше походившем на замысловатый орнамент. Халима подбежала к первому же шкафу и, распахнув его, жадно

набросилась на книги. Она листала их, хватая то один, то другой том, но очень скоро, к величайшему своему сожалению, поняла, что не в силах прочесть текстов.

И все-таки сами книги непреодолимо притягивали ее.

Словно величайшее сокровище гладила она пупырчатые обложки из тисненой кожи, перелистывала толстые пергаментные страницы, будто стараясь отгадать их содержание, впитать в себя их мудрость, отображенную в символах, понять которые она не в состоянии.

Это походило на сладостную пытку, изощренное искушение... Это сводило с ума!

— Мы должны взять книги с собой! — решительно заявила она, понимая, что сейчас напор — единственная для нее возможность добиться желаемого.

— Невозможно. — Север прекрасно понимал ее и поэтому говорил намеренно спокойно. — Такую уймищу книг нам не унести.

— Распределим самые ценные среди воинов, — стояла на своем Пифия.

— А какие из них самые ценные? Как это узнать?

— Хотя бы по переплетам, — видимо, чувствуя шаткость довода, уже спокойнее предположила колдунья.

— В самом роскошном из томов может оказаться описание личной жизни любовницы ко-

роля, — насмешливо заметила Соня, одной фразой отыгравшись за вчерашнее поражение.

Она мгновенно поняла это по тому, как побледнела гирканка.

— Я здесь заменяю Разару, — вскинулась Пифия, — а стало быть, мне решать, что мы забираем с собой, а что оставляем на месте.

Соня в ответ лишь слегка поклонилась, едва заметно усмехнувшись, и отвернулась, показывая, что затевать склоку не намерена.

Тогда Халима обернулась к Вожаку и вызывающе уставилась на него гневным взглядом.

Окружавшие их воины старательно делали вид, что не прислушиваются к разговору, хотя на самом деле ловили каждое слово.

— Я не собираюсь оспаривать твоих полномочий, — мягко проговорил Север, досадуя на несдержанность своей подруги. — Но посуди сама, в каком положении мы окажемся, притащив в Логово все эти бесчисленные фолианты, если окажется, что они содержат всего лишь собрание поварских рецептов, доносы филяров и тому подобные малоинтересные для жриц Ордена сведения.

Халима почувствовала, что обступившие ее воины готовы расхохотаться и только старый страх перед ней заставляет их сдерживаться. Кровь прихлынула к ее лицу. Колдунья тряхнула головой, и тоненькие тугие косички стайкой черных змеек разметалась по плечам. Од-

нако сказать она ничего не успела: Север опередил ее.

— Подумай,— продолжал он проникновенно.— Оставишь ли ты то, чем особенно дорожишь, на виду у всех?

Халима так ничего и не сказала. Похоже, последний довод Вожака возымел действие, но никто, кроме самой колдуньи, не знал, почему. А она мгновенно вспомнила об украденном у Вожака томике странных пророчеств. О том, как он лежал в его комнате, на столе, брошенный поверх множества иных вещей, и как тщательно прятала, запирая его же на ключ, она сама.

— Я предлагаю поступить иначе,— сказал Север, когда понял, что слова его не пропали даром.— Отбери пять-десять книг. Они нас не слишком отяготят, но позволят судить обо всем собрании в целом.

На этом спор и закончился. Прихватив с собой десяток фолиантов, они двинулись дальше. Халима шла и ругала себя за то, что при первой же возможности нарушила данное себе обещание держать в руках свой необузданный нрав.

С другой стороны, нет худа без добра. Она лишний раз убедилась в правоте вчерашнего вывода о пользе сдержанности. От этих мыслей ее оторвал пульсировавший в мозгу сигнал опасности, до сих пор не слишком рьяно напо-

минавший о себе, а теперь внезапно заговоривший во весь голос.

— Уже рядом,— предупредила она, поравнявшись с Севером.

— Сколько их? — так же кратко, как и в первый раз, поинтересовался он.

— Один,— не задумываясь, ответила Пифия, и все, словно по уговору, подумали о давешнем кровопийце.

Кучулуг тихо отдал приказ, и воины на ходу надели кольчужные подшлемники, хотя уверенности, что они защитят от ядовитых клыков, никто не испытывал. Теперь двигались медленно, настороженно поглядывая по сторонам и в особенности следя за потолком. Однако все вокруг оставалось спокойным, ниоткуда не доносилось ни звука. Только осторожные шаги воинов робким эхом уносились вперед.

— Там,— сказала Халима, останавливаясь и указывая на высившуюся впереди каменную громаду.— У меня такое ощущение, что он прячется за этой опорой.

Отряд вновь пошел вперед, к вставшей на пути колонне, которая по размерам больше походила на небольшой дом. Вершина громады упиралась в нависший в полусотне локтей потолок, а круглая стена издалека напоминала сильно изъеденную ветрами скалу песчаника. Деталей с такого расстояния они рассмотреть не могли, но чем ближе подходили, тем более

рельефным и причудливым казался рисунок. Через сотню шагов они поняли, что это действительно творение человеческих рук. Каждый шаг проявлял новые детали, и уже все видели, что перед ними не колонна и не здание, а огромная скульптурная группа. Однако нужно было не рассматривать изображения, а искать врага, чтобы он не смог напасть из засады. Не доходя шагов десяти, Север остановился и вопросительно посмотрел на Пифию. Та закрыла глаза и сосредоточилась.

— Он там,— через мгновение она решительно указала точно на середину скульптуры.

— Обходим,— скомандовал Вожак, и отряд тотчас разделился, чтобы обогнуть препятствие с обеих сторон разом и таким образом не дать чужаку улизнуть.

Кучулуг с десятком воинов отправился вдоль правой стороны, но, когда прошел свою часть пути и встретился с Вожаком, оказалось, что ни тот, ни другой никого не нашли.

— Он там,— упрямо повторила Халима.— Мне кажется, он сидит внутри этой громады.

Север отошел чуть в сторону и пристально посмотрел на странное сооружение.

Многое они уже повидали в подземельях, но такую странную скульптуру он увидел впервые. Вожак прикинул, что всего по периметру изображено около сотни существ, совершенно различных и по форме, и по размеру. Остаток

лось непонятным, зачем скульптор собрал воедино всех мыслимых и немыслимых тварей. Среди них были те, что восседали на тронах в Святилищах, но кроме них Север отыскал немало и таких, о существовании которых и представления не имел прежде.

— Иди сюда! — крикнула Соня со стороны стены, выходящей к центру зала, и Вожак бросился к своей подруге, а за ним — и остальные.

Он остановился рядом с ней и посмотрел на громадный череп, который держали в руках два рогатых одноглазых демона. Одна рука каждого уходила за затылок черепа, а второй оба придерживали его нижнюю челюсть, словно та могла в любой миг отвалиться. В высоту череп вдвое превосходил гиганта Кучулуга.

— Узнаешь? — с гордостью спросила она.

— Янайдарские ворота,— кивнул Вожак.

— Да,— согласилась Соня.— Только пасть у этого прикрыта.

— Ишь, челюсти стиснул, поганец,— иронично заметил гирканец, окидывая череп долгим взглядом, словно примериваясь, как к нему подступиться.

— Внутри должно находиться Святилище,— неожиданно заявила Халима,— а за входом — какая-то ловушка. Я думаю, это и есть та угроза, что я почувствовала. Вот только как туда забраться?

— Чего проще! — хмыкнул Кучулуг и, прежде чем Север успел остановить его, рубанул огромным двуручным мечом по могучей лапе левого монстра.

Не останавливая движения меч гирканца описал дугу и врезался в правого.

Камень треснул, не выдержав чудовищного по силе удара, и раскололся. Но челюсть скелета не упала на пол, как того ожидали обступившие его воины, а под действием собственного веса провернулась на невидимых снаружи шарнирах, освобождая ведущие наверх ступени. Движение прекратилось, но доносившийся изнутри глухой рокот, словно закрутились некие гигантские жернова, все набирал силу.

Люди невольно попятнулись судорожно сжимая рукояти мечей и ожидая самого худшего.

— Не к добру это, — прошептал за спиной Кучулуга Марук, но изменить что-либо не мог уже ни он, ни вообще кто-либо.

Оставалось только ждать и надеяться, что ничего страшного не произойдет. Однако, будто подтверждая самые худшие опасения, изнутри донеслось угрожающее рычание, в котором чувствовались торжество, сила и угроза.

Рокот понемногу стих, и Север понял, что механизм, предназначенный для того, чтобы отпереть вход, который они так и не успели отыскать, все-таки сработал, будучи запущен столь варварским способом. Рев, который они

услышали, означал, что упомянутая колдуньей ловушка не станет дожидаться их внутри. Послышались тяжелые шаги, от которых сотрясалось все вокруг.

Воины еще не видели того, кто направлялся к ним.

Сперва на самых верхних ступенях спуска показали копыта, настолько огромные, что никто не понял, что это. Они походили на маленькие расширяющиеся книзу бочонки.

Затем взглядам замерших в ожидании людей предстали заросшие густым бурым волосом ноги. Против воли воины расступались, стремясь отодвинуться от неведомой напасти. Наконец монстр выбрался наружу полностью.

Ростом лишь на полголовы возвышаясь над Кучулугом, он выглядел несравненно массивнее, почти вдвое превосходя гирканца шириной плеч.

Он оказался обнажен, их новый противник, но нижнюю часть тела примерно до пояса скрывала от глаз густая слезавшаяся шерсть. Зато торс существа увивали могучие мышцы, а руки не уступали мощью ногам гирканца. Он стоял, глухо рыча и покачиваясь, из-под рога злобно разглядывая единственным глазом освободивших его людей, видимо, примеряясь, с кого начать. В правой руке он сжимал слишком маленький для него кривой меч, а в левой держал щит. Его горевший неистовой злобой

глаз останавливался поочередно на каждом из воинов, и человека, на которого смотрел монстр, невольно охватывал дикий, панический страх: он чувствовал, что уже не в силах держать в руках оружие, не то что сражаться. Но когда взгляд одноглазого чудовища встретился со взглядом Чико, воин вскрикнул, первым почувствовав вместо страха ярость.

Этот крик стряхнул оцепенение и с остальных. Несколько человек, ругая себя за трусость, бросились на гиганта, на бегу выдергивая из ножен клинки.

С торжествующим ревом великан заработал могучими руками. Всего три удара понадобились ему чтобы снести голову Чико и размокнуть о стену еще двоих, прежде чем остальные поняли, что так просто он их к себе не подпустит.

Только теперь ратники увидели, что руки его не просто чрезвычайно могучи, они гораздо длиннее рук человека, и потому кривой гирканский меч доставал дальше, чем они рассчитывали. Воины закружили вокруг, но один за другим отлетали в разные стороны, не в силах устоять перед обрушившимися на них ударами.

Даже Кучулуг не удержался на ногах после атаки монстра и хотя остался невредим, удар потряс его настолько, что гирканец очумело затряс головой и в драку пока не лез, понимая,

что в таком состоянии следующий удар просто вышибет из него дух.

— Внимательнее! Внимательнее! — прикрывал на своих людей Север. — Это не тренировка на плацу Логова!

Ему уже приходилось сталкиваться с подобным гигантом, правда, тот больше походил на человека, но силой обладал ничуть не меньшей. Вожак осторожно приближался, выбирая время для нападения, однако и он не ожидал столь мощного удара, хотя и считал, что готов к сокрушительной атаке одноглазого.

Отражая выпад монстра, он не стал ставить жесткий блок, а направил кривой меч противника по касательной — именно это спасло его. Однако Север все равно отлетел на три шага, и хотя он избежал фатальной травмы, как в памятной поединке со Злуном, понял, что нынешний его противник десятикратно превосходит янайдарца силой...

Он услышал, как сдавленно охнула за спиной Соня, загоняя обойму игл в приемник арбалета, и закружил вокруг монстра, понимая, что ни в коем случае не должен еще раз попасть под удар. Противник его также не торопил события, а спокойно поджидал врага, сходу выделив Вожака среди остальных воинов. На них он перестал обращать внимание, просто подставляя щит под редкие удары смельчаков, но не отвечая на них, а сосредоточив-

шись на Севере. Монстр стоял и, пока воин приближался к нему, глухо рычал от нетерпения.

Он сам сделал последний шаг навстречу Вожаку и с ходу нанес сокрушительный удар. Север не стал отражать его, а просто поднырнул под меч, ответив ударом на удар, и тут же поздравил себя с тем, что не вложил в него все силы, а попытался ранить гиганта легким, скольльзящим касанием. Тот успел подставить щит... И тут случилось нечто совершенно невероятное. Север почувствовал, как его клинок коснулся поверхности щита и тут же, словно попытался вывернуться из руки, скользнул вдоль щита, увлекая за собой и воина.

...Хотя прошло уже много лет, но Соня сразу узнала щит, что видела в подземелье Логова, в тайной комнате за полупрозрачным зеркалом. Слегка скругленный сверху, с заостренным клювом нижнего края, с круглыми вырезами для копья в каждом из верхних углов. Воительница узнала и форму, и эмблему на лицевой его стороне в виде четырехконечной звезды. Она поняла, что это не простое оружие, хотя какими свойствами оно может обладать, не представляла. Она видела, что трое уже убиты, Кучулуг до сих пор не оправился от потрясения, и даже Вожак при всем его опыте и умении ничего не может сделать. Еще немного, и гнусная тварь устроит побоище среди ее

друзей. Ее руки сами подняли арбалет, глаза сами отыскиали мишень, палец без участия воли нажал на спуск...

Север нырнул вперед, едва не повалившись на пол, когда за спиной раздался рев, от которого заныли кости. Он отскочил еще на несколько шагов, прежде чем развернулся и увидел, что произошло. Чудовище ревело от боли. Задрав кверху рог, оно бешено металось по залу, потом вдруг остановилось, бросило щит, и тогда только Север увидел, что произошло. Из единственного его глаза торчала метательная игла. Монстр ухватился за нее огромной лапицей и вырвал, оглушив людей новой волной рева, вызванного нестерпимой болью.

Халима стояла, судорожно зажав голову руками, словно боль монстра каким-то неведомым образом передавалась и ей. Лицо ее исказилось гримасой страха, который она впервые позволила себе выказать. Тварь тем временем начала бегать по залу, наугад размахивая мечом, так что люди в панике разбегались, не желая попасть под удар. Он продолжал реветь, и Халима не выдержала.

— Да прикончите же его кто-нибудь! — закричала она, и монстр тут же бросился на голос.

В два шага он очутился рядом и, хотя не видел колдуньи, замахнулся так, словно прекрасно знал, где та находится. Пифия поняла,

что это конец. Она закрыла глаза, чтобы не видеть, как опускается на нее смертоносная сталь, и тут же вздрогнула от ударившего по ушам рева, еще более мощного оттого, что раздался он над самой ее головой.

В лицо ей плеснули чем-то густым и горячим. Колдунья открыла глаза и увидела валяющуюся на полу огромную руку, которая все еще сжимала меч. Она подняла окровавленное лицо как раз в тот миг, когда голова чудища, кувыряясь, полетела в сторону.

Рычание мгновенно смолкло, сменившись kloкочущим бульканьем.

В десяти шагах от нее стояло, покачиваясь и мелко дрожа, огромное тело. Только теперь колдунья почувствовала исходящий от монстра запах мускуса, настолько сильный, что дыхание ее перехватило, а на глаза навернулись слезы.

Еще несколько мгновений сердце твари продолжало биться, и из обрубка шеи и культи толчками били струи крови, которой становилось все меньше в теле и все больше на полу. Наконец агония прекратилась, и гигант рухнул в кровавую лужу. Оцепенев, люди не решались приблизиться, опасаясь, что даже после смерти твари прикасаться к ней нельзя. Только Север да его красавица-подруга единственные из всех не потеряли присутствия духа. Сона лишь старалась не ступать в кровавые лу-

жи, да брезгливо морщилась. Вожак же действовал так, словно ничего из ряда вон выходящего вообще не произошло. Первым делом он, к удовлетворению Сони, подобрал с пола брошенный монстром щит. Потом подошел к отсеченной деснице и, перерубив пальцы монстра, освободил меч.

Бросил собственный меч в ножны за спиной и прикинул в руках новое оружие. И щит, и меч оказались изготовлены явно в расчете на обычного человека.

— Ну-ка, ударь меня,— предложил он Соне и занял оборонительную позицию.

Воительница кивнула и, достав меч, ударила точно в середину щита. Она помнила, чем такая же попытка закончилась для Севера и приготовилась к неожиданностям, но наверняка не сумела бы удержаться на ногах, если бы Вожак не подхватил ее, когда она против воли поднырнула ему под правую руку.

— Как ощущения? — спросил он.

Она чуть не вспыхнула, представив, как выглядела со стороны, но, увидев устремленный на нее серьезный взгляд серых глаз Вожака, задумалась.

— Слово я вложила все силы в удар и промахнулась, но меня не просто понесло вперед, а...

Тут она запнулась, подыскивая подходящие слова.

— Будто противник схватил тебя за клинок и рванул на себя и мимо себя,— подсказал Север.

— Верно,— кивнула Соня.— Но как такое возможно?

Она посмотрела на обступивших их воинов и увидела на их лицах неподдельный интерес.

— Я никогда не видел прежде оружия, наделенного магическими свойствами,— сказал Вожак.— Да и слышать о нем приходилось только в детстве, в сказках.

— Наша сказка мне не по нраву...— невесело усмехнулась девушка.

— Можешь утешиться тем, что мы попали в ее концовку,— в тон ей ответил Север и тут же посерьезнел: — Давай-ка испробуем меч.

Он легко взмахнул мечом, едва обозначив удар, но воительница, словно выпущенный из катапульты снаряд, налетела на воинов, которые подхватили ее и помогли устоять на ногах.

— Спасибо, парни! Поддержали! — бодро ответила она, стараясь не выказывать раздражения тем, что второй раз уже она выглядит нелепо.— А то тут озера-то нет...— добавила она, вовремя вспомнив, что, если не желаешь стать посмешищем, стоит первой посмеяться над собой.

Ратники заулыбались, припомнив, что произошло в Логове пять лет назад. Север тоже улыбнулся. Он вовсе не желал посмеяться над

своей подругой. Просто хотел, чтобы для начала она на себе испытала возможности оружия, которым ей предстоит пользоваться. Он принял это решение, как только увидел, каким жадным взглядом смотрела на щит и меч Халима. Она не осмелилась, правда, предъявить своих прав на воинскую добычу, а может, и просто растерялась, не успев еще прийти в себя от пережитого, а потому Север сразу определил оружие нового хозяина.

— Возьми! — протянул он его Соне.— Тебе трудно соперничать с мужчинами в силовом бое. Это оружие с избытком возместит недостаток и мощи, и веса. Боковым зрением он видел, как Пифия в досаде закусил губу, но так и не решилась возразить. «Может и хорошо,— подумал он,— что ей не удалось помочь нам делом...» Теперь оружие потеряно для колдуньи, и она поняла это. Поняла и Соня и благодарно улыбнулась возлюбленному за воистину королевский подарок. Оставь он добычу у себя, и мог бы стать непобедимым воином.

Щит оказался неожиданно легким и удобным. Пришлось только подтянуть ремни.

Клинок походил формой на оружие гирканского всадника, а длиной напоминал полуторный зингарский меч. Соня с отвращением срезала кинжалом намотанную на рукоять грязную тряпку. Видно, рука монстра оказалась слишком большой для человеческого оружия.

Зато ей рукоять пришлась в самый раз. Меч тоже оказался легким, словно нарочно выкованным для женщины. Она с удовольствием крутанула оружие в руке, и широкий, тонкий клинок с тихим свистом рассек воздух.

— Нападайте! — задиристо крикнула девушка, и воины не заставили себя ждать, но либо щит заставлял их промахиваться, либо меч швырял назад и на пол, несмотря на все старания крепких мужчин удержаться на ногах. Даже Кучулуг не смог противостоять ей, хотя — Север видел это — подруга его не слишком-то и старалась.

Халима предпочла не присутствовать при испытании. Она вовремя вспомнила, что, каким бы оружием ни обладал убитый Севером сторож, он что-то охранял. Уж если щит с мечом уплыли мимо ее рук, она не желает упустить остальное! Однако, когда колдунья подошла к провалу входа, то, к досаде своей, увидела, что воины не столь сильно увлечены находкой, как ей казалось. Все пошли следом, и счастливо улыбавшаяся рыжая тварь тоже! В последнее время колдунья избегала называть ее так даже в мыслях, опасаясь, что однажды не сдержится, и поняла, что именно сейчас недалеко от неразумного шага.

Она стиснула зубы и заставила себя улыбнуться, но улыбка тут же сползла с ее лица,

когда она подошла ближе и в ноздри ей ударил невыносимый запах мускуса.

— Ошеломляющее зловоние, — высказала свое мнение Соня, в отличие от колдуньи не видевшая причин сдерживать чувства.

— Если мы войдем внутрь, то обратно сами не выйдем, — кивнул Север.

— Верно, — согласился Кучулуг. — Чего только я ни нюхал на своем веку, но такого не приходилось!

— Выйдем, — пообещала Халима, — но нужно немного подождать.

Она сделала пару быстрых пассивных шагов руками и тихонько дунула, но тут же закашлялась и отошла в сторону.

— А! Проклятье! — воскликнул кто-то из воинов, не успев увернуться от мощного потока зловония, рванувшегося наружу.

Гнусный смрад бил в лицо, с силой урагана вытягивая из поганого обиталища монстра въевшуюся в стены вонь.

От нее слезились глаза и перехватывало дыхание, так что люди поспешили убраться на другую сторону скульптурной группы, под защиту каменных стен. Когда некоторое время спустя они поднялись по высоким выщербленным ступеням, Халима едва не вскрикнула от разочарования: они попали в Святилище, как две капли воды походившее на те, в которых они уже побывали, только оно было, пожалуй,

несколько теснее. Те же испещренные текстам стены и восседавший на троне монстр, но на этот раз кроваво-красного цвета.

— Уру! — не сдержавшись, воскликнула Соня. — Помнишь, я рассказывала тебе, как он гнался за нами? — обернулась она к Северу. — Посмотри, у него и крылья, которых не было у остальных!

Пифия слушала ее вполуха: по большому счету ее мало интересовало сходство Уру с сидящим на троне монстром.

Какой-то, конечно, есть смысл и в этом, и в соответствии входа в Святилище воротам Янайдара, но сейчас значения всего этого им все равно не разгадать.

— Возьми, — сказал Север, поднимая с пола ножны и протягивая их своей подруге. — Пригодятся.

Халима едва не выругалась. И как она сама умудрилась не заметить их? Соня взяла ножны и, вложив с них меч, заткнула за пояс, но, видно, двойник Уру привлекал ее внимание больше, потому что она шагнула к трону и принялась рассматривать сидящего со всех сторон. Колдунья, сама не понимая, почему, держалась подальше, но уходить не спешила, чувствуя, что интерес соперницы вызван не просто воспоминаниями. Внутри к этому времени остались лишь они вдвоем. Остальные, обнаружив, что ничего интересного для них тут

нет, не пожелали нюхать впитавшийся в стены запах чудовища, обитавшего здесь.

— Пора и нам идти. Как ты считаешь, Халима? — обратился к ней Север, и колдунья на несколько мгновений отвлеклась, чтобы ответить утвердительным кивком, а когда обернулась к шадизарке, та уже проходила мимо нее, направляясь к выходу.

— Не понимаю, — едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, заметила она на ходу, — кому понадобилось так защищать никчемных идолов?

— Ничто не делается просто так, — задумчиво отозвалась Пифия. Ей и самой та же мысль не давала покоя, но объяснения она не находила.

— Если прежде здесь и держали что-то ценное, то теперь ничего нет, — широко улыбнувшись, пожала плечами Соня, и Север едва сдержался, чтобы не выругаться вслух: он-то видел, как его подруга с молниеносной быстротой и необычайной ловкостью вскочила на колени идола и одним движением извлекла из глазницы камень. А теперь еще и посмеялась над Пифией, да так, что та ничего не поняла.

А Халима и не могла ни о чем догадаться. Искушенная во всем, что касается колдовского искусства, прекрасно владевшая — в чем Север сам мог воочию убедиться — кинжалом, она не привыкла, как это с детства приходи-

лось делать Соне, действовать скрытно. Наоборот, как это свойственно, скорее, мужчине, она всегда делала ставку на силу, в детстве — физическую, а после — колдовскую. И именно благодаря своей силе она из любой переделки неизменно выходила победительницей, и вот теперь терпела поражение за поражением — ее сила обернулась слабостью.

Они не стали задерживаться здесь. От отряда осталось меньше половины — всего двадцать два человека, а конца пути еще не видно. Они получили меч и щит. Знай Север о них перед началом похода, и считал бы риск вполне оправданным, хотя сейчас язык не поворачивался назвать заплаченную цену справедливой... Оставались еще камни, что так ловко раздобыла Соня.

До сих пор она даже не доставала их из поясной сумки, опасаясь, что колдунья застигнет их врасплох, когда они будут их разглядывать. А та и впрямь словно чувствовала что-то... Но что — не понимала и сама.

Размышляя, Вожак подошел к очередному portalу и здесь неожиданно остановился. Путешествие, грозившее превратиться в бесконечные странствия, подошло к концу, и он сразу понял это. Перед ними раскинулась широкая, мощеная квадратными каменными плитами площадка, а сразу за ней зияла пропасть, из которой поднимались волны жара. Поток

раскаленной лавы в добрую сотню шагов шириной скупое освещал окружающее пространство, но людей в магических оголовьях даже ослеплял.

— Смотри! — крикнула Соня, и Север, сняв оголовье, посмотрел на другую сторону Огненной реки.

Он увидел крепостную стену со сторожевыми башнями, узкими бойницами и контрфорсами, а главное — исполинский череп, составлявший единое целое со стеной.

Вожак нахмурился: опять эта дрянь, напоминавшая о Янайдаре.

Воины с уважением разглядывали мощные укрепления, гадая, кого призваны защищать эти стены. Он видел по их лицам, что разгадка интересует ратников, но не настолько, чтобы ради нее лезть через огненный поток, протянувшийся прямо к выходу.

Однако он заметил и еще кое-что. Три величественные фигуры замерли перед входом. Три прекрасные женщины с нежными, немного грустными лицами стояли перед воротами, взявшись за руки.

— Бьюра, Наки, Лью — так, если я не ошибаюсь, называли их древние, — заговорила Халима. — Они первые божества человеческой расы и олицетворяли веру, надежду и любовь. Была еще одна сестра, Велиса — справедливость, но я не вижу ее здесь.

— Откуда ты знаешь? — не удержалась от вопроса Соня. — Сколько живу, не слышала ни о ком, кроме Митры, Нергала... Ну и прочих уже полузабытых богов.

— А я слышал о них, — вмешался Север. — Кстати, всего сестер восемь, но этих четырех мать-Земля родила от Света, а остальных — от Мрака. Их звать Прада, Раха, Виста и Рола — предательство, страх, ненависть и вероломство. Богинь давно никто не помнит, но они и поныне правят миром.

— Ты, помнится, что-то говорил единственно о Роке... — насмешливо заметила Соня.

— Я вообще не верю в богов, — пожал плечами Север, — но если кому-то нужны символы, то эти восемь полностью определяют и жизнь, и поступки людей.

— А ты, оказывается, философ... — усмехнулась Халима.

— Ну так, — отмахнулся Север. — Самую малость.

— Ты не про эту четвертую говорила? — крикнул Кучулуг.

Вожак обернулся и увидел, что гирканец успел отойти на несколько десятков шагов в сторону и теперь стоял к ним спиной, рассматривая четвертую сестру, явно походившую на трех первых, но и отличавшуюся от них тоже.

Соня остановилась в десяти шагах и тоже принялась разглядывать статую, изготовлен-

ную из странного полупрозрачного бело-голубого камня. Прекрасные глаза Велисы — справедливости — печально взирали на людей, словно богиня и в самом деле знала, чего стоявшим перед ней людям стоило добаться сюда.

Из-за спины виднелись большие, изящно изогнутые, как у лебедя, крылья. Три точеные руки она направила к своим сестрам, застывшим на другом берегу Огненной реки, а четвертую протянула ладонью кверху к людям, словно приветствуя их.

— В этой руке она должна держать весы, — пояснил Север. — По легенде, она летает над миром и взирает на людей, взвешивая на весах деяния каждого.

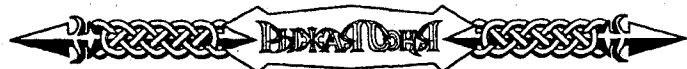
— Наши поступки она, похоже, оценивать не собирается. — Халима выглядела сердитой, и Север вполне понимал ее. — Впрочем, меня это уже не интересует. Совершенно ясно, что пора возвращаться. Здесь мы больше ничего не отыщем.

Вожак кивнул, вполне разделяя ее мнение, но, к всеобщему удивлению, сказал совсем не то, что от него все ждали:

— Конечно, возвращайся, но я останусь.

Соня отвернулась, чтобы Халима не заметила мимолетной усмешки на ее лице.

— Но почему? — Колдунья старалась говорить спокойно, но тут же упрямо поджала гу-

бы.— Впрочем, твое право, а я ухожу, даже если мне придется идти одной.

— Ну зачем же одной? — спокойно возразил он.— Возьми с собой воинов. Мы с Соней вполне можем постоять за себя, хотя уверен, что опасаться нечего.

— С чего бы это?

— Мы ведь прошли все подземелье.

— Кроме тех мест, куда ведут норы.

— Верно, но чтобы вернуться, в них совать-ся ни к чему, а гррызы в залы не полезут. Им здесь просто нечего делать после смерти их хозяина.

— Думаешь, он единственный владыка этих мест? — поинтересовалась Халима.

— Не думаю. Но тот, в плаще, похоже, отвоевал себе залы. До тех пор, пока остальные прознают о его гибели, минет немало времени. Сейчас же опасаться нечего ни тем кто уходит, ни тем, кто остается.

Все молча ждали, понимая, что именно сейчас решается их дальнейшая судьба.

Халима задумалась, но вскоре кивнула, соглашаясь, что так оно, видимо, и есть.

— Ты прав... И все-таки ответь, зачем тебе это?

— По двум причинам,— начал он и запнулся, понимая, что хотя бы одна из них должна прозвучать достаточно весомо.— Во-первых, я хочу еще раз побеседовать со Стакулом.

— Теперь?

— Именно теперь, когда мы прошли все подземелья, мне есть о чем спросить у него... Хотя бы о замке, что с той стороны, и четырех разделенных богинях.

— А во-вторых?

— Хочу навестить гррагов. Предупредить их об угрозе и договориться о пристанище на будущее. Боюсь, их помощь нам еще понадобится.

При упоминании о камнеедах Халима брезгливо поморщилась. От Севера не укрылось, что колдунья питала к ним ничем не объяснимое отвращение, и он нарочно упомянул о них, чтобы она не передумала уходить.

На этом спор и закончился. Если Пифии хоть на миг и захотелось остаться, никто об этом так и не узнал. Кучулуг сразу заявил, что одну ее не отпустит, хоть и верит словам Вожака о том, что опасаться нечего. Север предложил ему опросить воинов, и оказалось, что все как один намерены вернуться наверх. Он вполне понимал этих людей. Сумки набиты золотом, стоит ли рисковать и дальше?

Расставание, однако, еще только предстояло. А пока они возвращались тем же путем, каким и пришли сюда, и, как и предсказывал Север, никого на обратном пути не встретили.

Так что к лестнице вернулись значительно быстрее, чем рассчитывали. На ее ступенях по-

прежнему лежали скелеты, облаченные в кольчуги. Они навевали грустные воспоминания, но и только. И все-таки именно это напоминание заставило уходивших почувствовать какую-то вину перед теми, кто остается, и тепло-го прощания не получилось.

Наскоро поделив припасы, два десятка человек быстро зашагали вверх по лестнице, и Северу почему-то пришла в голову глупая мысль о том, что подниматься гораздо труднее, чем спускаться вниз. Некоторое время они еще слышали удаляющиеся шаги, потом все стихло.

* * *

— Думаешь, им и в самом деле ничто не грозит? — озабоченно спросила Соня,

Среди тех, кто ушел, у нее не было друзей, однако за последние дни она успела привыкнуть к ним — общие беды сближают — и теперь ее не могла не волновать судьба боевых товарищей.

— Кого им опасаться? — вопросом на вопрос ответил Север. — В верхних залах только крысы, да и тех не слишком много: все уже давно съедено. Ты ведь сама видела.

— И все-таки... — грустно ответила она, но так и не договорила, невольно опустив взгляд на тщательно обглоданные кости. — Они сами повинны в том, что случилось, — услышала Со-

ня за спиной мягкий голос, вздрогнула, схватилась за оружие и резко обернулась. — Ты?! — воскликнула девушка, и в голосе ее прозвучали и удивление, и радость.

— Разве мы не договаривались, что я пойду следом? — улыбнулся Хэлдир, снимая странную островерхую широкополую шляпу. На миг тень тревоги промелькнула в его глазах.

Он внимательно осмотрелся, но, не найдя ничего заслуживающего внимания, успокоился, и мягкая улыбка согнала с его лица выражение озабоченности.

— Да, помню, — кивнула Соня, — ты собирался охранять нас, но только я не почувствовала... — начала было она, да так и не закончила мысли, взглянув в смеющиеся глаза старца.

Вожак хранил молчание, но она почему-то подумала, что ему известно гораздо больше, чем ей, и ощутила обычное свое раздражение, которое всегда испытывала, когда догадывалась: у ее возлюбленного и старого мага есть еще много тайн, неизвестных ей.

— Так это ты?... — вдруг прошептала она восхищенно, припомнив день, когда они ждали нападения со стороны спуска, а ей никак не удавалось сладить с замком. — Сдержал твои тайны? Здесь?

— Хотел бы ответить «да», — вздохнул он, — но — нет.

— Кто же тогда?

— Давайте сначала уйдем отсюда,— предложил старец и вновь посмотрел по сторонам: тревожное ощущение скрытой угрозы никак не покидало его.— Хотя я и разделяю уверенность Севера, что нам ничто не угрожает, но бережного, как говорится, и Рок опекает.

Соня кивнула, найдя довод вполне разумным, и направилась к portalу, с которым ей однажды пришлось немало повозиться, на ходу доставая из поясной сумки отмычки.

На этот раз дело пошло не в пример легче, и вскоре все устроились посредине уютного круглого зала, уже не опасаясь нападения извне. Старец окинул их убежище долгим взглядом и удовлетворенно кивнул. Тем временем Соня достала припасы, а Север разложил костер: уходя, они оставили здесь запас дров и кое-что из вещей. Вскоре пламя весело затрещало, с жадностью пожирая сухое дерево, а Север принялся жарить на кончике ножа аппетитные куски мясной ягоды.

— Что это? — поинтересовался Хэлдир.

— Мясная ягода, как называют ее грраги,— пояснил Вожак, не отрываясь от дела.

— Верзилы с телами, похожими на грубо высеченные скульптуры?

— Точно,— ответил Север, передавая первый кусок старому другу.

— Вкусно,— прожевав, оценил тот.— Напоминает вареного рака.

Вожак кивнул, но говорить ничего не стал: у него был забит рот.

— Ты зубы-то не заговаривай,— напомнила о себе Соня.

— Извини, не буду,— добродушно откликнулся старец.— Так вот. Я не шел следом за вами.

— То есть? — не поняла девушка.

— Я шел за человеком в сером плаще с накиннутым на голову капюшоном, которого впервые заметил еще наверху.

— Странник...— тихо ахнула Соня, которая уже успела забыть о его существовании.— Он плелся за нами, но Халима отпугнула его, и с тех пор он не появлялся.

— Отпугнула! — пренебрежительно хмыкнул маг, покачал головой и разгладил густую, белую как снег бороду.— Похоже, она оставляла ему записки.

— Записки? — насторожился Север.

— Ага.

И Хэлдир рассказал в немногих словах историю своих столкновений со Странником. О том, как не сумел рассмотреть его, и том, как незнакомец, в свою очередь, попытался подстеречь его самого.

— Я уверен, что именно он сдержал зубастых маломерков и кого-то еще, покрупнее и посильнее, но кого, я так и не увидел. Только слышал приглушенный рев.

Тогда Вожак так же немногословно рассказал о своей встрече со Странником. О том, что ни он, ни Соня не сомневаются: следил за ними именно он, а не кто-то еще, и о том, как Халима осталась, чтобы отпугнуть его.

— Если именно она оставляла ему записки,— заметил Север,— то все ее колдовство заключалось всего лишь в том, что она встречалась с ним и просила держаться от отряда не слишком близко.

— В любом случае мы его больше не видели,— удовлетворенно улыбнулась Соня, поглаживая рукоять подаренного Севером меча.

— Что верно, то верно,— согласился Вожак.— Не удивлюсь, если он убрался отсюда вместе с ней.

— Похоже на то,— кивнул Хэлдир.— Ведь на вас амулеты, которые мешают ему чувствовать ваше присутствие. Недаром он рискнул приблизиться настолько, что вы заметили его. Скорее всего, он так до сих пор и не узнал, что вы решили остаться.

— Быть может, у него тут свой интерес? — предположила Соня.

— Конечно,— отозвался Север.— Только вряд ли он способен сделать что-нибудь сам, иначе давно уже пробрался бы сюда и не стал дожидаться нас.

Соня не спорила. Кажется, они и впрямь оказались нужны Страннику. Все говорит за

это: и то, что он тащился за отрядом, а вернее, за ней с Севером, и то, что он не только не напал на своих врагов, а даже защитил их. Другое дело — зачем они с Вожаком понадобились Страннику? Но это, скорее всего, так и останется для них тайной. Размышляя, Соня следила, как Хэлдир достал из мешка свою трубку с длинным чубуком, кисет с табаком и начал не торопясь, со вкусом набивать ее. От внимания девушки не укрылось то, что маг ведет себя как-то нервозно. Правда, она объясняла его поведение просто: все они чувствуют себя не в своей тарелке с тех пор, как спустились сюда. Должно быть, и Хэлдир при всем его самообладании и жизненном опыте — не исключение. Когда первое ароматное облако повисло над их головами, девушка поняла, что настало время серьезного разговора.

— Удалось отыскать хоть что-то полезное? — спросил старец и посмотрел, прищурившись, сперва на Соню, а затем и на ее друга.

Девушка молча протянула ему добытый Севером меч.

— Да, я видел,— сказал Хэлдир, бережно принимая из рук девушки оружие.— Несомненно, это весьма ценное приобретение. Многие пытались изготовить наделенное магическими свойствами оружие,— добавил он, рассматривая клинок, испещренный затейливым, словно мороз на стекле, узором.

— А я никогда даже не слышала ни о чем подобном,— отозвалась Соня,— хотя всегда интересовалась оружием и знаю в нем толк.

— И тем не менее это так,— сказал старец, выпуская изо рта еще одно облако голубоватого дыма.— Все дело в том, что сталь не переносит магии, даже доброй, а особенно злой. Но даже когда магу удавалось сломить сопротивление, меч или сабля очень скоро теряли приданные им колдовством свойства, превращаясь в обычное оружие, что вышло из рук кузнеца.

— И все-таки вот оно.

— Да. Кому-то удалось. Но прежде я никогда не слышал о подобном.— Он вновь посмотрел на узорчатую сталь клинка.— Быть может, дело не только в заклинании, но и в необычных свойствах самой стали? — задумчиво проговорил он, словно размышляя вслух.— В любом случае этим мечу и щиту цены нет.

— Я сразу понял это,— кивнул Север,— и Халима, думаю, тоже. Видел бы ты, какими глазами смотрела она на нашу добычу! — усмехнулся он.— Правда, прав своих предьявить не посмела.

— А у нее и не было никаких прав,— фыркнула Соня.

Север кивнул, а Хэлдир заметил:

— К сожалению, это мало кого останавливает в наше время. Впрочем, это уже неважно.

Главное заключается в том, что теперь мы значительно сильнее, а силы нам скоро понадобятся,— сказал он и тут же пояснил: — Грядут перемены. Я чувствую их приближение.

Он задумался, посасывая чубук, словно смаковал ароматный дым мелкими глотками. Ни Соня, ни Север не торопили мага, зная, что их друг сам обо всем расскажет, если сочтет нужным. Однако он продолжал молчать, и тогда девушка решила возобновить разговор. Порывшись в сумке, она положила перед старцем три круглых камня — два совершенно прозрачных и черный — и рассказала их историю. Не отрывая от камней пристального взгляда, Хэлдир внимательно слушал ее, потом кивнул, протянул над ними руку ладонью вниз и словно прислушался к чему-то.

— Кстати, спасибо тебе за тот глоток воздуха и твою настойчивость!

Девушка под села к старцу и обняв за шею поцеловала в щеку.

— Пустое, милая,— мягко улыбнулся маг.— Я смог оказаться полезным — само это для меня уже награда. Что же касается камней... Я не знаю, что это,— признался он,— но чувствую исходящую от них силу. Все время чувствовал,— поправил он себя и вдруг запнулся.— Ну-ка! Показывайте, что там у вас еще.

Оба его молодых друга поначалу опешили, не понимая, что он имеет в виду, потом Север

усмехнулся, запустил руку в свою сумку, и десять увесистых золотых кругляшей легли в ладонь мага. Он посмотрел на них, правда, с интересом, но почти сразу отложил в сторону:

— Я не об этом говорю.

Север удивился было и уже хотел сказать, что не понимает, о чем речь, когда вдруг вспомнил. Порывшись в сумке, он достал со дна странный перстенок, что подобрал с пола у первого Святилища. Он торопился и бездумно сунул его в сумку, надеясь рассмотреть позднее, когда Халимы не будет поблизости, да так и забыл о нем.

— Да ведь это...

Старый маг едва не поперхнулся дымом и с благоговением принял из рук Вожака кольцо, покрытое коркой серой окаменевшей пыли. Соня смотрела на него широко раскрытыми от изумления глазами, да и Север выглядел удивленным ничуть не меньше ее. Маг тем временем рассматривал перстень со всех сторон.

Время от времени он кивал и бормотал под нос что-то неразборчивое.

— Это Гранринг,— произнес он наконец.

— Гранринг? — переспросила Соня, которой это слово не говорило ровным счетом ничего.

— Гранринг — Великое Кольцо,— пояснил Хэлдир.— Первый и единственный раз я прочитал о нем в валузийских хрониках Гро-Мона — одного из величайших наагских магов. Его зва-

ли Всемогущим и Беспощадным, и эти прозвища стали его вторым именем еще при жизни колдуна. Так вот, судя по его записям, это кольцо может сделать человека полубогом.

Тут Соня не выдержала, прыснула в кулак и, как нашкодившая девчонка, виновато посмотрела на Севера, но тот лишь кивнул, показывая, что и сам давно не верит в сказки.

— Звучит заманчиво,— усмехнулся он.— Я вполне верю, что некогда существовал магический атрибут невероятной силы и назывался он Гранрингом. Но такими вещами, согласись, не разбрасываются, а я подобрал его в груде мусора.

И Вожак рассказал, как все произошло.

— Твои слова только лишний раз подтверждает мою правоту,— удовлетворенно кивнул старый маг и тут же пояснил: — Дело в том, что вещь эта и в самом деле не простая. Она сама выбирает, с кем и в каких отношениях ей находиться, хотя, как правило, Гранринг просто не обращает внимания на окружающих.

— Ты говоришь об этом кольце так, словно оно живое.

— Так оно и есть! — Старец усмехнулся в бороду, глядя как широко раскрылись и без того огромные глаза прекрасной воительницы.— Гро-Мон пишет, что задолго до того, как нааги стали великим народом, существовали и другие нечеловеческие расы. Одна из них, ра-

хи, могла бы называться разумными камнями. А Гранринг, посмотри, имеет форму паука. Говорят, что древний культ Затха, последнего из рахов, названного так одним из владельцев Гранринга, возник из поклонения именно ему, и недаром уцелел до нашего времени.

— Что-то я совсем ничего не понимаю, — нахмурилась Соня.

— Это потому, что я не договорил. Так вот, эти рахи представляли собой странную колонию разумных кристаллов, питавшихся солнечным светом. Обитали они на склоне вулкана, который спал до этого тысячи лет. И когда он проснулся, почти вся колония сгорела в жаре истекающей лавы. Лишь один уцелел — самый сильный из всех. Он рос выше своих соплеменников, получал больше солнца, потому что от восхода до заката тень не касалась его, а лава не достала до вершины той скалы, на которой он укоренился.

— Какая трогательная история! — раздраженно буркнула воительница.

— Перехожу к главному, — улыбнулся Хэлдир. — Кристаллы не могли двигаться сами, иначе бы уцелели. Зато они умели воздействовать на окружающий мир. Правда, во времена погубившей их катастрофы — не настолько, чтобы отворотить беду. Долгие сотни лет провёл выживший рах в одиночестве, пока не проникся идеей воссоздать при помощи магии

свой народ. Гро-Мон пишет, что все драгоценные камни мира — его рук дело. — Сказав «рук», Хэлдир сам едва не рассмеялся, зато его друзья лишь улыбнулись. Даже Соню заинтересовал его рассказ. — Именно этим, по мнению наага, объясняются магические свойства камней. Долгие века работал рах с воодушевлением, осуществляя один замысел за другим. Некоторые камни даже могли менять цвет, что свойственно лишь живому раху, но видно то, что под силу богам, не подвластно ни сильнейшим из магов, ни даже полубогам. Тогда он решил заняться усовершенствованием самого себя, и отчасти это ему удалось. Хэлдир поднял Гранринг и показал на три разомкнутые посередине дужки. Теперь Соня ясно видела, что больше всего они походят на шесть тоненьких лапок, а все в целом — на некое паукообразное существо, имевшее только удлиненное тело без всяких признаков головы или глаз. Она уже не сомневалась, что все сказанное Хэлдиром — правда.

— Однако на этих лапах было трудно ходить. Они лишь позволяли с огромным трудом переползать на незначительные расстояния и закрепляться на новом месте. Но и это оказалось значительным достижением, ведь если бы кто-то согласился переносить его...

— И этим кем-то оказался твой нааг, — предположила Соня.

— Похоже на то. Гро-Мон не пишет об этом прямо,— усмехнулся Хэлдир,— но я подозреваю, что Всемогущим он стал благодаря Гранрингу.

— А Беспощадным? — тут же задала вопрос Соня.

Старик хмыкнул.

— А вот, скорее всего, из-за беспощадности Гро-Мона последний из рахов покинул его. Об этом нигде не говорится, но я чувствую, что произошло именно так. О Гранринге к тому времени знали уже многие, ведь магический предмет такой силы невозможно скрыть надолго. И, я думаю, нашелся не один желающий, заполучив его, занять место Гро-Мона. Но это опять-таки только мои предположения. На самом деле о кольце больше нигде не упоминается. По крайней мере, мне больше не известно ничего, а я знаю не так уж и мало. И вот теперь он отыскивается здесь, в подземельях Пифона. Причем не Север нашел его, а, скорее, он сам попал ему в руки. Ведь так? — спросил Хэлдир и вопросительно посмотрел на Вожака.

— Да,— согласился тот.— Я даже удивился сперва, как его не заметили воины, расчищавшие площадку. Впрочем, я и сам собирался его выбросить, посчитав простым камнем, но почему-то вместо этого сунул в сумку и тут же забыл.

— Считай, что убедил,— откликнулась Соня.— Вопрос в другом. Какая нам от него польза, и не принесет ли он вреда?

— Не знаю,— честно признался маг.— Время покажет.

Север взял из рук старца свою находку и рассмотрел ее внимательно. Темно-серая шершавая поверхность выглядела так, словно настоящий перстень покрыт тонким слоем известковых отложений. Гранринг действительно чем-то смахивал на паука, и если в самом деле обладал уникальной магической силой, то в те далекие времена о нем не могли не знать больше. По крайней мере, в узких кругах. И не мудрено тогда, что он стал символом нового культа, хоть и не получившего широкий размах, но счастливо дожившего до наших дней.

К тому же Гранринг выглядел несколько великоватым даже для его отнюдь не маленькой руки. Вожак почувствовал вдруг едва ли не непреодолимое желание примерить перстень. Он даже сделал движение, словно собирается надеть его на средний палец, но Хэлдир мягко придержал руку воина.

— Не стоит торопиться,— сказал он.— Честно говоря, не думаю, что он чем-то опасен, но у нас сейчас много и других дел. Наверху выясним, что к чему.

— Странно все-таки,— заметила Соня, когда Север не без сожаления убрал находку в сум-

ку.— Ясно, что Гранринг упал с руки своего последнего владельца во время битвы, в которой люди были поголовно истреблены. Иначе его бы непременно подобрали. Но как такое могло произойти? Почему владелец кольца не сумел защитить себя?

— Наверняка была причина,— ответил Хэлдир.

— Тонко подмечено,— фыркнула девушка,— но какая?

— Не знаю. Но что это меняет?

— Многое. Может, мы поймем, что делать с кольцом.

— Именно поэтому я и посоветовал пока не надевать его... Скажите мне лучше: нашли вы хоть какую-то подсказку, где может находиться то, что мы ищем? Что вообще думаете делать дальше?

— Он у нас думает! — Соня кивнула на своего друга.

— Мы не побывали только за Огненной рекой. Но как перебраться через нее, понятия не имею. А пока хочу вернуться к Стакулу,— ответил Север.— Сдается мне, он не все сказал, что хотел или, скорее, не то, что хотел.

— Ты о чем это?

Соня искренне удивилась.

Она посчитала объяснения Вожака Халиме настолько правдоподобными, что даже поверила в них сама.

— Он ведь хотел вернуться к людям, но с нами идти отказался. Тебе не кажется это странным?

— Но ведь он сказал...— начала было девушка, но Север недовольно поморщился, и она посмотрела на своего друга недоверчиво и вместе с тем требовательно.

— Что боится предстать в таком виде перед людьми? И ты веришь в это?

— Вообще-то я всегда считала, что внешность много значит,— попыталась оправдаться она, но умолкла под насмешливым взглядом мага и досадливо закусил пухлую губу.

— Человека, который страстно мечтает послужить добру, может, конечно, волновать внешность, но она не заставит его отказаться от мечты.— Он задумчиво покачал головой, еще раз взвешивая свои доводы.— Нет, тут что-то другое.

* * *

— Я ждал вас!

Такими словами встретил их Стакул, и, хотя плоти Стальной Кузнец лишился в незапамятные времена, Соня не могла отделаться от впечатления, что он улыбнулся своим гостям доброй улыбкой очень сильного и много пострадавшего человека. Она даже потрясла головой, пытаясь избавиться от наваждения, и сразу стала похожа на задиристую удивленную девчонку.

— Я пришел повторить свое предложение,— без обиняков заявил Север.

— Я готов идти с вами! — без промедления пророкотал кузнец.

— Но почему ты сразу не согласился? — все-таки спросила девушка.

— Из-за колдуньи, что пришла с вами,— откровенно признался он.— Я почувствовал исходящую от нее волну ненависти. Ненависти, направленной на меня...

— Не стоило обращать внимание,— пожала плечами Соня.— Халима вообще не любит никого, кроме себя самой.

— Может, и так, но я знал, что вы вернетесь,— ответил он.— Так оно и получилось. Я и Святилище не показал вам именно потому, что она страстно хотела увидеть его. Зато теперь с радостью готов это сделать. Идем со мной.

Он увел их в глубь мастерской, к окованным сталью стенам и, вставив в неприметное отверстие специальный ключ, провернул его. Не издав ни малейшего звука, стальная перегородка отъехала в сторону, открыв знакомый уже вход, за которым не оказалось магической преграды.

Соне не без сожаления пришлось отказаться от намерения похвастаться перед Хэлдиром своим умением вскрывать и магические замки тоже.

Люди вошли следом за Стакулом, но если девушка и воин прежде побывали в трех таких же местах, то старец осматривался с явным интересом.

— По преданию так выглядели богини Тьмы древних,— заметил он, останавливаясь перед тронном.

— Быть может,— не стал спорить Стакул,— но сидящая на троне — всего лишь одна из четырех ключниц.

— Так ты и это знаешь?

— Я многое знаю,— ответил Стакул, и Соне вновь почудилась улыбка на его несуществующих губах,— но, к сожалению, не все. Да, я знаю, что ключниц четыре, но сколько ни старался отыскать хоть что-то подходящее под определение «ключ», ничего найти не смог, хотя перерыл все Святилище.

— С этим как раз просто,— улыбнулась Соня, на виду у своих друзей ловко завладев четвертым камнем.— Вот он!

— Здорово! — признал кузнец.— А уж сколько я таскал ее за рога! Как-то раз едва не отломил.

— Хорошо, что не отломил.

— Да, я вижу. Но теперь я должен признаться еще в одном: я понятия не имею, что отпирать этими ключами... У вас ведь все четыре камня?

— Верно,— кивнул Север.

— Были бы ключи, а двери для них отыщутся! — беззаботно откликнулась девушка.

Тут она впервые обратила внимание, что Святилище не пусто. Посредине комнаты лежали инструменты, явно спрятанные здесь Стальным Кузнецом. Соня увидела молот, наковальню, различных размеров клещи, зубила и прочую кузнечную утварь.

— Что это? — спросила она, имея в виду не назначение вещей, которое тайны не представляло, а то, зачем они тут находятся.

— Здесь собраны инструменты, равных которым, я думаю, теперь не сыскать. Это необыкновенно важно, если собираешься выковать особое оружие.

— Особое, говоришь?

— Твой меч,— он указал на клинок, отвоеванный Севером у монстра,— и щит... Я выковал их молотом Гнева на наковальне Скорби.

— Ты сделал это оружие? — удивилась Соня.

— Да.— Стакул кивнул и его глубоко сидящие в глазницах глаза внезапно потемнели, словно он вспомнил нечто весьма неприятное.— Это лучшее, что я сумел создать. Сталь, способная рубить сталь. Она уступала лишь тому мечу, о котором я уже рассказывал. Тогда Гробор с помощью своей магии усилил их свойства. Я очень удивился этому, потому что знал: сталь не терпит магии. А потом понял, что все дело в том, что мне удалось сварить

необычную сталь, а инструменты, которыми ее обрабатывал, и вовсе единственные в своем роде. И я понял еще одно. Хотя магия Гробора и не несла с собой зла, но само оружие послужит ему. И тогда я спрятал инструменты. Без мехов из шкуры дракона сварить такую сталь оказалось невозможно, но меня это мало беспокоило. Я спокойно продолжал обреченную на неудачу работу, а Гробор недоумевал, отчего я не могу повторить свой успех. Я рад,— закончил он рассказ,— что мое оружие все-таки послужит людям. Это доброе оружие.

— И Гробор ничего не заподозрил?

— Может, да, а может, и нет. Зур Ган, будущий владыка Ордена Силы, помог соорудить мне этот тайник, чтобы я мог спрятать инструменты. Именно потому на нем нет магического замка — я охранял это место. Уже позднее он превратил его в Святилище, но оставил мне право посещать его. А Гробор... Придаться он, во всяком случае, ни к чему не мог — я продолжал работать и день, и ночь.

За разговором они вернулись к жарко пылавшему горну и расселись вокруг него — Соня подальше от обжигающего пламени, а Стакул, наоборот, поближе к огню.

— А куда он делся, этот... Гробор? — спросила Соня.

— Не знаю.— Кузнец повел могучим плечом. Хоть он и лишился плоти, но вся фигура его

производила впечатление невообразимой мощи.

При этом скупом движении порожденная Стакулом огромная бесформенная тень метнулась по стене кузни, невольно привлекая к себе внимание девушки.

— В один из дней он ушел и не вернулся.

— Великий Гр-оор...— задумчиво проговорил Север.— Не находишь это имя созвучным?

— Гр-оор — Гробор... Ну конечно! — не удержалась от восклицания девушка, продолжая следить взглядом за причудливой игрой теней.— Как я сама не догадалась?! То-то, посмотрев на меня, он сокрушался, что не успел сотворить себе самочку! — брезгливо поморщилась она.

— Он всегда был падок до женщин,— подтвердил Стакул.— Но где вы видели его?

И Соне пришлось кратко рассказать о приключениях последних дней.

— Поделом ему,— удовлетворенно кивнул кузнец.— Для него это похуже смерти. Жаль только этих... Гррагов. Пока они ему нужны, могут ничего не опасаться, но когда-нибудь пожалеют, что вовремя не срезали бутон.

Север хмыкнул. Стальной Кузнец нравился ему все больше, и он поздравил себя с удачной мыслью вернуться за ним. Стакул не оступел в одиночестве, а невзгоды не озлобили его. Он явно наслаждался общением с новыми друзь-

ями, и Вожак чувствовал, что Стальному Кузнецу не терпится взяться за работу.

— Ты случайно не знаешь, о чем говорят надписи на стенах Святилища? — заговорил молчавший до сих пор Хэлдир.

— История падения Пифона и краткая хроника Трехсотлетней Войны Уровней — все это уже не слишком-то интересно, за исключением самого конца повествования. Там говорится о храме Черепа и спрятанном внутри троне Крови. А также содержится предостережение о том, что смерть ожидает всякого, кто дерзнет проникнуть внутрь храма, но окажется слишком слаб, чтобы противостоять заточенному в его стенах злу,— ответил Стакул и в свою очередь спросил: — А зачем вам? Уж не хотите ли вы...

— Как раз туда мы и собираемся,— подтвердил его догадку Север.— Вот только не знаем, как перебраться через Огненную реку и проникнуть в храм.

— Я знаю, где покоится прах некроманта, соорудившего Святилища.— Кузнец повернулся к Хэлдиру, безошибочно распознав в нем мага.— Я слышал, что даже останки человека хранят в себе все знания умершего...— осторожно начал он, и старец кивнул.— Это никак не поможет?

— Не знаю,— честно признался Хэлдир.— Во всяком случае можно попытаться.

К этому времени Соня прислушивалась к разговору лишь краем уха. Сперва взгляд ее лишь отмечал странные колебания теней на стенах, но очень скоро такая игра света и тьмы начала казаться ей странной, пока наконец не оттеснила разговор на второй план.

Она смотрела на тень Севера, отбрасываемую на стену равномерно колебавшимся пламенем, и тень эта казалась ей все более уродливой...

Она выгибалась и корчилась, точно живое существо, причем душевнобольное, которому нравится ощущать на себе внимание нормального человека. Тень словно насмеялась над отбрасывавшим ее человеком.

Она незаметно увеличилась, превзойдя размерами своего хозяина, и как-то незаметно отрастила длинные кривые руки, мощное тело, неестественно короткие ноги и крохотную голову без шеи. Все эти изменения казались настолько комичными, что девушка невольно рассмеялась, но тень мгновенно изменилась снова, и холодок ужаса побежал по спине девушки. Она увидела, как тень налилась Тьмой, стала непроницаемо черной, получила объем, наполнила его силой и угрожающе нависла над возлюбленным.

— Что с тобой?

Хэлдир первым заметил тревогу на лице воительницы и не на шутку забеспокоился, по-

чувствуя, как сразу же вернулась и его собственная тревога.

— Тень,— тихо ответила она, указывая за спину Севера и не в силах оторвать взгляда от темной стены, словно и впрямь увидела на ней нечто страшное.

Разговор тут же смолк, и все как один, включая Вожака, обернулись, но поздно.

Соня видела, как тень метнулась в сторону. Словно неведомая тварь, которую застигли на месте преступления, поспешила она скрыться из поля зрения. Все мгновенно вернулось на свои места, и страх отступил, а оставшаяся на месте Тени тень уже не вызывала у Сони никаких неприятных чувств. Именно ее и увидели, обернувшись, трое мужчин.

— Так что случилось с тенью? — спросил Север.

— Она жила,— тихо ответила Соня, словно боялась, что кто-то неведомый услышит ее слова, поймет, что он раскрыт, и кошмар начнется сначала.

Вожак ничего не ответил на это. Он знал чувствительную натуру своей подруги, но знал также и то, что она не склонна к панике и если говорит, что видела что-то, значит, так оно и есть. Стакул тоже промолчал. Он многое повидал в подземельях, но с оживающими тенями ни разу не сталкивался. Если он и подумал, что все это девушке только привиделось, то

ничем не показал этого. Хэлдир также не проронил ни слова, но отнесся к словам воительницы, пожалуй, даже серьезнее, нежели остальные.

Он продолжил разговор, незаметно наблюдая за окружающими предметами. Сперва ничего необычного не происходило, но потом ему и впрямь почудилось некое шевеление в дальнем углу кузницы, куда почти не попадал свет пламени.

Достав трубочку и заветный кисет, он не торопясь набил ее душистым зельем, исподтишка приглядываясь к действительно необыкновенно черной тени, которая и вела себя, ко всему прочему, необычно. Точно хищное живое существо, она начала медленно подкрадываться к людям, к сидевшему ближе всех Северу. Она едва различалась на фоне окружающего мрака, но Хэлдир увидел ее и теперь не спускал с нее глаз.

Продолжая красться к человеку, Тень выбирала самые темные уголки. Она подползала все ближе и ближе, и на этот раз даже Соня не видела ее. Хэлдир потянулся за выпавшим из топки угольком.

Тень замерла совсем рядом и явно изговилась к последнему, смертельному броску, когда маг быстрым и точным движением швырнул в ее середину пылающий уголек, произнеся при этом Слово Силы на тайном языке.

Уголек ослепительно вспыхнул, на мгновение превратившись в крошечное солнце, и вонзился в самый центр черной, как кхитайская тушь, фигуры.

Исполненный ужаса вопль, неслышимый, но несмотря на это вполне ощутимый, прокатился по залу, и люди содрогнулись от накатившейся вдруг волны боли. Никто из них не успел ничего понять, и только Хэлдир видел, как потерявшая четкие очертания Тень превратилась в тень обыкновенную, слившись мгновенно с окружающими ее тенями.

* * *

Сборы не заняли у Стакула много времени: он просто-напросто проверил, насколько прочно прикреплена накинутая на наковальню «упряжь». Стальной Кузнец взялся за рукоять, и толстые канаты, свитые из перекрученных полос буйволовой кожи, жалобно заскрипели под тяжестью наковальни Скорби.

— Ты уверен, что это нужно брать с собой?
— спросила Соня, указывая на неподъемную гору металла.

— Эти вещи не просто дороги мне как память, хотя молот Гнева позволял мне высвобождать копившуюся в душе ярость, а наковальня скорбно стонала под его ударами. Только этим инструментом можно выковать оружие, которое я пытался повторить.

— Но ведь ты говорил, что меч изготовлен не из стали, а секрет изготовления сплава утерян.

— Да, но то, что сделал один человек, другой может повторить. К тому же такие вещи,— он подчеркнул эти слова, и все поняли, что он имеет в виду пропавшие заготовки,— не исчезают из мира навсегда... И не забывай, что на этой наковальне ковалось только оружие победителей! А то, что лучшее из моих творений попало в ваши руки в качестве добычи... Что ж, я ковал их для добрых дел и рад, что они отказались служить злу.

— Никакое оружие само по себе не дает победы,— сказал Север, и Хэлдир кивнул, соглашаясь с ним.— Нужно еще уметь им пользоваться.

— Верно,— согласился Стальной Кузнец.

Без видимых усилий он закинул на спину огромный тюк с инструментами, а правой рукой подхватил молот Гнева, и разговор на этом закончился.

* * *

Зал Мертвецов встретил людей тишиной, которая так гнетуще подействовала на Соню при первом посещении. Она не считала себя трусихой, но теперь, когда странное порождение мрака начало охотиться за Севером, ощущение смерти, множества смертей, особенно

давило на нее. Она осмотрелась, но не заметила ничего подозрительного, невольно подумав о том, что произойдет, если все похороненные здесь некроманты и чернокнижники восстанут и бросятся на незваных гостей.

Хэлдир сказал им, что Тень — это, скорее всего, неразвоплотившийся дух кого-то из умерших магов, который пожелал вновь обрести телесную оболочку и выбрал для этой цели Севера. Стало быть, остальным ничего не грозит. Однако эта мысль не успокаивала девушку, уже не мыслившую жизни без своего возлюбленного. Да и кто может с уверенностью сказать, что, отчаявшись заполучить тело Вожака, Тень не соблазнится кем-то из них, чтобы найти временное обиталище. Грохот брошенных на пол кузнечных принадлежностей заставил ее вздрогнуть и одновременно вернул к действительности.

— Этот! — кивнул Стакул на саркофаг, отличавшийся от прочих округлой формой.

Огромная ладонь кузнеца легла на запыленный камень гробницы. Тяжелая каменная плита крышки саркофага выглядела невероятно тяжелой, но Стакул легонько подтолкнул ее, будто та вообще ничего не весила. И только тяжкий грохот рухнувшего на гранитный пол камня, говорил о том, как обманчиво это впечатление. Гулкое эхо прокатилось по залу. Люди замерли в напряженном молчании, ожидая

непонятно чего. Сердце девушки отсчитывало удар за ударом, но ничего не происходило, если не считать того, что Хэлдир приблизился на два шага и теперь стоял в изголовье, молча разглядывая останки неизвестного. Тогда она сделала над собой усилие и, подойдя, остановилась с ним рядом.

Плоть умершего истлела много веков назад. Теперь от него остался только скелет, облаченный во все еще яркие парчовые одежды, обильно украшенные драгоценностями. Что-то во всем этом показалось Соне странным, но что, она пока не понимала. Она так и не успела ответить себе на этот вопрос. Хэлдир протянул руку над останками, и девушка увидела странное голубоватое сияние, распространявшееся от его правой ладони. В тот же миг торжественно и проникновенно зазвучал голос мага:

— Смерти итог неумолим,
Но я не согласен с ним!
Рока прошу жертву отдать,
Плоти велю восстать!
Пусть не надолго, не навсегда
Слугой моей воли стать!

Его левая рука с силой ударила посохом в пол, и удар этот прозвучал неожиданно гулко, явно пробудив неведомые девушке, дремавшие до сих пор грозные силы. Соня смотрела во все глаза, боясь пропустить хоть что-то из происходящего и в то же время страшась того, что

— она чувствовала — ей предстоит увидеть. Ожидание затянулось, и она с облегчением подумала, что лучше уж пусть и дальше ничего не происходит. Плевать на храм и на алтарь, в нем расположенный.

Ее взгляд привычно отыскал Севера, и тот ободряюще кивнул, мол, все идет как надо.

Она услышала слабый шорох и, опустив взгляд, увидела, как скелет сел на своем ложе. Девушка невольно вскрикнула и отпрянула, не в силах отвести глаза от ожившего мертвеца. И тут наконец она поняла, что показалось ей странным.

Укрывавшие скелет одежды прикрывали не существующее давно тело! С жалких, посеребривших от времени костей пальцев рук не спадали перстни, их унизывавшие...

Неуловимое движение восставшего мертвеца заставило ее перевести взгляд с рук на лицо. Она понимала, что голый череп не может выражать чувств, передаваемых мимикой, но в этот миг ей показалось, что мертвец недоуменно осматривается, словно пытаясь понять, где находится. Она взглянула на Севера и поняла: он подумал о том же. И только Стакул смотрел на то, что происходит, без удивления, и в его глазах горел недобрый огонек.

Тем временем взгляд некроманта становился все более осмысленным. Он явно начал узнавать помещение, в котором находится, хотя

еще не понимал, что с ним произошло. Однако через несколько мгновений он догадался и об этом, и в пустых глазницах отразилась смертельная тоска. Он вновь осмотрелся, на сей раз увидев обступивших его людей, которых каким-то неведомым образом умудрялся до сих пор не замечать. Недоумение, смешанное с надеждой, появилось в его взгляде. Видимо, он вспомнил все и теперь хотел узнать, откуда взялись пробудившие его ото сна люди, но тут он увидел Стакула, и недоумение сменилось злостью.

— Зачем ты потревожил меня? — прошипел мертвец. — Я уже почти поверил в то, что и впрямь умер!

От этих слов мурашки поползли по коже не знавшей страха воительницы. В особенности потому, что в голосе звучали не только злость, но и боль.

— Ты знал, что этот миг настанет, — спокойно ответил ему Стакул. — Пришло время расплачиваться за деяния.

— Я за все заплатил сполна! — яростно прокричал скелет. — Я никому ничего не должен!

— Нет! — не громко, но веско возразил Стальной Кузнец. — И ты знаешь об этом...

Соня поняла, что между этими двумя такими схожими внешне, но такими разными созданиями существуют давние и сложные отношения.

— Ты осмелел... — внимательно посмотрев на него пустыми глазницами, молвил некромант. — Раньше я отдавал приказания, а ты подчинялся...

— Времена меняются, — просто ответил Стакул. — Но я здесь не за тем, чтобы уязвить тебя. Как видишь, я пришел не один, а с людьми, которые намереваются проникнуть в храм Черепа. Ведь ты знаешь, как попасть туда? — Он говорил спокойно, уверенный в своей правоте. — Расскажи им, как перебраться через Огненную реку и как использовать ключи.

— Так вы и их раздобыли?... — после долгого молчания задумчиво прошептал скелет, и хотя никто не ответил на его вопрос, понял, что это так. Он вновь умолк и на этот раз молчал так долго, что людям начало казаться, что он умер снова, и на этот раз навсегда. — Что ж, в храм можно попасть, — наконец заговорил мертвец. — И через Огненную реку можно перебраться...

— Как?! — невольно вырвалось у Сони.

— На крыльях мечты! — издевательски прошипел скелет и разразился демоническим хохотом. — Однако лучше бы вам не делать этого, люди, — отсмеявшись, посоветовал он.

— Быть может, ты и прав, — ответил за всех Север, — да только мы из породы тех упрямцев, которые не всегда прислушиваются к добрым советам...

Заметил ли некромант скрытую в словах Вожака иронию, Соня так и не поняла.

Во всяком случае, когда он заговорил, по голосу его девушка не смогла этого определить.

— Что ж,— покачал головой скелет, и его грудная клетка вздрогнула, как будто он вздохнул.— Каждый сам волен выбирать свою смерть...— Он некоторое время помолчал, собираясь с мыслями.— Но прежде чем я начну отвечать на ваш вопрос, хочу удостовериться, что ключи и в самом деле при вас.

— Они при нас,— ответил Север.

— И все-таки я должен увидеть их,— стоял на своем некромант,— хотя бы для того, чтобы убедиться, что у тебя именно те камни, что послужат ключами, а не подобранные на дороге ни на что не годные булыжники!

— Будь по-твоему.

Вожак достал из поясной сумки небольшой сверток из плотного, но мягкого полотна и, быстро развязав бечевку, развернул его на ладони. Взглядам присутствующих открылись четыре великолепных камня один — черный, причудливо переливавшийся в свете факелов, и три совершенно прозрачных, но с такой же игрой света на бесчисленных гранях. И словно простой покрытый пылью булыжник, выглядел в их окружении Гранринг. Север бережно разложил камни на ладони так, чтобы ни один

из предметов не загораживал другой, а когда поднял взгляд на собеседника, изумился происшедшей с ним перемене.

Челюсть мертвеца отвисла, и, обладая скелет глазами, они сейчас вылезли бы из орбит.

— Гранринг...— прошептал он и тут же взревел: — Дай мне его, человек! Отдай мне его сейчас же!

— Нет! — выкрикнул Хэлдир, предостерегающе подняв руку.

Соня схватилась за рукоять меча, намереваясь, если что, превратить некроманта в бесформенную грудку костей, но Север даже не шелохнулся, будто происходящее никак не касалось его или он заранее знал, что будет.

Тем временем скелет протянул руку, рванулся вперед и попытался схватить кольцо...

Рука, начиная с кончиков пальцев, начала стремительно превращаться в тонкую невесомую пыль, набивавшуюся в горло и ноздри, так что девушка зачихала и закашлялась.

— О, Велиса! Как страшна твоя месть! — воскликнул покойник, поспешно отдергивая руку, которая уже успела рассыпаться прахом по локоть.— Грехи!...— простонал он с невыразимой мукой в голосе.— Грехи... Богиня так и не простила меня...— пробормотал он.— Пыль веков...— прошептал некромант, пожирая кольцо жадным взглядом, но попыток завладеть им уже не предпринимал.

Хэлдир успокоился.

«Похоже, кольцо и впрямь способно само постоять за себя», — подумал он, не обращая внимания на стоны мертвеца. Соня же с восторгом смотрела на своего избранника.

— Всю жизнь я надеялся отыскать Гранринг, — неожиданно заговорил некромант. — Каждый из магов мечтал заполучить его, но проклятое кольцо с норвом — оно само выбирает себе хозяина...

— Зачем оно тебе сейчас? — не удержалась от вопроса Соня и тут же пожалела о сказанном.

— Ты не понимаешь! — зло прошипел он. — Гранринг может вернуть мне жизнь! — Это прозвучало так убедительно, что Соня поверила: так оно и есть. — Сила Гранринга просто чудовищна! Но он своенравен... Он не пожелал перейти ко мне...

Некромант умолк, и ни один из людей не пытался нарушить молчание. Никто из них не знал прежде мага, кроме Стального Кузнеца. Они даже не знали его имени, и тем не менее Соня догадалась, что при жизни он совершил много зла, которое пытался искупить своими последними поступками. Пытался, да не искупил. Видно, весы в руке Велисы так и остались перекошенными...

— Это те камни? — решив, что пауза затянулась, спросил Хэлдир.

— Это те камни, — упавшим голосом прошептал некромант.

— Что нам делать с ними? — поинтересовался Север.

— Узнаешь! — неожиданно зло прошипел колдун. — Узнаешь, если только не надумаешь отказать от своего губительного намерения, глупец!

Вожак ничего не ответил на оскорбление, догадываясь, какая злость, досада и невысказанная ярость бушуют в облаченном в золотую парчу скелете, быть может, отбирая последние мгновения странной жизни умершего столетия назад некроманта.

Всю жизнь творил он зло, а почувствовав неизбежное приближение смерти, попытался искупить его, да не вышло. И вот теперь, неожиданно воскреснув, согласился помочь людям и тут же раскаялся в своем намерении. Словно прочитав мысли Севера, мертвец повернул к нему оскаленный череп.

— Надень перстень, — внезапно посоветовал он. — Если Гранринг не пожелает покинуть твою руку, то поможет тебе, сделает почти богом, но не пытайся удержать его силой — погибнешь!

Вожак кивнул, но следовать совету не торопился.

— Как нам попасть в храм Черепа? — повторил он вопрос.

— Возьми кольцо с моего указательного пальца.— Скелет протянул уцелевшую руку, и Вожак снял с нее перстень с огромным изумрудом — камнем, символизирующим жизнь.— Надень его на указательный палец руки Велисы, протянутой к тебе.

— Что будет дальше? — спросила Соня.

— Дальше? А как же приключение? Тайна? — щелкнул челюстью скелет, обернувшись к девушке.— Надень перстень на палец и узнаешь,— вновь обращаясь к Северу, повторил он уже спокойнее.

Никто так и не узнал, что задумал некромант в следующий миг, но только он попытался встать из саркофага и даже сумел сделать шаг наружу... Но то ли странная жизнь его ограничивалась каменными стенками смертного ложа, то ли он просто сделал неловкое движение, но скелет рухнул на каменный пол и рассыпался грудой костей. Соня удовлетворенно кивнула. Ей такой конец показался не просто закономерным, но и единственно возможным и даже справедливым.

— В любом человеке, даже самом дурном, живет подсознательная тяга к добру,— заметил Хэлдир,— но далеко не каждый следует зову сердца.

— Да,— согласился Вожак.— Вот только... Та частица добра, что еще жила в нем, оказалась всего лишь крохотной каплей, и не более того.

— Однако он сумел сохранить ее,— неожиданно для себя возразила Соня,— пронесся даже через бездну небытия, которую сам же, очнувшись, посчитал смертью.

Она ощущала странное угрызение совести, словно не собственной волей, а от ее руки некромант закончил свое существование, на сей раз навсегда.

— Вы все очень хорошие люди,— заговорил наконец и Стакул.— Не могу выразить словами, как я рад, что встретил вас, и рад, что, быть может, смогу хоть чем-нибудь помочь вам.

— Сможешь! — убежденно кивнул Хэлдир.— И из-под твоего молота выйдет еще немало доброго оружия!

— Оружия? — Кузнец выглядел искренне удивленным.— Но против кого?

— Этого я не могу тебе сказать — не знаю,— честно признался старец.— Но я чувствую, что его понадобится немало, потому что драка предстоит страшная...

Стальной Кузнец посмотрел на старика своими странными глазами, и каждый из трех людей без труда прочел в них немой вопрос, смысл которого ни для кого не представлял тайны: слишком долго Стакул изготавливал оружие, служившее силам зла.

— Тебе нечего опасаться,— заговорил маг.— Оружие твое попадет в честные руки и послу-

жит доброму делу. Вот только кто главный наш враг, мы пока не знаем...

— Для этого нам и нужен алтарь,— добавил от себя Север.— Мы надеемся, что именно там скрыты ответы на многие из интересующих нас вопросов.

— Раз так,— приободрился кузнец,— то не станем терять понапрасну время!

— А я, наоборот, предлагаю потерять его еще немного,— неожиданно возразил Хэлдир, указывая на Гранринг, и все поняли его.— Не бойся,— мягко проговорил он, обращаясь к лежавшему на ладони Вожака кольцу, словно и впрямь говорил с живым существом.— Я вовсе не хочу владеть тобой. Мне очень интересно, кто ты.

С этими словами он взял невзрачную вещицу, положил ее на ладонь левой руки, прикрыл, не касаясь, ладонью правой и закрыл глаза, прислушиваясь к своим ощущениям.

— Это действительно живое существо — рах. Но в нем нет магии — только сила,— заговорил он наконец.— Значит, он не искусственное творение. Однако силы не так много, как я ожидал. Хотя... Нет, он все-таки силен.

— Здесь же нет солнца,— заметила Соня, вспомнив рассказ самого мага.— Он отощал,— со смешком добавила она.

Но Хэлдир посмотрел на нее совершенно серьезно.

— Ты даже не представляешь себе, насколько права,— сказал старец, открывая глаза, и внезапно напрягся, как человек, который пытается поймать ускользающую от него мысль. Множество образов замелькало перед глазами старого мага, но каждый из них остался в памяти, а все вместе они сложились в единую стройную картину.

— Мне кажется, я понимаю его,— тихо произнес Хэлдир.— Он нашел способ передвижения — на теле человека и открыл для себя возможность видеть мир его глазами и чувствовать его чувствами. Он ищет напарника. Того, кто согласится стать его телом. Нет, неверно. Стать его другом... Взамен он готов отдать свое могущество.

— Ну уж нет! — Соня решительно тряхнула кудрями.— Превращаться в безвольную куклу не испытываю ни малейшего желания!

— Нет,— возразил Хэлдир.— Такое просто исключено. Он не способен навязать свою волю. Когда его стремления не совпадают с желаниями хозяина, он просто покидает его. Зато люди частенько пытались насильно удержать при себе Гранринг, и кое-кому это удавалось... На время.

— Верю, видела,— кивнула девушка.— И я скажу прямо — это мне не по душе.

— Как бы там ни было,— улыбнулся маг,— тебе решать,— обратился он к Северу.

— Это верно,— ответила за него Соня.— Как бы потом жалеть не пришлось,— сказала она Вожаку.

— Именно поэтому я и не советовал торопиться надевать кольцо,— согласился маг.— То был страх. Теперь я могу признаться в этом...

— Вот видишь,— укоризненно взглянула на него девушка, но что-то в лице старца удержало ее от дальнейших высказываний.

— Я опасался не кольца. Я боялся за Севера,— пояснил маг.— По себе знаю, как действует ощущение внезапно обретенной силы. А кольцо... Оно не несет в себе зла. В этом я твердо убежден. А носитель... Похоже, он просто должен ставить перед собой достойные цели.

Рассуждения о целях и задачах Соня помнила хорошо. Правда, не со слов Хэлдира. Вожак умеет, когда надо, поучать, и ничуть не хуже! «Выбирая цель, главное — позаботиться о том, чтобы она оказалась по плечу. Возьмешь непосильный груз и надорвешься. С другой стороны, слишком низкая планка превращает тебя из героя в бездельника, который всего лишь хочет казаться героем...» Все это и многое другое она помнила, но кольцо-то тут при чем? Хотя... она попыталась представить, что должен чувствовать человек, наделенный огромной силой. Силой, пределов которой он и сам

не знает... Большая? А насколько большая? Тут и впрямь легко шею свернуть, переоценив собственные возможности.

Хэлдир думал о том же, но несколько иначе. Он, конечно же, знал, что талисманы и амулеты обладают различной силой.

Самые простенькие помогают сосредоточивать волю на выбранном предмете и никак не участвуют в дальнейшем. Но есть и такие, которые подобно камертону в руках музыканта многократно усиливают волю, хотя сами по себе немы как рыбы. Таковы перстеньки, подаренные Разарой Северу и Соне. От них не бывает вреда. Но вот меч со шитом, которые уже здесь добыл Вожак — не шутка. Они обладают собственной силой, не зависящей от человека, в чьих руках окажутся. С ними необходимо уметь обращаться.

А вот такая вещь, что он держит сейчас в руках, вполне может обладать и своеобразным разумом, а значит, как все живые существа, и собственными стремлениями... Тут разговор уже не о «ноше не по плечу». Тут дело серьезнее... Недаром Гранринг столько хозяев переменил. Да и хозяев ли? Не права ли рыжая задира, и не он ли истинный господин? Впрочем, нет. Раз не заставляет поступать по-своему, значит, не может или не хочет, и, скорее уж, второе. Так что же за цель у этого странного существа? Хэлдир вопросительно посмотрел

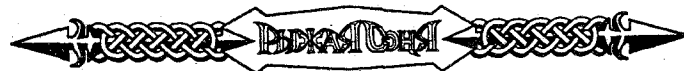
рел на серый невзрачный камень, но тот не отозвался на его мысленный призыв, и старец продолжил свои рассуждения.

Итак, почувствовав, что ноша не по плечу очередному владельцу или сам он идет не в том направлении, рах просто покидает его и дожидается следующего. И если, зная об этом, владелец все-таки пытается удержать у себя кольцо, то неизбежно гибнет. Получается так, что этот напарник действительно опасен. Но, с другой стороны, можно ли осуждать того, кто стремится получить свободу любой ценой? Разве доведенный до отчаяния раб, решившись на бегство из плена, не пойдет на убийство вставшего на пути охранника или хозяина?

Конечно, вполне вероятно, что маг определенного уровня способен оградить себя от пагубного воздействия раха (Хэлдир не слишком-то верил в безграничные возможности ни Гранринга, ни вообще кого бы то ни было), но плачевный конец опять-таки очевиден. Человеку свойственно ошибаться, так что вопрос лишь во времени.

Он осторожно надел кольцо на средний палец правой руки.

Гранринг явно выглядел излишне крупным, наползая на фаланги безымянного и указательного пальцев. Маг поймал устремленные на себя настороженные взгляды — его друзья явно опасались за него — и улыбнулся.

— Не хочет ко мне,— сказал он после паузы.

— То есть как это? — поинтересовалась Соня, всем своим видом показывая, что не верит во все эти рассказы о свободной воле простого куска серого камня.

— Наделось оно с трудом,— пояснил Хэлдир,— но вот смотри! — Он опустил ладонь пальцами вниз, подставив под нее левую руку, и Гранринг тут же соскользнул, едва не упав на пол.— Все верно,— кивнул маг.— Хотя силы мои еще не пошли на убыль, но кто знает, что ждет нас... А ведь я уже стар...

— Дай мне! — не выдержала Соня, мгновенно позабыв о своем раздражении.

Хэлдир протянул ей колечко, но оно не удержалось ни на одном из тоненьких пальчиков девушки.

— Да при чем тут магия?! — рассмеялась воительница.

— Не знаю,— улыбнулся в ответ Хэлдир.— Но связь должна быть. Он ведь соскользнул с моего пальца, хотя наделся с трудом. Быть может, и на твоем сумел бы удержаться, почувствуй он в тебе достаточно сил.

Соня посмотрела на лежавший на ее ладони камешек и подумала, что старик, скорее всего, прав.

— Да,— вздохнула девушка.— Теперь я вижу, что колечко это не для детей, стариков и женщин...

С этими словами она протянула кольцо Северу, и тот легко надел его на безымянный палец.

— Не потеряешь? — с усмешкой спросила она.

Вожак тут же попробовал снять кольцо, и это так же удалось ему, но с большим трудом.

— Странно, — удивился он. — Надевалось совсем легко.

— Значит, нашло своего хозяина, — кивнул маг.

— Как-то все это просто и глупо. — Соня попыталась за усмешкой скрыть невольную досаду.

— Ты так считаешь? — спросил маг. — Но подумай сама: десятки если не сотни людей — и магов в том числе — пожертвовали своими жизнями за право обладать Гранрингом... И все-таки кольцо потерялось и пролежало среди хлама и осколков костей не одну тысячу лет, чтобы очутиться в руках Севера. Ты можешь ответить на вопрос, почему заночевать решили именно там, а из трех десятков человек, расчищавших пол, кольцо попало именно ему? А, главное, он сообразил тут же спрятать его, ведь Халима мгновенно встревожилась, почувствовав новую силу, хотя так и не поняла, что вызвало это чувство.

— Так ты видел все, что произошло? — изумился Вожак.

— Верно, — кивнул старец. — Она сразу начала принюхиваться, как гончая, что почуяла свежий след.

— Я всегда говорила, что она сука, — с довольной улыбкой согласилась Соня.

Совершенно неожиданно без всяких видимых причин Север резко развернулся, на ходу выхватив из-за спины клинок, и рубанул, как Соне показалось, воздух. На этот раз только сам Вожак видел, как острие его меча рассекло Тень поперек туловища. Он ждал ощущения, с каким клинок входит в живую плоть, но вместо этого ему показалось, что сталь погрузилась в клейкий кисель, который явно попытался завладеть поразившим его оружием.

Однако это не удалось, и тяжкий стон разнесся по залу. Зато Вожак понял, что, как бы ни назывался нападавший, он вовсе не бесплотен. Он способен испытывать страх и боль, а это значит, что его можно уничтожить. Север, не раздумывая, нанес второй удар, видя, что Соня уже спешит ему на выручку, но не успела сталь вторично коснуться врага, как вспыхнул факел в руке мага, и, как и прошлый раз, Тень мгновенно превратилась в расплывчатый силуэт, впитавшись в обступившие людей со всех сторон тени.

— Не нравится мне это, — нахмурился маг, напряженно осматриваясь, но больше ничто не привлекало его внимания. — Придется даль-

ше путешествовать с огнем,— добавил он, подумав.— Вполне может статься, что пламя факела само по себе отпугнет тварь.

— Вот это по мне! — обрадовался Стакул.— Надоело смотреть на мир через ваш камень.

— Факелов у нас маловато,— заметил Север.— Надолго не хватит.

Стальной Кузнец тут же развязал свой огромный мешок и выудил из него старинную медную лампу со слюдяными окошками.

— В древние времена считалось, что огонь священен, и кузнец, перебираясь на новое место, уносил его частицу с собой — на удачу.

— Что ж ты не прихватил уголек из горна?

— Слишком мало я видел здесь счастья,— просто ответил он.— Лучше уж начать все с начала.

Огонек лампы оказался совсем крошечным, но света давал достаточно, чтобы привыкшие к темноте люди видели, что происходит вокруг. Судя по тому, что все изрядно устали, день подходил к концу, но все-таки одну оставку они сделали. Хэлдир пожелал осмотреть четвертое, последнее по счету, Святилище, которое охранял запертый внутри монстр.

— Интересно,— заметила Соня, остановившись рядом с магом,— было ли все это наяву?

— Многое породила земля в древности,— рассеяно ответил маг.— Сейчас люди не верят в старинные предания, считая их досужим вы-

мыслом, но ведь ты встречалась с Уру — то ли колдуном, который обучен принимать чудовищное обличие, то ли монстром, до времени носившим человеческую личину.

На это Соня ничего не ответила. Подумала только, что чернокнижник мог бы выбрать себе облик и пострашнее, но говорить этого не стала.

Итак, кольцо осталось у Вожака, который, похоже, не собирался уже расставаться с ним. Они покинули зал Склепов и заночевать решили, лишь добравшись до того места, где сохранилась мебель. Пока Соня с Севером складывали из обломков костер, Хэлдир обследовал книгохранилище.

— Как хорошо,— сказал он,— что ты отговорил Пифию забрать с собой все книги. Я только наспех перелистал некоторые из них и вижу, что здесь немало такого, что и я бы не отказался прочесть.

— К сожалению, я и тебе должен ответить то же, что сказал ей: мы не можем забрать с собой все книги.

Маг сокрушенно вздохнул и покачал головой.

— Так ты знаешь язык, на котором они написаны? — изумилась девушка.

— Конечно! — воскликнул он.— Вот учебники по магическому искусству для начинающих,— небрежно махнул он в сторону отло-

женной им внушительной стопки.— В эту кучу свален откровенный хлам. А вот это действительно ценные вещи.— Старец указал на десяток фолиантов.— Жаль, но их и правда много для нас четверых. Теперь, когда эта тварь охотится за нами, мы не можем отягощать себя лишним грузом.

— Это действительно важно? — поинтересовался Стакул и, дождавшись утвердительного кивка мага, сказал: — Что ж, всегда рад оказать услугу хорошему человеку. Складывай их в мой мешок!

Маленький отряд занялся приготовлениями к ночи. В мгновение ока кузнец сокрушил своим молотом пару драгоценных столов и, когда пламя заплесало на сложенных в костер обломках, с удовлетворением стянул с головы подаренное Севером оголовье. Не только он, но и остальные соскучились по нормальному солнечному свету, который пламя костра, конечно, заменить не могло, но оно все-таки отгоняло тьму на десяток шагов и позволяло нормально видеть лица.

— Ну наконец-то,— радостно улыбнулась Соня.— Когда смотришь на мир через этот дурацкий камень, кажется, что одной ногой стоишь на Серых Равнинах, а другой — в мрачном царстве Нергала.

Стакул ничего не сказал, но кивнул, соглашаясь. Он давно не видел солнца, которое ему

заменяло пламя горна, и теперь подсел поближе к огню.

— Я всегда пыталась представить,— продолжила девушка,— как видят мир ночные твари. Теперь узнала, и мне это совсем не нравится.

— Помнится, сначала ты придерживалась иного мнения,— заметил Север.

— Да,— подумав, согласилась она.— Окрашенный в густую синеву мир казался загадочным... По крайней мере, выглядел необычно. Но очень скоро новизна притупилась, и мертвенная синева начала раздражать...

— Могу тебя утешить,— усмехнулся маг.— Звери видят мир иначе. А такое зрение присутствует, скорее, существам, порожденным магией.

— Я вижу как видел прежде,— возразил Стальной Кузнец.

— Я говорил о демонах и прочих магических тварях. Ты же с помощью магии пережил собственную смерть,— сказал старец.— Облик твой изменился, но ты остался человеком.

— Мрачная шутка...— покачал головой Стакул.

— Я не шучу,— посерьезнев, ответил маг.— Дело ведь не в облике. Довольно часто те, кто выглядит как человек, никакого отношения к людям не имеют.

Беседа плавно тянулась, а Соня впала в блаженное оцепенение, глядя, как пляшут языки полыхавшего перед глазами пламени, и слу-

шая мирное потрескивание горящего дерева да тихие голоса друзей. Поэтому она не сразу заметила, как сначала замерли, словно в испуге, тени чудовищных монстров, восседавших вокруг них на величественных тронах, а тень самого могучего из них начала наливаясь черной плотью... Она не сразу осознала, что на сей раз зловещие изменения происходят с тенью не Севера, а всего лишь статуи, и только позднее ей пришло в голову, что дух проклятого некроманта знает, что делает. Все говорило о том, что, осознав бесплодность прежних попыток, их враг сменил тактику, а значит, у него появилась новая надежда. Все эти мысли едва ли не одновременно возникли у нее в голове, в то время как глаза девушки продолжали заморожено следить за Тенью.

— ...Ты гораздо больший человек, чем они,— услышала она слова Хэдира и тут же вновь переключила внимание на Тень, потому что именно в этот миг та шевельнулась.

Соня невольно вздрогнула и, словно почувствовав ее беспокойство, мужчины замолчали. Но пока они пытались разглядеть то, за чем наблюдала девушка, видение пропало.

Воительнице же показалось, что на сей раз Тень не убежала, напуганная вниманием к себе, и не спряталась среди прочих теней, а укрылась внутри статуи! Соня вскочила, предчувствуя самое дурное, хотя и представить се-

бе не могла, что может случиться. И только когда восседавший на троне монстр шевельнулся, невольно опустила руки, поняв, что на сей раз даже ее магическое оружие не поможет. Ведь какой бы силой оно ни обладало, вряд ли способно сокрушить камень.

Тем временем монстр начал двигаться, вяло и бессмысленно, словно приходящий в себя после долгого беспамятства человек.

Неспешно осматриваясь, он ворочал уродливой башкой, затем начал неловко ерзать на своем кресле, как бы пробуя, сможет ли он управлять телом. Поначалу ничего у него не получалось, но по мере того как движения становились активнее, они начали сопровождаться потрескиванием крошащегося камня. Люди с ужасом наблюдали за тем, как сначала пальцы, за ними кисти рук, а после и предплечья оторвались от подлокотников, с которыми только что составляли единое целое! Гигант начал раскачиваться, отделяя спину от спинки кресла, и треск камня раздавался все чаще и становился все громче.

Стальной Кузнец поднялся на ноги и подхватил с пола чудовищный молот Гнева, намереваясь драться вместе со своими новыми друзьями. Север отстегнул от пояса небольшую булаву, которая, Соня убедилась в этом воочию, была в его руках весьма грозным оружием.

— Что будем делать? — не сводя с противника настороженного взгляда, спросил Вожак у остановившегося рядом с ним мага.

— Пока не знаю, — кратко ответил старец. — Тяни время.

— Ты не можешь изгнать его из камня? — осведомился воин.

— Так сразу — нет, — скупое ответил Хэлдир, пристально глядя на тварь. — Я не ожидал, что он окажется способен на такое.

— Тогда думай, — отозвался Север. — Мы попытаемся сдержать его, но я тоже не знаю, на что он способен. Сейчас он неповоротлив и медлителен, но вряд ли такое состояние продлится долго. Так что поторопись.

Однако никому ничего делать не пришлось.

Словно сгусток огня, превосходивший яркостью даже ослепительное сияние полуденного солнца, вырвался внезапно из-за спин людей и с треском вонзился в грудь каменного исполина, который к тому времени успел не только почти полностью освободиться, но и встать. И только ноги ниже коленей все еще представляли собой единое целое с троном. Слепленные, мужчины не успели заметить, что произошло, и только Соня, выпустившая из арбалета одну из огненных игл Хэлдира, видела, как та коснулась груди их смертельного врага, но не отскочила от нее, как девушка со страхом ожидала, а ушла в глубь камня. Только позже она

сообразила, что так и должно быть, ведь маг изготовил стрелы из солнечного света, а значит, для них нет преград.

Гранитный великан так и не успел сделать ни шагу. Он выгнулся, едва не рассыпавшись на отдельные каменные глыбы, и страшным голосом взревел от непереносимой, смертельной боли, а Соня, выругавшись, передернула затвор арбалета, зарядила его второй иглой и вогнала ее в голову монстра. Вой перешел в дикий рев, от которого начали крошиться стены.

Девушка собралась послать третью стрелу, когда увидела, что каменное тело, раскалившись, начало наливать темно-вишневым свечением и по нему побежали многочисленные трещины. Одновременно изменился и голос исполина. Он все меньше походил на голос живого существа, пока наконец с оглушительным треском монстр не развалился, превратившись в груды раскаленных обломков.

* * *

...В невообразимой дали от мрачного подземелья, в императорском дворце Каргадага — столицы мрачной империи, называемой Хонтом, неподвижное тело Темного Властелина свело судорогой чудовищной боли, поразившей одновременно голову и сердце. Исполненный невыносимого страдания и в то же время смер-

тельной угрозы стон прокатился над погруженными в полутьму обширными владениями, заставив содрогнуться от ужаса даже свирепых, но преданно служивших ему подданных. Более того, яростный, грозный рев сорвался с небес и разнесся над горами, лесами и равнинами Ак Сала, заставив людей тревожно вглядываться в ночное небо, гадая, что за напасть припасли им боги.

И хотя никто, кроме Темного Властелина, не понял, что произошло на самом деле, все восприняли крик, прозвучавший с небес, как мрачное знамение — знак грядущих грозных перемен.

Кому-то он сулил окончание скучной мирной жизни, а для кого-то означал конец желанного мирного бытия.

Но как бы ни относились люди к надвигавшимся переменам, все поняли главное: возврата к прежней жизни не будет...

* * *

— Старый я дурак! — Хэлдир сокрушенно покачал головой, в душе ругая себя последними словами. — И как я забыл о Страннике?! — воскликнул он, и хотя понимал, что здесь явно не обошлось без колдовства, его взволновало другое: впервые кто-то смог обмануть его.

— Перестань корить себя, — сказал Север, который первым пришел в себя. — Мы нако-

нец-то столкнулись со своим врагом или его посланцем, и действовал он надежным, испытанным способом.

— Ты прав, — кивнул старый маг и тут же обернулся к девушке: — Как же тогда тебе удалось понять, что Тень — это Странник?

— Да я и не поняла ничего, — усмехнулась Соня. — Просто знала, что должна помочь, а твои стрелы — единственное, что у меня оставалось.

* * *

Отряд быстро продвигался к поверхности. Всего два перехода оставалось проделать им, когда Халима скомандовала разбить лагерь.

Никто из воинов не понимал, зачем это понадобилось, — каждому хотелось поскорее увидеть свет солнца — но приказ есть приказ.

— Шевелитесь! — гаркнул Кучулуг, и ратники бросились расчищать площадку для стоянки. — Что стряслось, дорогая? — поинтересовался он. — Быть может, сперва выберемся наверх и уже там отдохнем как следует?

Он явно выделил два последних слова и вопросительно посмотрел на свою непредсказуемую подругу, ожидая если не ответной шутки, то взаимопонимания, но получил лишь холодный, ничего не выражающий взгляд, и улыбка его медленно сползла с губ. Пифию сейчас вовсе не интересовали любовные утехы, а потому

и игривого тона своего друга она поддерживать не собиралась.

Весь обратный путь она напряженно размышляла, и мысли ее по большей части оказывались неизменно невеселыми. Еще до спуска она решила не принимать пока приглашения Странника, но как женщина предусмотрительная понимала, что, возвращаясь с пустыми руками, следует подумать об оправданиях и побеспокоиться о надежном убежище на случай, если оправдания не помогут.

А это вполне возможно. В последнее время ее отношения с Разарой складывались не слишком удачно, и она, хотя формально и оставалась правой рукой владычицы, не могла не понимать, что это в любое мгновение может закончиться. Еще год назад ее положение было гораздо более твердым.

Сколько она ни думала о том, что теперь делать, мысли ее, словно по кругу, всякий раз возвращались к Черному Пауку. И теперь, на половине пути от Огненной реки к поверхности, решение созрело окончательно. Она должна получить его, и пусть он сдохнет в ловушке, но подарит ей драгоценное спокойствие!

— Я рада, что Вожак сам решил отделиться от нас. Теперь он не сможет, как обычно, присвоить себе всю славу,— проговорила она и, видя, что друг ее ровным счетом ничего не понимает, добавила: — Разаре нужны две вещи

трон Крови и кокон Черного Паука. О первом мы так ничего и не узнали. Я уверена, что Север со своей девкой остались внизу именно из-за него, надеясь самостоятельно отыскать реликвию.

Она попыталась сыграть не на любви, а на самолюбии гирканца и теперь увидела, что у нее снова ничего не получается. В душе она считала Кучулуга всего лишь не слишком умным силачом, и, хотя многие в Логове разделяли ее мнение, все они ошибались, принимая его грубые манеры и простоватый нрав за отсутствие ума. Сейчас она видела, что он не верит ни одному ее слову и, мысленно выругавшись, заставила себя улыбнуться:

— Вожак не гордец и не себялюбец, но подумай сам. Что, если не надежда отыскать такие трон Крови заставила его остаться? Желание поболтать с блестящим скелетом и отведать свежей мясной ягоды у похожих на камни уродов? Не верю! — воскликнула она убежденно, и, быть может, искренность, на сей раз явно прозвучавшая в ее словах, поколебала Кучулуга в его мнении.— Не верю, потому что знаю,— с воодушевлением продолжала колдунья,— какое будущее ждет человека, подарившего Ордену трон!

Гирканец задумчиво кивнул. Конечно, Север должен быть честолюбивым. Вожак давно перестал раздражать его своей непогрешимос-

тью, с тех самых пор, как открыто завел подругу, показав тем самым, что ничто человеческое ему не чуждо.

В то лето гирканец начал уважать Севера. Проиграть в поединке Вожаку он не считал позорным. К тому же и проиграл он, едва поначалу не выиграв...

— Мы добудем Паука,— продолжала тем временем Халима.— Опасности никакой,— объяснила она.— У меня с собой ловушка. Твои люди должны всего лишь войти в пролом и отыскать паутину. После этого я сама поймаю его. Мы вернемся с победой,— пообещала колдунья,— а ты получишь давно заслуженные тобою почести!

Сказав это, она увидела, как на лицо ее друга вновь легла тень озабоченности, и едва не взвыла от ярости. Неужели Разара права в своей нелестной оценке? Да что же такое случилось, что она даже мужчину не может заставить сделать то, что ей нужно!

— Быть может, все-таки не стоит торопиться? — спросил он, став неожиданно серьезным.— Мне ничего не известно, ни о троне Крови, ни о Черном Пауке. Зато я знаю, что свой путь мы прошли до конца. И не наша вина, что, кроме золота, на нем ничего не скопилось. Мы и так потеряли больше половины людей,— напомнил он,— и если вернемся живыми, одно это станет немалой наградой. К

тому же ничто не мешает нам спуститься снова, но уже зная, что нас ждет здесь.

— Но время,— чуть ли не простонала Халима.— Мы ведь не сможем скрыть своего возвращения! Неизбежно придется ехать в Логово с докладом, а докладывать-то не о чем!

— Зато к новому спуску мы подготовимся лучше,— равнодушно ответил Кучулуг, и Пифия поняла, что все ее доводы не показались ему убедительными.

Некоторое время она задумчиво смотрела на него, и гирканец ожидал, что сейчас последует вспышка гнева, к чему за время совместной жизни успел привыкнуть. Он знал, что выплеснув злость, она вновь обретет способность трезво оценивать факты, но вспышки так и не последовало.

— С тех пор как мы повстречались, ты сильно изменился,— медленно проговорила Халима, пристально глядя ему в глаза и с раздражением осознавая, что ее простодушный друг вовсе не так простодушен, как ей казалось до сих пор.

— Это верно,— кивнул он, чувствуя, что разговор свернул в непривычное русло и грозит непредвиденными последствиями.— Раньше я был молод, силен, беспечен и зол,— с усмешкой заметил он.— Сейчас я все так же силен, хотя и стал старше на пять лет. За эти годы я избавился от злости, и, уходя, она при-

хватила с собой беспечность. Мне кажется, что я стал умней и осмотрительней,— без тени обычного самодовольства закончил он.

Выслушав его, Пифия даже удивилась, насколько верно сумел он разобраться в самом себе, но это вовсе не обрадовало ее.

— Ты стал болтлив и трусоват,— зло усмехнувшись, возразила она.— Впрочем, можешь называть эти качества рассудительностью и осторожностью. Но запомни одно: я сейчас не спрашиваю твоего совета. Я приказываю!

— Слушаюсь, госпожа,— ответил Кучулуг, и улыбка сошла с его лица. Он побледнел, но не от страха, а от едва сдерживаемой ярости, но Халима лишь кивнула удовлетворенно.— Когда, ты считаешь, я должен отправить людей?

— Немедленно,— не задумываясь, сказала она.— Пусть идут в проломы и ничего не опасаются: я буду следить за ними.

Гирканец кивнул и отправился к своим людям, раздраженно выкрикивая резкие приказания, которых никто не осмеливался послушаться. Через несколько мгновений десять человек направились к зияющим в стенах дырам, про себя посылая Пифии самые черные проклятья, но ни словом не рискуя воспротивиться вслух.

Восемь оставшихся обалдело смотрели, как колдунья вышла на расчищенное пространство, сбросила с себя плащ, за ним — кольчугу

и без тени стеснения уселась нагишом в бесстыдной позе на расстеленном одеяле. Взгляд прекрасной женщины устался в никуда, и ее явно не смущали голодные глаза стоявших рядом мужчин.

— Что устались, выродки шакальи?! — рявкнул на них гирканец, выходя из себя.— В круг и лицом наружу! А если кто обернется...

Он не договорил, но каждый и без того знал, что Кучулуг тяжел на руку и скор на расправу.

Халима же и думать забыла обо всем. Ее удивительная воля одним мгновенным усилием отгородила колдунью от окружающей действительности, до предела обострив восприятие иного мира. Ее сознание медленно двинулось за уходящими ратниками, сопровождая одновременно и каждого в отдельности, и всех вместе. Этот странный мир, где любой камень жил своей собственной жизнью, всякая тень хранила память отбросившего ее существа, давно стал привычным для колдуньи местом. Она плавно перемещалась следом за людьми, не обращая внимания ни на что.

Халима чувствовала страх каждого из скрывшихся в мрачных недрах лазутчиков, но не испытывала и тени жалости, когда то один, то другой из них попадали в расставленные подземными жителями ловушки и гибли. Она видела, что двое, сами о том не догадываясь,

направились к Черной Паутине, и одно это оправдывало любые потери. Вот первый из них приблизился к переплетению невидимых нитей мрака и конвульсивно задергался, запутавшись в липких путах, от которых, она знала это, спасения нет.

Несчастный не мог ни позвать на помощь, ни предупредить других криком, и это радовало, потому что чуть со стороны, по другому ходу, к паутине уже приближалась следующая жертва. Колдунья видела, как непроницаемо черный сгусток тьмы, порожденный мрачной волей Темного Властелина, медленно пополз к угодившим в ловушку жертвам, которые не видели, но чувствовали ее приближение. Пифия ощутила волну их предсмертного ужаса и засмеялась тихим счастливым смехом.

Прекрасно! Скоро тварь выпьет их никчемные жизни и заснет долгим сытым сном. Тогда и она сможет спокойно пойти по их следу, чтобы посадить в ловушку спрятавшегося в кокон тьмы Паука.

Далеким краешком сознания Пифия отметила, что еще на двоих ратников напали, и те начали медленно отступать по направлению к залу, ведя за собой орду преследователей, но это ее не интересовало. Через несколько мгновений боковым зрением как нечто несущественное она отметила, что нападавшие хлынули в зал.

— В круг! — взревел гирканец, выхватывая огромный меч, хотя и понимал, что никакого круга не получится. И все-таки он надеялся, что, быть может, каким-то чудом сумеет защитить любимую женщину.

«Какой уж тут круг, когда их всего десять», — холодно отметила про себя колдунья.

И все-таки этот десяток обреченных оцетинился мечами и прикрыл ее нагое тело щитами, словно несчастные стремились защитить даже от взглядов чужаков.

— Халима! Очнись! — вскричал Кучулуг, яростно сокрушая врагов направо и налево, но она не торопилась откликнуться на зов.

Она желала удостовериться в том, что все прошло гладко, а это требовало времени.

Лишь на миг отвлеклась она от созерцания агонии несчастных, чтобы закрутить вокруг своего тела невидимую глазу, но несокрушимую Скорлупу Тьмы, и вновь воспарила над миром.

— Халима! — звал ее Кучулуг, проклиная все на свете и чувствуя, что он не сможет долго сдерживать натиск наседавших тварей. — Пора уходить!

Он видел, как один за другим падают его товарищи. Он чувствовал, как рукоять его меча становится скользкой от крови врагов, но только крепче сжимал ее в могучих ладонях. Наконец он остался один.

Он остановился пригнувшись, стараясь видеть все, что происходит вокруг, готовый к падению с любой стороны.

Он видел, как в нерешительности топчутся возле него зубастые гргызы, уже не решаясь атаковать, а лишь образовав плотное кольцо в десяти шагах от него, вне досягаемости меча разъяренного гиганта. Они визгливо переговаривались на каком-то своем, непонятном человеку языке, и слишком поздно гирканец понял, что они вовсе не боятся, а поджидают кого-то.

Лучники вышли из-за стены меченосцев, и Кучулуг мгновенно понял, что это конец.

— Халима! — выкрикнул он, словно боевой клич, и бросился вперед, двумя ударами меча разрубив еще двоих.

Две стрелы одновременно пробили кольчугу и отбросили его на шаг, словно удар чудовищного кулака. Твари победно завизжали, и бросились на смертельно раненого врага, но человек еще не умер. Превозмогая боль и внезапно накатившуюся слабость, он стиснул зубы, и вновь заработал мечом. Ему даже удалось достать одного из лучников, прежде чем стрелы полетели в него со всех сторон, вонзаясь в грудь, спину, живот.

Он уже не чувствовал боли. Он просто перестал ощущать тело, продолжая рубить и рубить огромным мечом, все еще слепо надеясь, что любимая успеет... Ноги великана подкоси-

лись, но даже упасть он постарался так, чтобы в последний миг увидеть ее... Казалось, приближавшаяся смерть менее страшила воина, чем то, что он потеряет эту женщину навсегда...

Гргызы, казалось, только сейчас заметили сидевшую на полу нагую красавицу, а заметив, кинулись к ней.

— Халима... — простонал Кучулуг, последние силы вкладывая в этот шепот, надеясь не защитить, нет, но хотя бы предупредить ее.

Он видел, как волна за волной накатывались твари на девушку, но непонятно почему не могли дотянуться до нее, странным образом пробегая мимо, хотя, казалось бы, вот она — протяни руку и коснешься. Невероятно, слишком быстро для тупых животных почувствовали они, что дело здесь нечисто и до этой добычи им не добраться. Ужас объял тварей, когда они поняли, что столкнулись с проявлением высших сил.

Они кинулись врассыпную, на бегу выкрикивая непонятное «Кракшш!» — быть может, самое страшное слово в их небогатом языке. Жизнь уже почти покинула тело могучего гирканца, и только затуманенный взгляд его продолжал удерживать дорогой образ, а из всех чувств осталось только невыразимое словами счастье от сознания того, что она осталась жива несмотря ни на что.

* * *

Халима почувствовала одуряющую сытость, словно это не Черный Паук, а она только что высосала жизни из двух никчемных тел.

Она знала, что теперь Паук должен заматывать себя в кокон и спокойно переварить лакомство, чтобы через луну, если она не заставит его проснуться раньше, сбросить ставшую тесной шкуру. Значит, пора возвращаться.

Нельзя пропустить время, чтобы завладеть коконом. Придя в себя, Пифия встала и окинула побоище одним мимолетным взглядом.

В трех шагах, повернувшись к ней мертвым лицом, смотрел на нее мертвыми глазами Кучулуг. Из могучего тела торчало не меньше двух десятков стрел. Халима подумала, что теперь он стал похож на огромного ежа, и расхоталась, решив, что так, пожалуй, даже лучше. Она чувствовала, что пресытилась гирканцем, а так — никаких прощаний и объяснений...

Все к лучшему! И пусть она не выполнила первый наказ Темного Властелина, зато преуспела во втором... Теперь только забрать кокон и наверх!

* * *

Яркий свет ударил по глазам, ослепляя, и Пифия поняла, что, оказывается, успела уже позабыть, что такое солнце, и тут же подума-

ла, что ей не нравится этот мир с его ослепительным светом, холодящим тело ветром и бестолковыми людьми, настойчиво снующими вокруг нее.

— Что случилось, госпожа? Почему ты одна? — надоедливо суетился рядом Кардо, в то время как остальные вынужденную немоту пытались восполнить избытком движений.

— Все погибли,— мрачно ответила колдунья, искусно изобразив на прекрасном лице скорбь, что оказалось не так сложно для чело- века в скверном настроении.

При этих словах окружавшие ее люди, в которых она узнала Охотников Вамматара, по- мрачнели.

— Неужели Вожак тоже? — спросил старый мастер, так и не договорив, словно боялся произнести роковое слово.

— Нет,— покачала головой колдунья,— но Вожак с Телохранителем затерялись на самом дне подземелья, и я совсем не уверена, что они еще живы...

— Они живы,— тряхнул седой головой Кардо.— Вожак не может погибнуть,— убежденно заявил он, и все закивали, соглашаясь.

— Хвала Волчице, если так,— пожала плечами Халима.— К сожалению, остальные погибли на моих глазах.

Она вкратце рассказала выдуманную на обратном пути историю, которая, правда, в ос-

новном соответствовала действительности. Только окончание колдунье пришлось изменить, чтобы не показать своей причастности к смерти Кучулуга и двух десятков обреченных ею на смерть воинов.

Она вовсе не собиралась распинаться перед мужланами, просто хотела посмотреть, поверят ли они, прежде чем повторить то же самое Разаре.

Она говорила, а ее внимательный взгляд отмечал, что они верят, жестами и отдельными фразами подтверждая, что да, так вполне могло быть.

Халима не стала задерживаться в Усадьбе дольше, чем это было необходимо, и ближе к вечеру в сопровождении конной полусотни отправилась в Логово.

Разара уже ждала ее, неизвестно каким образом прознав о возвращении Пифии, и сразу по прибытии коварная красавица вновь повторила свой рассказ, который и на искушенного Оракула произвел такое же впечатление, что и на простого мастера земляных работ.

Колдунья заканчивала мрачную концовку, а потрясенная Разара не прерывая слушала ее. Всего ожидала владычица от этого похода, но только не того, что он закончится столь трагически, а главное — безрезультатно. Даже с трудом добытые книги Халима попросту выбросила, забрав из разгромленного лагеря толь-

ко воду и немного еды. Она так и сказала об этом старой женщине, солгав, правда, что ей пришлось спасаться бегством.

— Быть может, все еще образуется, — грустно вздохнула она и повторила слова Кардо: — Они живы! Вожак не может погибнуть!

Ей самой это показалось вполне уместным, и, только закончив говорить, она пожалела о сказанном. Разара посмотрела на Пифию долгим, странным взглядом, и та поняла, что переиграла... Она тут же попыталась исправить положение, переведя разговор на другое.

С непонятным для самой себя возбуждением она рассказывала о книгохранилище, о покрывавших стены святилищ письменах и видела при этом, что старуха только все больше хмурится.

Тем не менее она продолжала излагать собственные планы того, как завладеть подземельями, занимая зал за залом, освещая их ярким светом факелов и оставляя в каждом по гарнизону. Она рассказала о несметных сокровищах и камнеедах, с которыми, судя по всему, можно договориться. Она рассказала, наконец, об Огненной реке и храме Черепа на другом ее берегу, где неизбежно должен отыскаться трон Крови, но когда в конце концов умолкла, то увидела, что слова ее явно не попали в цель. Какая-то мысль глодала владычицу, но какая, оставалось для Пифии тайной.

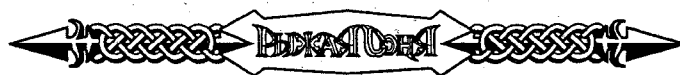
* * *

Уединившись в своих покоях, Халима быстро ходила из угла в угол, места себе не находя от негодования. Ну зачем ей понадобился этот дурацкий пафос? Зачем изображать чувства, которых не испытываешь?!

Ведь проверила рассказ на Кардо, так ведь нет — захотелось усилить впечатление, и теперь Разара что-то заподозрила. А что, собственно, она может заподозрить? В чем обвинить ее? Колдунья заставила себя успокоиться и, усевшись в кресло, налила вина из запотевшего кубка. Ведь не она же уничтожила отряд? «Такое предположение просто нелепо само по себе», — успокоила она себя и тут же помрачнела.

Но ведь так и произошло на самом деле! Пусть не весь отряд, но половину его она обрекла своей волей на смерть! Пифия сделала судорожный глоток и, чувствуя, как задрожали руки, поставила бокал на стол. Что если об этом станет известно? Она попыталась представить себе возможные последствия и поняла, что простой смертью не отделается... А помирать ей не хотелось ни просто и быстро, ни медленно и мучительно. Впрочем, откуда Разара узнает?

Она почувствовала, что в этом для нее заключается самое важное, а от ответа на этот вопрос зависит вся дальнейшая жизнь. Так от-

куда Разара узнает о том, что случилось, даже если предположить, что завтра вернется Север и притащит за собой рыжую девку? Как утопающий за соломинку, хваталась она за это соображение, но успокоиться не могла. Не для того он остался, чтобы тут же вернуться! Значит, нужно выкручиваться самой.

* * *

— Великая Волчица недовольна тобой!

Такими оказались первые слова, которые услышала Пифия на следующее утро, едва переступив порог покоев владычицы. Так вот оно что!

— Я не успела узнать, в чем именно ты виновата, но вина твоя слишком велика, чтобы оставить ее без внимания. Тебе придется посидеть взаперти, пока я не выясню всех обстоятельств... — задумчиво проговорила Разара и только теперь впервые посмотрела на свою помощницу.

Халима увидела темные круги под глазами Верховной Жрицы Логова, о происхождении которых не могла не догадаться. Сегодня она опять спустится в подземелье и, даже если не узнает всего, это всего лишь вопрос времени.

— Однако ты можешь все ускорить и упростить, — сухо заметила владычица, — рассказав обо всем. Лгать только не советую, — брезгливо поморщившись, добавила она.

Именно эти последние слова и гримаса отращения, исказившая лицо Белой Волчицы вернули Пифии ощущение действительности. Она поняла, что ее обман раскрыт и дело за малым — подтвердить ее вину. А значит, незачем больше прятаться. Нужно ответить ударом на удар прямо сейчас! «Да как она смеет разговаривать так со мной?!»

Колдунья с удовлетворением ощутила накалившую волну холодной ярости — состояние, в котором ей всегда все удавалось.

«Хороший признак,— предвкушая предстоящую схватку, подумала Пифия.— Значит, все получится и теперь!»

Разара внимательно наблюдала за своей помощницей и, увидев, как та резко побледнела, усмехнулась.

— Кого ты надеялась провести, девочка? — насмешливо спросила она, и это снисходительное «девочка» послужило для Пифии сигналом к началу действий.

— Не ошибается тот, кто ничего не делает,— смиренно ответила она.— Даже ты, госпожа, не безупречна,— вздохнула колдунья и опустила глаза, чтобы скрыть яростный блеск горевших черным пламенем глаз.

— Что ты имеешь в виду?! — повысила голос владычица.

Это казалось немыслимым: девчонка посмела огрызаться!

— Ты и правда желаешь знать? — не поднимая глаз, спросила Пифия.— Что ж, изволь,— не дожидаясь ответа, сказала она.

Прозвучавшее в ее голосе ожесточение ошеломило владычицу, а когда поняла его истинную причину, оказалось слишком поздно менять что-либо. Подняв голову, Пифия склонилась над столом и, неожиданно цепко поймав взгляд Разары, вогнала в ее мозг черную иглу холодного, как небытие, мрака. В этот последний миг свободы, пока тень смерти еще не коснулась ее, Разара успела осознать, что молодая колдунья имеет в виду, да поздно. Она напрягла свою могучую волю в отчаянной попытке отстоять собственное тело, свой разум, хотя и понимала: все усилия тщетны.

Холод чужого мира заморозил ее волю и мысли, сковал мышцы, из всех ощущений оставив ей только ужас надвигающейся смерти. Считанные мгновения длилась борьба, но обеим женщинам она показалась вечностью. Наконец Халима обессилено опустилась в кресло и откинулась на его спинку, мрачным взглядом уставившись на мертвое тело владычицы.

«Бывшей владычицы,— цинично поправила она себя.— А все-таки она оказалась сильна!» — с невольным уважением отметила Пифия. Она хотела позвать стоявших за дверью слуг, но невольно задержалась, отметив, что даже холод надвигающейся смерти не исказил черт

владычицы. Лицо ее оставалось спокойным и каким-то умиротворенным, как случается, когда конец наступает неожиданно, в тайне от спящего сознания. Она почувствовала невольную зависть и... Неожиданную злость.

— Эй! Кто-нибудь! — громко крикнула она. — Владычице дурно!

Она сама себе удивилась, когда слезы против воли брызнули из глаз.

— Мы пытались выяснить, что стало с Вожакон, а когда поняли, что его, вероятно, уже нет в живых, она вдруг схватилась за сердце, — рыдая, рассказывала Халима, даже не задумываясь над тем, что ее объяснения перед Прибылыми выглядят несколько неестественно.

Впрочем, те тоже не заметили этой странности. Они стояли, потрясенные смертью владычицы, но вовсе не оттого, что любили ее. Просто им казалось прежде, что гиперборейские колдуньи бессмертны, а теперь они увидели, что это далеко не так. Они попросту растерялись, не зная, как поступить.

— Это тяжелая утрата для Логова, — утирая слезы, объявила Халима. — Я хочу, чтобы погребение прошло по всем правилам и с подобающей случаю пышностью, поэтому завтра же тело отправится в Похиолу. А сейчас оповестите жриц о том, что случилось, и пусть немедленно приступают к погребальной церемонии. Скажите, что скоро я присоединюсь к

ним, а пока мне необходимо уединиться и привести себя в порядок.

С этими словами она, даже не обернувшись, покинула покои владычицы и отправилась к себе. Если кто-то из послушников и отметил странности в поведении жрицы, то приписал их внезапно свалившемуся на нее горю.

Пифия же вернулась к себе и, опустившись в кресло, подумала о том, как удачно все получилось. Теперь, после смерти Разары, вся полнота власти в Логове переходит к ней — не об этом ли она мечтала совсем недавно? А стало быть, только от нее теперь зависит, как скоро крошечное Логово, со жрицами которого не склонны до сих пор считаться в Похиоле, превратится в силу, не замечать которую станет уже нельзя. Она перенесет наверх все книги и золото, просеет всю труху. От ее внимания не ускользнет ни одна мелочь! Главное — не торопиться, чтобы своей лихорадочной активностью не привлечь внимания Лухи!

Хорошо бы бросить старой жабе кость...

Скажем, в виде валузийского золота. Но не отдавать все сразу, а отсылать в орден понемногу, чтобы не разжигать аппетитов.

На следующий же день тело владычицы в сопровождении пышного эскорта отправили в Похиолу. Халима и впрямь не торопилась.

Лишь отослала гонца в Усадьбу с приказанием начать расчистку подвального уровня,

тщательно просеивая пепел, перед тем как пустить его на удобрение. Жизнь пошла своим чередом.

Пифия ходила тихая и грустная, терпеливо дожидаясь, когда совершится церемония похорон, минет неизбежный период траура и она сможет взяться наконец за дело.

Так прошла седмица, в течение которой Пифия усердно воплощала свои честолюбивые планы, а потом все рухнуло в один миг. Топот копыт огромного конного отряда она услышала, лишь когда последний всадник въехал на плац. Сперва она не поняла, кто это — хотя Прибылые и приступили уже к занятиям, стояло раннее утро. Однако внутренний голос подсказывал ей, что это не обычные визитеры.

Притаившись за занавеской, она встревожено следила за каретой с гербом Ордена Белой Руки на дверцах, медленно подъезжавшей к парадному входу дворца.

Через несколько мгновений дверь в ее покои отворилась, слуга сообщил, что прибыла новая владычица, и Халима поняла, что мечтам ее не суждено сбыться. Она кивнула, вставая, и направилась к выходу, чтобы поприветствовать нового Оракула, с удивлением отмечая, что почему-то остается совершенно спокойной.

В первый миг у нее еще теплилась надежда на то, что не все потеряно, что можно еще

побороться. Но когда она увидела, спустившись, устремленный на нее недовольный взгляд Саготы — владычицы Сигтоны — ее надежды угасли, и на сей раз окончательно. Не одну сотню лет королева Сигтоны боролась за власть с Лухи. Халима слышала, что, дабы продлить свою жизнь, она питается кровью девственниц, но правда это или нет, не знала. Зато она поняла, что ее жизнь в Логове заканчивается. Но не потому, что она не способна ужиться с новой владычицей, а оттого, что теперь просто не желает ни с кем уживаться... Она хочет властвовать!

— Что смотришь, милая? — скрипучим голосом резко спросила старуха, и Халима поймала себя на том, что с отвращением рассматривает покрытое коричневыми пятнами, сморщенное, как гриб, лицо с широким носом и провалом беззубого рта. — Расскажи, как тебе удалось пережить полсотни воинов. — Ее слова содержали неприкрытый намек на то, что никакие оправдания не снимут с нее подозрений, и все, что она может сейчас, это оттянуть разговор, выиграть немного времени для бегства. — Особенно же меня интересуют подробности смерти Волчицы. — Она говорила, а маленькие бесцветные глазки цепко удерживали взгляд девушки, словно колдунья, не сходя с места, намеревалась получить ответы на все вопросы, если не по доброй воле, так силой. —

Такая молоденькая,— не скрываясь, юродствовала старуха,— и вдруг — сердце! Это настораживает.

— Конечно, я все расскажу,— спокойно ответила Халима, мгновенно поняв, что только безупречная выдержка может выручить ее.— Все, что знаю,— поправила она себя, стараясь, чтобы голос ее звучал естественно и непринужденно.

И она начала рассказ. Говорила долго, гладко, с воодушевлением, а Сагота внимательно слушала, придирчиво оценивая все сказанное Пифией.

Халима поняла это по отдельным редким репликам и еще более редким вопросам старой колдуньи. И еще она поняла, что та едва ли не рада смерти соперницы, а на гибель отряда ей ровным счетом наплевать. Вот только для нее, Халимы, радости в этом мало, потому что как бы ни относился человек к своим врагам и слугам, он не станет терпеть рядом с собой предателя и убийцу. Хорошо хоть то, что ее не попытаются мгновенно уничтожить. Из тех же отрывочных фраз и вопросов она поняла, что неприятный конец неизбежен, но это произойдет не раньше, чем она введет новую владычицу в курс всех дел Логова.

Значит, время у нее есть — несколько дней. Быть может, седмица. В любом случае намного больше, чем требуется ей, чтобы исчезнуть от-

сюда навсегда. Однако просто так она не уйдет.

И Халима принялась чернить всех и вся, искусно играя роль завистливой и не слишком умной, зато жадной до власти интриганки.

Первым делом она вспомнила о Соне и не пожалела мрачных красок на портрет рыжекудрой красавицы. Все, кто любил ее, попали в черный список и получили нелицеприятные отзывы. Единственными, кто избежал ее резкой критики, оказались почившая владычица да Вожак, которому вряд ли суждено вернуться.

— Неужели все так плохо? — выслушав ее рассказ, с иронией заметила Сагота.— Я сама не слишком высокого мнения о людях,— проскрипела она.— Но, признаться, никогда не встречала в одном месте столь огромного сборища идиотов...

— Я намеренно сгустила краски,— не растерялась Пифия,— потому что сама предпочитаю знать как о явных, так и о скрытых пороках своих людей. А о достоинствах и без меня найдется кому рассказать.

Старуха задумчиво кивнула, показывая, что вполне разделяет ее точку зрения, и Халима поздравила себя с тем, что удалось заинтересовать старую каргу.

Она тут же порекомендовала ей избавиться от Сони, если та умудрится уцелеть, а питающего к ней болезненную привязанность Севера

изолировать на время, чтобы наставить его на путь истинный.

Со стороны плаца донесся смех, и Пифия узнала голос Ганы, которую ненавидела почти так же сильно, как своенравную воительницу, которая привела ее в Логово.

Все прошедшие годы колдунья старалась бороться с ее присутствием здесь, но все попытки неизменно разбивались на непонимание Белой Волчицы.

— Вот, например, хоть та белокурая красавица,— заметила она, как бы невзначай.— Если говорить о достоинствах, то все они заключаются в красоте и округлых формах, она не умеет красть, толком не владеет ни одним видом оружия... Зато недостатков у нее хоть отбавляй, но главный — она сеет смуту в Логове. Люди перестают понимать, кто они и зачем они здесь.

— Это скверно,— согласилась Сагота.— Люди должны знать свое место,— закончила она, и Халима поняла, что брошенные ею семена легли в благодатную почву.

Колдунья мстительно посмотрела в сторону плаца, на беззаботную девушку — недолго тебе веселиться, милая.

Скоро настанут трудные деньки...

— Однако это подождет,— заключила новая владычица, подумав, и Пифия чуть не застонала от злости.

Сколько раз она натравливала Разару на распущенную Сонину подружку и получала неизменный ответ, что ее слова будут приняты к сведению, но все обещания оставались всего лишь пустым звуком. И вот теперь история повторяется... Ударил колокол, возвещая о наступлении полудня, и Сагота удовлетворенно кивнула, словно дожидалась только его, а рассказ Пифии слушала лишь для того, чтобы скоротать время.

— А вот обеденное время пропускать не следует,— продолжила, вставая, старая карга.— Жду тебя в своих покоях,— закончила она, кивнула и ушла по тропинке по направлению ко дворцу, и хотя так и не сказала, где именно намерена остановиться, Халима без труда догадалась, о каких покоях идет речь.

* * *

Гайрам притаился в зарослях кустарника, моля богов только об одном: чтобы его не увидели сидящие на парковой скамье женщины и обступившая их стража. Туранец никогда не испытывал болезненной тяги к чужим тайнам, справедливо полагая, что чем выше цена тайны, тем короче жизнь того, кто ею обладает. Но сейчас получилось так, что он оказался в роли невольного соглядатая. Поначалу он даже не прислушивался к доносившемуся разговору. Потом знакомые имена заставили его на-

сторожиться. Тут же он сообразил, что если сейчас обнаружит себя, то неизбежно попадет под подозрение, и уже собирался уйти, когда понял, что не имеет на это права. Он, правда, не слышал начала разговора, зато до него быстро дошло, что Сагота — не Разара. Халима тоже поняла это и готова взять реванш, отыгравшись на всех, кто по-доброму относился к ее рыжекудрой сопернице. Их, правда, сейчас в Логове почти не осталось, но ему не избежать неприятностей, это точно, а о Гане Пифия «позаботилась» особо...

Он терпеливо дождался, пока женщины не скрылись во дворце, войдя в него одна с парадного входа, а вторая — с бокового, и незаметно ушел из парка. Разумеется, он слышал историю Халимы о разыгравшейся в подземельях трагедии, но не поверил ни одному ее слову. Конечно, отрицать того, что Вожак с Телохранителем не вернулись, он не мог, но слишком расплывчато Пифия обрисовала их расставание. Что произошло на самом деле, он, естественно, не знал, но в гибель Пары не верил: Север не из тех людей, что просто позволяют убить себя.

— Гана,— негромко позвал он, проходя мимо отдыхавшей на солнышке девушки,— иди за мной.

Их никто не слышал, кроме замершей на мгновение Задиры да раскрывшей от удивле-

ния клюв Шалло. Зато сама девушка мгновенно поняла: случилось что-то ужасное, спокойной жизни пришел конец.

— Куда ты, Гана? Нам без тебя скучно! — кричали сзади, но она не слышала и не видела уже никого.

— Что случилось? — спросила красotka, как только они свернули за угол трапезной, где никто не мог их слышать.

— Нужно уходить,— в нескольких фразах передав подслушанный разговор, подытожил наставник.

— Если ты все правильно понял, то да, пора делать ноги,— согласилась девушка.— Но разве отсюда сбежишь? Ты ведь не хуже меня знаешь, что все выходы из Долины Волчьего Логова тщательно охраняются.

— Верно,— кивнул Гайрам.— Вамматаром с его людьми и волками Вулофа, а поскольку их самих в скором времени ожидают не меньшие неприятности, то, я думаю, мы сумеем договориться.

— Ты слышала? — обратилась девушка к вороне.— Отыщи Ловчего и передай ему все, что слышала.

— Пусть ждет нас после полночного колокола с теми, кто решит уходить,— добавил от себя туранец.— А тебя я буду ждать здесь, с лошадьми,— сказал он девушке.— Возьми только самое необходимое.

Весь день Гана провела как на иголках. Трусоватая по натуре, она все время ждала, что за ней придут, чтобы учинить скорый допрос и немедленно казнить на глазах у всего Логова, а когда повстречалась случайно с Халимой и увидела недобрую усмешку на ее губах, сердце девушки и вовсе ушло в пятки.

И хотя вида, что боится, она не подавала, но после этого то и дело смотрела на солнце, как будто взглядом могла как-то ускорить неспешное движение Ока Митры. Но как ни медленно удлинялись тени, настало время и им слиться воедино с накрывшим мир пологом тьмы.

Желанный удар колокола заставил Гану содрогнуться от ужаса. Она уже не сомневалась, что их неизбежно поймают и вернут назад, но страх остаться оказался еще сильнее. Она судорожно стиснула узелок с вещами да изрядной суммой денег, что скопились у нее за последние несколько лет, и направилась по коридору.

Едва слышно скрипнула выходная дверь, но девушка вздрогнула и затаилась, зажмурившись. Ей казалось, что все в Логове услышали порожденный ее неловкостью шум.

Однако время шло, но никто не хватал ее.

На темный мир вновь опустилась тишина, лишь изредка нарушаемая скрипом сосен, раскачивавшихся на несильном ветру, да шумом ветра в их вершинах. Где-то недалеко едва

слышно фыркнул конь, и тогда Гана открыла глаза, собралась с духом и метнулась к воротам.

— Что так долго? — без тени недовольства в голосе поинтересовался туранец.

— Страшно... — зловещим шепотом призналась она, и Гайрам едва не расхохотался, а Гуднар, присоединившийся к беглецам, широко улыбнулся.

— Перестань смешить меня, — сказал он, — а то и впрямь попадем в беду.

Они пустили коней шагом, но, хотя утоптаный песок скрадывал поступь скакунов, не спешили переходить на рысь и успели отъехать довольно далеко, когда на луку седла девушки спланировала Шалло.

— Я пр-ривела их, — коротко доложила она и почти одновременно с ней, опоздав всего на мгновение, из-за высокой ели выскочил громадный волк.

Конь Ганы от неожиданности шарахнулся в сторону и коротко заржал, но, узнав Вулофа, успокоился.

— Что случилось? — выехав из-за того же дерева, выкрикнул Вамматар. Вскоре на поляне появились еще несколько человек и волков.

«Поменьше Вулофа, — отметила про себя Гана, — но страшные ужасно.»

— После все расскажу, — ответил Гайрам, — а сейчас уходим.

Они ударили коней и дальше поскакали уже не таясь.

К утру подобралась к ущелью у бритунского края долины, и несколько волков умчалось вперед, чтобы проверить, все ли в порядке с той стороны. Однако совсем немного не доехав до выхода, Вамматар свернул на тайную, известную совсем немногим, тропу, и в лучах восходящего солнца отряд поехал обратно, но теперь уже по южному склону Граскааля. Им предстояло пробраться мимо Великого Соляного Болота и преодолеть бесплодную каменную пустыню Пограничного Королевства.

А в Логове в это время жизнь шла своим чередом.

* * *

Халима закрыла на задвижку дверь и заперла окна, не желая, чтобы кто-то или что-то — пусть даже случайный звук — помешало ей, ведь она весь день ждала этого мгновения.

Правда, Пифия не смотрела неотрывно на солнце и не вздрагивала от каждого шороха. Но и она ждала ночи, чувствуя, как незаметно, но неотвратимо затягивается на горле петля. Хоть она и сумела оттянуть неминуемую расправу на день-другой, но откладывать уход не стоило. Едва прозвучал полуночный колокол, колдунья достала ловушку и, не снимая защитного заклинания, прислушалась к своим

ощущениям — Паук находился внутри, да иначе и быть не могло. Она слышала низкий пульсирующий гул — дыхание странной твари, которую ей предстоит пробудить.

Колдунья осторожно достала из чехла подаренную Странником длинную тонкую иглу, выкованную не из стали, а из тьмы вечной ночи... Она почувствовала, как мгновенно пронзил ее холод, который она не смогла бы выдержать долго, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Впрочем, такого от нее никто и не требовал. Она крепче сжала иглу мгновенно занемевшими пальцами, нацелилась ее острием в стенку кокона и осторожно проколола его вдоль длинной оси. Халима почувствовала, как завибрировала стенка кокона: Пауку не понравилось, что его потревожили, но он пока не проснулся.

Теперь нужно прочесть заклинание, чтобы он очнулся от спячки и ушел к Темному Властелину в таинственный Хонт...

Медленно проговаривая слова на чужом языке, колдунья прижала к груди похищенный у Севера томик — единственную вещь, которую решила прихватить с собой.

Когда отзвучали четыре короткие строки, она содрогнулась от ужаса, почувствовав, как мгновенно изменился окружающий ее мир. А ведь до сих пор она не сомневалась, что ничего не произойдет, по крайней мере, до тех пор,

пока паук не покинет своего убежища. «Что если это обман? — пронзила ее дикая мысль. — И тварь пожрет меня? Убьет вместо того, чтобы спасти?!»

Девушка едва не закричала от страха, затравленно озираясь, узнавая и в то же время не узнавая давно знакомые предметы: все осталось прежним, и все стало иным...

Она видела, как начал пульсировать кокон, и движения его, вначале едва заметные, постепенно набирали силу. Она видела ночной мир за окном, превратившийся в странный рисунок, на котором она различила и звезды, и луну, и темные вершины далеких гор, но знала уже, что если откроет окно, то снаружи ее ждет пустота.

Колдунья невольно подумала, что никогда больше не увидит этот лес, не поднимется в горы, не вдохнет ароматного воздуха, и на миг ее охватило чувство острой тоски по этой еще не состоявшейся потере. Захотелось закричать и все бросить, вернуть назад, но, опустив глаза, она увидела, как из кокона показался толстый черный червь, которого непонятно почему звали пауком.

Поздно...

Словно замороженная, следила она, как выбравшийся наружу комок тьмы расправил гибкие длинные щупальца. Но и теперь он походил, скорее, на медузу.

Вот он замер на миг, и Халима подумала: что-то пошло не так, но очень скоро увидела, что ошибается.

— Ну иди же... Иди... — тихо повторяла она, и вдруг Черный Паук начал таять... И тогда губы ее беззвучно прошептали: — Прощай, постылый мир. Прощай навсегда...

Переход начался, но поначалу происходил медленно, почти незаметно. Колдунья ожидала, что тварь начнет перемещаться, а она оставалась на месте. И только несколько мгновений спустя девушка поняла, что он перемещается, но не в пространстве, а между ними... Из комка тьмы Паук превратился в бледную тень с теми же очертаниями, которая вскоре растаяла без следа.

И тогда Пифия в первый раз почувствовала, как дрогнул кокон в ее руке, и холодная волна впервые пробежала по ладони. За ней еще одна, и еще, и еще... Словно разматывался невидимый клубок шерсти. Паук уходил, кокон разматывался, а колдунья ждала, пока тварь, порожденная силой Темного Властелина, не удалится на безопасное расстояние.

Время тянулось невыносимо медленно, настолько медленно, что Пифии казалось, будто оно просто остановилось. И только мерно пробегающие по ладоням волны холода говорили, что это не так. Наконец кокон явно уменьшился, и колдунья даже испугалась: не упустила

ли она время? Паника едва не охватила Халиму, которая и понятия не имела, что произойдет, если она невольно нарушит ритуал...

Тогда она взяла себя в руки, осторожно вытащила иглу, и та сразу растаяла без следа, известив о своем «уходе» бесчисленным количеством иголочек, вонзившихся в занемевшие пальцы девушки.

Пропустив меж пальцами невидимую нить, она крепко сжала кокон в руках, уже готовая к тому, что никаких видимых изменений не произойдет. Однако мир начал таять неожиданно стремительно. Стены комнаты раздвинулись, почти мгновенно лишившись плотности и цвета, превратившись в такую же плоскую картину, какую только что представлял собой мир за окном, а потом и вовсе пропали. Накатились знакомые ощущения, как при путешествии к Дому Огня, только Огненной Дороги она не увидела. Она не увидела вообще ничего!

Нет, она попала в давно знакомый мир, без труда проникла бы в него и без помощи Черного Паука, но в каком месте этого мира находилась сейчас, не имела ни малейшего представления. Равно как и о том, куда двигаться дальше. Изредка ей казалось, что неясные образы возникают то слева, то справа, иногда она пыталась присмотреться к ним, но картины тут же таяли, рассеивались без следа. Один раз

это ей почти удалось, но видение оказалось настолько страшным, что она тут же поклялась себе больше ни на что не отвлекаться.

Итак колдунья не сомневалась, что перемещается в ином мире, но ни в каком направлении, ни даже как долго уже длится путешествие, даже не догадывалась. Она твердо знала лишь то, что уже покинула Хайборию, хотя еще и не попала в Хонт. Что ждет ее там: теплый прием Темного Властелина, на что она искренне надеялась, мгновенная смерть или еще что похуже — она могла только гадать. И понемногу, исподволь колдунья начала понимать, что момент истины неумолимо приближается...

* * *

Когда утром слуги, выполняя распоряжение новой владычицы, взломали двери покоев Пифии, то не обнаружили внутри никого.

Только недопитый бокал вина да разбросанная одежда говорили о том, что совсем недавно колдунья находилась у себя, но как покинула покои, не открывая ни двери, ни окон, так и осталось загадкой.

Новая же Волчица не зря славилась жестоким, извращенным умом. Она мгновенно решила, что Халима просто в стоворе с Вожаком и его Телохранителем, которые непонятно зачем решили остаться в подземельях. Такое по-

дозреение промелькнуло у нее сразу, как только она услышала рассказ колдуньи.

Наверняка они что-то там нашли, а отряд уничтожили, чтобы свидетелей не осталось.

Вчерашний же разговор с молодой гирканкой окончательно убедил ее в том, что догадка верна. Недаром молодая ведьма столь рьяно чернила обоих, чтобы ее ни в чем не заподозрили. А вот теперь она убежала.

Старуха пожевала беззубым ртом, чувствуя, как злость начинает душить ее. Не сумела утеречь девчонку, а ведь могла бы и предположить, что она не так глупа! Что теперь делать? Ответ ясен — рано или поздно те двое вернутся в Логово, и когда это случится, она не повторит ошибки! Придя к такому вполне разумному решению, Сагота подняла со стола молоточек и ударила в маленький бронзовый гонг.

* * *

Все находились в приподнятом настроении. Они одержали трудную победу, и хотя львиную долю благодарности заслужила златовласая амазонка, остальные тоже не сидели сложа руки, и не их вина, что до настоящей драки дело так и не дошло. Соня шутиливо заметила, что Стакул с Севером и без ее помощи раскрошили бы противника в щепенку, а Хэлдиру осталось бы лишь уничтожить затаившуюся в гряде мусора тварь.

Маг лишь скептически покачал головой, но спорить не стал, понимая, что это всего лишь дружеская шутка. На деле все было значительно сложнее.

Только теперь, избавившись от коварного врага, люди поняли, каким тяжким бременем лежала на них угроза внезапного нападения, и не скрывали радости.

* * *

Огненная река уже не производила такого подавляющего впечатления, как в первый раз. Теперь всех согревала надежда, символом которой был принадлежавший прежде некроманту, а теперь надетый на палец Севера перстень. Правда, они по-прежнему не знали, что делать с камнями, но искренне надеялись, что сумеют выяснить и это.

— Впечатляет, — заметил Хэлдир, невольно останавливаясь.

Старец окинул взглядом раскинувшееся перед ним пространство, задержав его на несколько мгновений на огненных струях, горевших всеми оттенками белого, желтого и красного цветов, затем — на величественной стене храма на другом берегу и замерших на страже богинях. Потом он посмотрел направо, на их крылатую сестру. Его друзья уже стояли перед прекрасной Велисой, и маг не замедлил присоединиться к ним.

— Мы зря тратим время. Неизвестно, что ждет нас впереди...— услышала Соня недовольный шепот Стакула и удивленно посмотрела на него.

Стальной Кузнец и впрямь выглядел хмурым, и хотя не мог не понимать, что для остальных его слова должны прозвучать по меньшей мере странно, добавлять к сказанному ничего не стал. Но богиня не нравилась ему, и это ясно поняли все. Вожак кивнул, снял перстень и надел его на средний палец руки богини, протянутой к нему. Затем он отступил на шаг и приготовился ждать.

Ждать не пришлось совсем. Это поняли все одновременно. Нет, изваяние не поменяло позы, богиня не произнесла ни звука. Она просто ожила...

От ее тела словно повеяло теплом, и через пару ударов сердца богиня вдохнула полной грудью, будто давно сдерживала дыхание, и, слегка наклонив голову, посмотрела на замерших перед ней чужаков. И только взгляд ее каменных глаз по-прежнему оставался мертвым...

— Зачем вы нарушили мой покой, смертные? — Ее тихий голос едва не оглушил людей, заставив их, невольно вздрогнув, отступить на шаг.

— Помоги нам попасть в храм,— ответил Север.

— Я выполняю просьбу, если вы принесли с собой ключи. Но если нет, то горько пожалеете, что потревожили меня! — возвысила голос богиня.

И так ее прекрасная внешность не соответствовала угрозе, слетавшей с полных чувственных губ, что Соня, отступив еще на шаг, взялась за эфес меча и мрачно прошептала:

— Я, кажется, уже жалею...

Богиня потянулась к людям всеми четырьмя руками и шагнула вперед. Хотя все они стояли на монолитном каменном основании, поступь каменной девы оказалась настолько тяжелой, что люди невольно отпрянули. Все, за исключением Вожака. Он мгновенно понял, что Велиса идет на звук, как слепец, и догадался, почему. Он быстро достал камни из сумки и теперь вложил по одному в каждую из рук богини. Та сразу же остановилась, едва лишь первый из камней коснулся ее десницы. Четыре камня легли в четыре раскрытые ладони, и Велиса замерла на миг, словно взвешивая их, пытаясь на ощупь определить, что попало ей в руки — настоящие ключи или никому не нужные простые булыжники. И если да, то в какой руке находится ее камень?

В следующий миг по телу богини пробежала первая волна, огромные белоснежные крылья за спиной расправились и, сделав несколько сильных взмахов, сложились вновь.

Исходящий от богини теплый воздух превратился в поток нестерпимого жара.

Север услышал, как Хэлдир что-то отрывисто выкрикнул у него за спиной и ударил посохом в каменный пол. Значит, решил приготовиться к худшему. И тут случилось нечто странное. Беломраморная поверхность статуи пошла трещинами. Волна за волной прокатывались по телу, делая сеть трещин все гуще, пока искрошившийся камень не начал обваливаться, мелкими кусочками осыпаясь на пол.

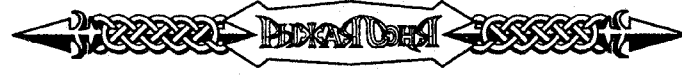
Вскоре у ног богини выросло кольцо белоснежных осколков, словно развалилась скорлупа яйца, из которого только что вылупилось новое существо.

— Великий Лепесток, как мне это все надоело...— простионала Соня, глядя на новорожденного монстра, как две капли воды походившего на Уру, только с одним глазом во лбу вместо двух, да с лишней парой рук.

И исходящая от богини волна сухого огня теперь объяснялась просто: пышущее жаром тело монстра напоминало раскаленный докрасна металл.

Он неуверенно поднял одну из покрытых узловатыми мышцами рук и со вздохом неподдельного облегчения вставил черный камень в пустую глазницу.

Раздался щелчок, словно действительно повернулся ключ некоего механизма, и тело

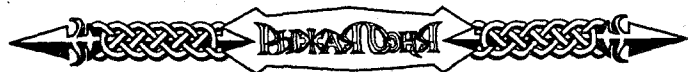
Привратника на глазах выросло, почти вдвое превысив рост взрослого человека.

Теперь, полностью придя в себя, он обвел людей долгим взглядом и издал торжествующий рев, в котором смешались рычание тигра и ужасный визг василиска. Соня окончательно растерялась, не зная, что и подумать.

Она чувствовала, что тварь готова в любой миг броситься на них, но почему-то не делает этого. Девушка судорожно сжимала вспотевшей от волнения ладонью рукоять меча, все свои надежды возложив на Севера, который продолжал стоять перед монстром в расслабленной позе, похоже, не испытывая перед ним и тени робости.

— Ты получил ключи и теперь должен отвести нас в храм,— спокойным голосом напомнил Вожак, в то время как ожившая тварь пожирала взглядом невзрачный перстень на его руке и, казалось, не обращала ни малейшего внимания на слова человека.— Ты смотришь на это? Я вижу, узнаешь его...

— Ненавистный Сах...— пророкотал монстр. Он так и сказал — Сах. Ни Рах, ни Затх, а именно Сах.— Прирученный глупцом Гро-Монном жалкий уродец,— продолжил он.— Эта тварь сковала меня, на бесчисленные века вселив в безобразную оболочку, от которой только теперь удалось освободиться.— Он покоился на груду каменных осколков под нога-

ми.— Теперь уродец вынырнул из небытия и желает вернуться в светлый мир. Я вижу, он сильно ослаб. Слишком долго пробыл под землей в темноте... Отдай мне его,— неожиданно резко потребовал монстр.— Он должен понести кару! А ты получишь щедрую награду!

Север почувствовал, как при этих словах кольцо ожило и сильнее сдавило палец, словно смертельно напуганное живое существо, которое ищет защиту у большого и сильного человека, но не уверено до конца, что получит ее.

— Ты прав, времени прошло немало,— спокойно ответил Вожак, решив сделать вид, что он знает о тайных и явных возможностях Гранринга гораздо больше, чем проситель.— Но на твоём месте я бы не стал торопиться. Уверю тебя, сил у Саха с избытком хватит, чтобы повторить шутку... Ты понимаешь, о чём я? Так что давай пока оставим все как есть...

Некоторое время монстр молчал, как показалося людям, размышляя над услышанным.

— Как знать...— наконец произнес он, непонятно что имея в виду, но так и не закончил фразы.— Так или иначе, но ты дал мне ключи,— наконец продолжил он,— и хотя бы это заставляет меня исполнить долг.

Не тратя больше времени попусту, монстр повернулся к Огненной реке, неуклюже присел на могучих когтистых лапах и, расправив слишком маленькие для его массивного тела кры-

лья, подпрыгнул и взлетел, подняв целую тучу мелкой каменной крошки. Соне на миг показалось, что он сейчас рухнет прямо в огонь, однако ему без труда удалось удержаться в воздухе. Кроваво-красное тело медленно поплыло над пылающим руслом реки и через несколько мгновений приземлилось на противоположном берегу.

Глядя, как он движется, девушка невольно подумала о том, как не похоже его неуклюжее, готовое в любой миг оборваться порхание над огненной бездной на стремительный и мощный полет Уру.

Пока она размышляла над этим, монстр подошел к каждому из своих собратьев — люди так и не заметили, когда те сбросили свои личины. Каждому из них он вставил в лоб по камню, и через некоторое время все они очнулись от спячки, разбрелись в стороны и немедленно занялись делом.

Двое подошли к огромному колесу и принялись вращать его, действуя медленно, но слаженно. Хотя чисто внешне ничего не происходило, но откуда-то из недр горы до людей доносился низкий рокот. Камень под ногами мелко задрожал, словно огромная груда гранитных обломков зашевелилась и начала медленно перекатываться на новое место.

— Что это? — прошептала Соня, подходя к Вожаку.

— Увидим,— спокойно ответил Север, а девушку так занимали собственные мысли, что она даже не обиделась, что не преминула бы сделать в иной обстановке.

Тем временем два других монстра подошли к скрытому в глубине пасти черепа роскошному portalу и принялись выламывать створки. Похоже, сила их оказалась столь велика, что затворенный могучей магией вход начал отворяться. Из таинственных недр храма вырвались первые, еще тонкие, но ослепительные лучи голубоватого света. И что предвещает это пламя, не знал никто.

— О, какое варварское противодействие магии...— обескуражено заметила девушка.

— Прямое противостояние сил,— согласился маг.— Очень, между прочим, действенный способ. Если есть что противопоставить.

— Идите, люди! — трубно взревел на той стороне монстр.— Мы не удержим долго вход открытым!

— Куда идти-то? — оторопело прошептала Соня, глядя на медленно перетекающий по выжженному в камне руслу поток раскаленной лавы.— Моста-то нет!

На всякий случай она посмотрела по сторонам, но так ничего похожего на мост и не увидела. Зато Хэлдир, больше всех искушенный в магических уловках, стрёб пригоршню мелких камней из-под ног и швырнул ее перед собой.

Они полетели вперед, но не упали в огонь. Уже на излете раздался негромкий перестук, и камушки прокатились дальше по невидимой поверхности.

— Торопитесь, люди! Наши силы не безграничны! — напомнил монстр.

— Идем! — коротко скомандовал Север и первым шагнул туда, где непонятным образом висели и не падали брошенные Хэлдиром камни. Ему тоже было не по себе, но он шел не оглядываясь, потому что слышал за спиной шаги своих спутников. Соня не без внутреннего содрогания пошла вместе с мужчинами, как маленькая девочка, держась за руку друга, стараясь не смотреть вниз. Не смотреть вообще никуда... Но краем глаза она все-таки видела, как уплывает назад огненная бездна.

Все ее внимание занимало теперь ослепительное — особенно после мрака или полумрака подземелий — световое пятно перед глазами, которое, по мере того как они приближались, становилось все ярче. Сияющий портал казался ей воротами в иной, светлый и прекрасный мир. Быть может, еще и поэтому она не заметила искаженных хищными гримасами морд монстров, что удерживали створки, пока люди входили внутрь храма. Наконец она почувствовала, как начали слезиться глаза, и через порог переступила, уже практически ничего не видя. В тот же миг с оглушительным

грохотом захлопнулись тяжелые створки за спиной, и люди оказались отрезанными от покинутого ими мрачного мира.

— Ну и как мы отсюда выберемся? — мгновенно забеспокоилась Соня.

— Похоже, никак, — усмехнулся Север, но девушка ждала ответа не от него, а от Хэлдира, который должен был лучше разбираться в таких делах.

— Нам следовало бы прислушаться к словам о том, что Гранринг не должен вернуться в мир, — мрачно ответил маг.

— Не понимаю, как мы не обратили внимания на то, с каким трудом они удерживают дверь, — поделился своими сожалениями Стакул.

— Потрясающе! — Прекрасная воительница почувствовала, как в ее душе поднимается глухая ярость. — Еще чего важного мы не заметили?

— Они не вскрыли портал, а взломали его, и, сдается мне, сделали это не случайно, — поделился своими наблюдениями Вожак.

— Да, — подтвердил Хэлдир, — чтобы не ломать магического замка.

— Что сделано, то сделано, — рассудительно заметил Север, и Соню до того разозлила его невозмутимость, даже теперь не оставившая его, что девушка едва сдержалась, чтобы не высказать в весьма резких выражениях, что

она думает о двух доморощенных мудрецах. — Впрочем, не о прошлом следует думать, а о том, как нам выйти отсюда.

Последняя фраза окончательно доконала девушку.

— Да хоть сейчас-то ты можешь вести себя как человек?! — вскричала она. — Неужели ты не видишь, что нам не выбраться из этой дыры?!

— Прости, милая. Ты, бесспорно, права, — мягко согласился он и обнял девушку за плечи, отчего гнев ее, как это нередко с ней случалось и прежде, немедленно улетучился. — И все-таки что сделано, то сделано, — повторил он. — Все мы так стремились вперед, что позволили одноглазым бандитам завлечь себя в ловушку, — грустно улыбнулся он. — Быть может, нам и впрямь суждено остаться здесь и умереть в этих стенах, так давай не станем отравлять себе остаток жизни.

Он говорил ласково и нежно, словно действительно прощался с любимой, и ее охватил невольный трепет.

— Конечно, — ответила она и прижалась к нему.

— Погодите прощаться, — ухмыльнулся маг. — Если куда-то можно войти, то по крайней мере один выход уже есть.

— Так, значит, ты сумеешь снять заклятье с входа? — встрепелась девушка.

— Думаю, да. Хотя и не знаю, как скоро,— ответил маг.— Но в любом случае это лишь вопрос времени.

Соня мигом повеселела. Осознав, что трагический конец наступит еще не скоро, она почувствовала себя почти счастливой. Только теперь она позволила себе впервые осмотреться и увидела, что находятся они в совершенно круглом зале всего около сорока шагов в поперечнике.

— Такое ощущение, что мы и впрямь попали внутрь черепа,— пошутила она.

Несмотря на царившую вокруг варварскую роскошь убранство зала показалось девушке на удивление убогим.

Впрочем, вполне может статься, она уже рассмотрелась в этом подземелье на золото, драгоценные камни, всевозможные украшения до такой степени, что богатства перестали восхищать ее.

Что же касается скульптур, то, как и повсюду, такие же статуи уродливых богов бестолково толпились вдоль стен, словно тоже попали сюда не совсем по своей воле и теперь искали, как выбраться.

У противоположной от входа стены высился знаменитый трон Крови, столько бед принесший миру, из-за которого в Похиоле и затеяли всю эту возню с подземельями. Соня еще раз посмотрела на него. Огромная алая капля с

вырезанным на ней сиденьем — и больше ничего. Девушка почувствовала невольное отвращение к драгоценной реликвии и отвернулась.

— Вот она, настоящая Велиса,— сказал Хэлдир, подходя к расположенному в центре зала каменному подиуму в локоть высотой.

— Странно, что она стоит здесь, в окружении этих уродов,— заявила Соня.

— Быть может, ее не посмели тронуть? — предположил Север, останавливаясь рядом.

— Вряд ли,— возразил Хэлдир, и Стакул кивнул, соглашаясь.— Скорее уж, просто не сумели. Разве ты не чувствуешь исходящую от нее силу?

— Чувствую,— подтвердил Вожак.— И как раз это удивляет меня больше всего.

— Что именно?

— Как вообще она оказалась здесь, в мрачном логове некромантов?

Старец ничего не ответил, да и вряд ли кто-то мог ответить на этот вопрос теперь, через десятки веков после того, как это произошло. Север же вновь посмотрел на богиню, как две капли воды походившую на изваяние, совсем недавно стоявшее на берегу Огненной реки.

Только от настоящей Велисы исходило сияние, а от Ролы — жар нечистого пламени.

Вожак понимал, что перед ним всего лишь статуя, хотя и необыкновенная. И все-таки не мог взять в толк: что за странная игра вооб-

ражения заставила скрыть богиню вероломства под личиной справедливости. А впрочем...

— Быть может, это святилище когда-то принадлежало светлым богам? — задумчиво спросил он. — И уже потом из него убрали все, что смогли и поставили снаружи?

— Если и так, то вряд ли мы об этом узнаем, — пожал плечами Хэлдир. — Да и что это дает нам?

— Ну, не знаю, — честно признался Вожак. — Просто хочу разобраться. Не люблю, когда мне что-то непонятно. Кому и зачем понадобилось устраивать святилище светлых богов в недрах катакомб глубоко под землей?

Соня не слышала, что ответил старец. Ей вообще весь этот разговор казался пустым.

Она шагнула к подиуму и осторожно коснулась статуи кончиками пальцев.

Изваяние было выполнено из неведомого металла белого, как снег, но с легким голубоватым оттенком. Оно и искрилось, как снег морозным зимним утром искрится в солнечных лучах. Только вот сюда никогда не заглядывал солнечный луч, а потоки мягкого света, только в первый миг показавшегося ослепительным, изливались изнутри.

Теперь-то, когда глаза привыкли к сиянию, девушка видела, что оно, скорее, ласкает взор и дарит уставшему телу отдохновение. Девушка не удержалась от искушения, погладила

искрящееся тело, и сердце ее замерло, когда она почувствовала под ладонью уже не металл, а прохладную и гладкую, словно вода, поверхность.

— Какая красота, — прошептала Соня.

— И все-таки ее не посмели тронуть, — сказал маг.

— Посмели, — спокойно возразил Север, — да не смогли.

Девушка еще раз посмотрела на статую богини, призывным жестом протянувшую к людям четыре руки. Верхняя пара почти сомкнутых рук, повернутых ладонями вверх, располагалась чуть повыше второй. Нижние же руки Велиса развела несколько шире, а ладони смотрели в пол (у того изваяния, что стояло на берегу, руки были поставлены наоборот). За спиной сверкали белоснежными перьями роскошные крылья. Соня осторожно обошла статую и, когда приблизилась к трону Крови, на миг перевела на него взгляд.

— А вот он, похоже, мог бы ответить на все наши вопросы, — уверенно произнесла она, указывая на лежавший на полу за троном скелет. — Что скажешь? — обратилась девушка к кузнецу, который уже успел обойти весь зал.

— Нет здесь заготовок, — мрачно и невпопад отозвался тот.

— Ха-ха-ха! — несмотря на серьезность положения Соня не удержалась от смеха, а Хэл-

дир покачал седой головой: нашел о чем беспокоиться!

— А вот и последний владыка,— заметил Север, указывая на сидевшего на троне мертвеца, облаченного в алые одежды, настолько сливавшиеся с поверхностью трона, что с нескольких шагов оказались совершенно неразличимыми.

— И как только мы его не увидели...— удивился старец.

Он решительно направился к трону, но все не потому, что его интересовал покойник. Маг увидел у того на коленях переплетенный в алый сафьян фолиант и именно его забрал, невольно вздрогнув, когда из-за этого мимолетного движения скрытая внутри одежда мумия рассыпалась в мелкую труху, которая тонкой струйкой пыли посыпалась из-под полы мантии на пол.

— Потом почитаем,— остановил его Север, указывая на еще одну находку.

Видимо, когда-то в зале находилось собрание оружия, но теперь на стене остался только лук. И только многочисленные крепления указывали, что уничтоженное собрание было богатым. И опять-таки это выглядело странно и совершенно необъяснимо: почему, изъяв из храма оружие, одну вещь все-таки оставили висеть на прежнем месте? Вожак удивился этому даже больше, чем самому огромному боево-

му луку изысканной формы с костяными и металлическими вставками, как видно придававшими ему особые, неизвестные пока свойства, с удобным ложем для руки и причудливо изогнутыми рогами. Он покоился в четырех держателях, выполненных в виде кистей человеческих рук.

— Я слышал об этой вещи,— неожиданно заявил Стакул,— хотя и не видел никогда. Это легендарный Овод...

— Овод?! — не скрывая удивления, воскликнула Соня.— Какое странное название!

— Да,— кивнул Стальной Кузнец.— Огненный Взор Одора — бога возмездия. По преданию, он поражал своим взглядом злодеев, на которых указывала Велиса.

— И откуда он здесь?

— Не знаю.— Кузнец пожал плечами.— Говорили, что взять его может только тот, кому это окажется по силам. Вероятно, именно поэтому он до сих пор не покинул своего места.

Девушка, недоверчиво слушавшая его рассказ, тут же шагнула вперед с самым решительным видом, но через мгновение от ее самоуверенности не осталось и следа. Как ни пыталась она завладеть оружием, даже на волос не сумела сдвинуть его. Она отошла, досадливо закусив губу, и вновь посмотрела на оружие, теперь почему-то напомнившее ей чувственные, скривившиеся в презрительной усмешке

губы Халимы. Север занял ее место. Могучие руки воина взяли за лук, мышцы вздулись чудовищными буграми, и со странным звуком, больше всего походившим на скрип снега под ногами, рога оружия начали сгибаться книзу. Вот еще немного... Еще и еще... Казалось, металлические ладони не желают отпускать свою собственность, но мощь человека взяла верх. Через мгновение воин отступил на шаг, крепко сжимая лук. И по тому, каким обессиленным жестом он опустил его, поставив один конец на пол и устало опершись на него, как на посох, Соня поняла, сколь смешной выглядела ее нелепая попытка, если даже Северу удалось сделать это с таким трудом. Почему-то она подумала именно так, вовсе не удивившись тому, что ее возлюбленному вообще удалось завладеть Оводом.

— Тетивы-то все равно нет,— немного отдышавшись и внимательно рассмотрев свою добычу, заметил Вожак.

— В кого это ты собрался стрелять? — поинтересовалась Соня.— Здесь нет никого, кроме нас.

— Просто я подумал, что такой лук наверняка помог бы справиться с монстрами, поджидающими нас за дверьми.

— Для борьбы с подобной дрянью его и создали в свое время,— подтвердил Стальной Кузнец.

— Для того чтобы с ними биться, нужно сперва выйти наружу,— напомнила Соня.

— Верно,— согласился Север, оборачиваясь, и вдруг замер, изумленно глядя на статую богини.

Остальные поначалу не поняли, отчего он так внезапно умолк. Их взгляды устремились туда, куда смотрел Вожак, и когда все поняли, в чем дело, тоже застыли. Свет, излучаемый статуей, не стал меньше, но теперь резко обрывался на границе подиума. Та часть зала, что осталась за ним, погрузилась в мягкую полутьму, зато окружавший богиню световой ореол заискрился, превратившись в сотканный из света кокон. Вожак задумчиво приблизился к изваянию и протянул руку, явно собираясь погрузить ее в кокон.

— Что ты задумал? — мгновенно очутившись рядом, быстро спросила Соня, и Север, вздрогнув, остановился.

— Хотел попробовать войти внутрь.

— А ты уверен, что сумеешь вернуться? — резко спросила воительница, чувствуя, как против воли начинает злиться.— Хватит и того, что мы опрометчиво забрались сюда,— она ткнула пальцем в пол,— не подумав о том, как выберемся наружу. А теперь ты хочешь застрять там?! — Ее палец указал на окруженную ореолом Велису. Видимо, ее слова подействовали на Вожака, и он отступил.— И что это тебе

взбрело в голову? — уже спокойнее добавила девушка.

— Это свечение появилось после того, как я взял лук,— объяснил Север.

— А мы-то и не заметили! — язвительно воскликнула красавица.— Только что это дает нам? А тебе не приходило в голову, что извятие вообще начало светиться после того, как из храма утащили все, что прежде находилось тут вместе с луком?

— Вполне возможно, что и так,— согласился Север.— Только что это меняет?

На этот раз уже девушка не нашлась, что ответить. Она вопросительно посмотрела на Стального Кузнеца, надеясь, что тот и на сей раз внесет ясность, но гигантский скелет только отрицательно качнул головой.

— Соня права,— вмешался в разговор Хэлдир.— Хотя совпадение и не случайно, пока не узнаем, что оно означает, не стоит рисковать.

— А я о другом сейчас подумал,— вновь заговорил Вожак,— мне не дает покоя мысль, что эта комната совсем не то, чем кажется.

— Ты не мог бы выразиться яснее? — раздраженно спросила девушка.

Однако он не стал ничего объяснять, а продолжил:

— Я думаю, что стоит поискать — должны найтись тайники, хотя признаюсь: на плане я их не видел.

Соня задумалась. А ведь и верно. Как ей только самой не пришло в голову?

Что они здесь обнаружили? Прекрасно выполненные статуи уродливых богов, видимо, когда-то сменившие окружение Велисы. Резные панели черного, похожего на стекло, камня с изображенными на них сценами человеческих жертвоприношений — судя по всему, омерзительный ритуал ублажения трона Крови. Они тоже наверняка появились на стенах одновременно с самим тронном, а значит, под ними может скрываться все, что угодно...

Теперь пол. Она посмотрела под ноги, впервые обратив внимание на то, что пол отличается от всего виденного ими прежде. Он оказался выложен шестигранными плитами янтаря, когда-то солнечно-желтыми, а теперь порыжевшими от пролитой на них крови. «Значит,— решила она,— начинать следует именно с него. Ведь когда они снимут со стен панели, на полу не останется свободного места.»

Девушка тщательно исследовала пол, простучав каждый локоть пространства, но так ничего и не обнаружила.

Только после этого она и ее спутники принялись освобождать стены от уродливых обидиановых плит. Под ними обнаружили роскошные резные янтарные панели, на сей раз не замутненные человеческой кровью. Однако и за ними также ничего не нашли, как ни ста-

ралась Соня, и как ни пытался по-своему то же самое проделать Хэлдир.

— Мы просто валяем дурака,— неожиданно заявил Север, когда, усталые, они расселись на уложенных в штабеля плитах и Соня с надеждой обернулась к нему.— Если Алтарь и существует, то вход в него наверняка загорожен тронном.

Девушка осмотрелась. Единственный участок стены, пока еще покрытый обсидиановыми плитами, располагался за тронном именно потому, что тот загораживал барельефы. А ведь и верно! Если где и устанавливать свою святыню, то только на месте прежней.

Вырезанный из огромного рубина трон выглядел неимоверно тяжелым. Именно таким он и оказался на самом деле. Однако не мог противостоять объединенным усилиям Стакула и Вожака. Еще через мгновение оторванная панель с грохотом повалилась на пол, и люди благоговейно замерли перед обитой золотом дверью, пытаясь отгадать, что же находится за ней.

— Стальная дверь обита златом
И будет отперта она лишь той,
Чья правит длань булатом,
Чья злоприметна голова...

Хэлдир торжественно, немного нараспев произнес эти уже известные Соне слова, но Стакул, впервые услышавший их, невольно обернулся

к девушке, которая удивленно смотрела на двух сохранявших странное спокойствие мужчин.

— Ты хочешь сказать, что первое из пророчеств наконец-то сбывается? — произнес Север непонятную кузнецу фразу, и красавица почувствовала смешанную с радостью досаду: уж если именно ее здесь имели в виду, она предпочла бы услышать о себе более уважительные слова.

— Неужели вы и впрямь верите, что это именно та дверь? — как можно спокойнее спросила она.

— Я ведь уже читал тебе пророчество,— объяснил ей маг,— об Алтаре, запертом стальной дверью. И только что повторил его начало, говорящее о том, что лишь златовласая воительница способна отпереть дверь. Тебе осталось исполнить эту часть его и показать нам, верно ли остальное.

Соня подумала о том, что несмотря на все ее чувства замечание вполне справедливо, а значит, нечего и раздумывать — пора приступать к делу. Она тщательно обследовала вход, но лишь убедилась в том, что дверь и вправду выкована из стали и оббита золотом.

Между золотой окантовкой и золотым же косяком она увидела едва заметную, толщиной не больше волоса, щель. И никакого отверстия для ключа! Значит, существует секрет, кото-

рый ей предстоит разгадать. И секрет этот, по-видимому, заключался в статуэтке четвероручной богини, которая стояла в небольшой нише в верхней части стальной плиты как раз на уровне лица девушки.

Однако первым делом Соня придирчиво исследовала дверь, пытаясь сдвинуть каждую выступающую деталь или надавить на нее, хотя почти не сомневалась, что тайна скрыта в маленькой статуе. На эту мысль наводили протянутые навстречу людям руки, но когда после сравнительно непродолжительных усилий дверь наконец поддалась, Соня не могла сказать, что же она сделала. Дверь отворилась, и вздох разочарования, раздавшийся за спиной воительницы, подтвердил, что глаза не обманывают ее. Комната оказалась совершенно пустой. Хэлдир только сокрушенно качал седой головой: сколько усилий и времени затрачено впустую!

— Там Ключ Миров,
Там Древо Власти,
Там битв отбиты имена...

Маг невольно прошептал эти строки и замолк.

— Да. Когда-то все это находилось здесь,— вздохнул Север.

— А может, и нет,— откликнулся старец упавшим голосом, и Соня отметила, что впервые видит его таким — старым, безмерно уста-

лым человеком. Он достиг таки желанной цели, но лишь для того, чтобы убедиться, что кто-то побывал здесь до него.— Может, все это и впрямь только красивая сказка? — невесело усмехнулся он, чувствуя безмерную усталость.

— Никакая не сказка,— успокоил его Вожак, указывая на три каменных алтаря, когда-то служивших подставками, а теперь пустых.— Того, что в святилище ничего нет, следовало ожидать. Когда люди уходили отсюда, они не могли не забрать самого ценного.

— Однако статуя богини в зале осталась,— возразил старец.— И лук тоже,— добавил он, но Соня видела, что он и сам не уверен в своей правоте.

— Что ж с того? — пожал плечами Вожак.— Мы ничего не знаем о назначении статуи Велисы и Овода. К тому же,— добавил он,— я думаю, что богиню просто невозможно убрать с ее места. Ведь и новые хозяева ничего не смогли с ней сделать, хотя наверняка старались.

Девушка еще немного походила по комнатке, простучала стены, но больше для очистки совести. Рассудок подсказывал, что искать здесь нечего. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, она раз за разом обследовала круглый зал, рассматривала отодранные стенные панели и статуи, но очень скоро поняла, что и без того скверное настроение только все больше портится. В голову лезли мысли одна другой

неприятней. Она даже поймала себя на том, что завидует Стальному Кузнецу, которому не грозят ни жажда, ни голод.

Он просидит здесь сколько потребуется, и рано или поздно сюда заявятся посланцы Логова, чтобы обнаружить три трупа и живой скелет, принадлежащий умершему десятки столетий назад кузнецу! Да и Хэлдиру не так уж страшно — как никак отжил свое. Подумав об этом, она едва не выругалась. Да что это такое в самом деле?! Что за чушь приходит в голову! И только когда поняла, что просто боится, не хочет умирать, все встало на свои места.

Она посмотрела на старца. Тот сидел, прикрыв глаза, видимо, пытаясь проникнуть в сложную вязь заклинаний. Девушка никогда особо не интересовалась колдовством, но понимала, что дело это непростое. Однако Хэлдир делал свое дело и не скулил. Север таким же отрешенным взглядом взирал на статую Велисы, словно также пытался раскрыть ее тайну.

— Уж не влюбился ли ты? — ехидно спросила Соня.

— Уж не ревнуешь ли ты? — отшутился Вожак и уже серьезно добавил: — Я все думаю: зачем ее оставили здесь и что значит это странное свечение вокруг ее тела?

— Ну и что же оно значит? — поинтересовалась девушка, но воин только пожал плечами:

— Не знаю.

Вот так — не знаю. Все как-то глупо и безысходно. Хотя плачь...

— Хватит на сегодня, — неожиданно заявил Хэлдир. — Что-то я устал.

Соня кивнула и без лишних слов начала доставать припасы, которых оставалось не так много. Быть может, именно от сознания того, что еды осталось мало, ей безумно захотелось есть. И пить.

Она жадно выпила несколько глотков воды, прежде чем заставила себя остановиться — так не пойдет. Еще неизвестно, сколько им сидеть взаперти!

После весьма скромного ужина Хэлдир достал фолиант, о котором все, кроме него, давно позабыли, и углубился в чтение. Продолжая думать о своем, девушка рассеяно отмечала, как он перелистывает страницу за страницей, приговаривая про себя что-то вроде: «Очень хорошо... Здорово...» Она не заметила, когда старец углубился в чтение.

— Что-то интересное? — равнодушно поинтересовалась она.

— Здесь летопись Ахерона, — ответил маг, не отрываясь. — Краткая, но в то же время довольно полная.

— Здорово, — повторила его слова девушка, удивляясь про себя, какая ерунда интересует его в последние дни жизни.

— Ты права,— неожиданно согласился он.— Не до этого сейчас. Потому я и пролистывал страницы так быстро. Но вот теперь началась история Трехсотлетней войны. Оказывается, существовали три воюющие стороны. Клан Силы, то есть маги. Клан Стали, или попросту воины. И насильно согнанные простолюдины, бунт которых положил начало войне — они, видите ли, захотели вернуться наверх.

— И как долго они продержались?

— Взбунтовалось не население разрушенного варварами Пифона, а их потомки, по-моему, в двадцатом колене. Клан Силы заправлял всем, опираясь на свою магию и мощь клана Стали, принуждавшего недовольных к покорности. Все для колдунов шло гладко до тех пор, пока не вспыхнул большой бунт. И тут оказалось, что силы неравны. Бунтовщики начали теснить воинов, и те уходили все глубже и глубже. Очень скоро колдуны поняли: если что-то всерьез не изменить, то они проиграют.

— Я помню эти времена,— неожиданно заговорил Стакул.— От меня потребовали ковать бронзовые мечи, потому что сталь не терпит магии.

— Так, значит, такого оружия много?

Соня посмотрела на свой щит и меч. Известие о том, что у них, возможно, есть двойники, пришлось ей не по вкусу. Более того, ей стало не по себе от мысли, что станет с миром,

если гиперборейские полчища вооружатся найденным здесь оружием и двинутся на юг. Оно, конечно, не поможет взять немедийские твердыни, но и осажденные жители долго внутри не протянут, а открытого столкновения ни одно войско не выдержит.

— Нет,— сказал Стакул.— Там другая магия. Подлая, если можно так сказать.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, скажем, клинок, наносящий незаживающие раны или только смертельные ранения. Говорят, кто-то даже умудрился сделать невидимым один из ятаганов.

— Совсем неплохо,— невесело усмехнулся Север.— Кто-то делает странное движение рукой, а человек падает, рассеченный надвое!

Соня попыталась представить себе, как можно сражаться с воином, вооруженным невидимым клинком, даже если знаешь, что за оружие у него в руках. Если такой боец прилично обучен, то долго против него не выстоять.

— Одним словом, восстание подавили или, вернее сказать, задавили,— продолжил Хэлдир,— попросту уничтожив почти всех. И тогда главари клана Стали поняли, что вполне способны пойти дальше и стать повелителями этого мира. Борьба продолжилась. Медленно, но верно, воины теснили колдунов, пока не загнали их в зал Магов.

— А как же магия? — спросила Соня.

— Магия — всего лишь оружие, — ответил старец. — Более мощное, чем меч, но даже в поединке она не всегда обеспечивает победу, а когда речь идет о тысячах людей, может и вовсе оказаться бессильной.

— А трон Крови? — не унималась девушка.

— Трон Крови необходимо питать жертвами. Чем больше крови, тем обширней владения. А колдуны, в конце концов оставшись в одиночестве, могли принести в жертву разве что самих себя. Поэтому их земли быстро уменьшались, и тут уж ничего не поделаешь. И все-таки битва получилась ужасной. Это я только рассказываю все так быстро и просто — триста лет непрекращающихся войн говорят сами за себя. И наконец настал день, когда Зур Ган не смог удержать и зал Магов. Все дальше отступал Верховный Колдун в окружении многочисленных сторонников...

Хэлдир замолчал и посмотрел на своих друзей. Его внимательно слушали, хотя, казалось, их мало должны волновать события давно минувших дней. Он вновь обратился к книге и начал читать текст, по возможности пытаясь сохранить манеру изложения автора.

— И тогда я понял: спасения нет. И страшная истина омрачила рассудок мой, и я совершил то, чего не должен был делать — вызвал Грогора, одного из самых могучих демонов. Один из немногих он черпает силу одновре-

менно из всех четырех Домов... И обратился к силе Гранринга, чтобы подчинить демона своей воле...

Маг оторвался от книги и снова посмотрел в лица друзей.

— Значит, они вовсе не боги, — разочарованно протянула Соня.

— Конечно, нет, — с улыбкой ответил старец. — У Зур Гана хватило ума развоплотить Грогора на четыре ипостаси, а силу каждой поставить в жесткую зависимость от магических ключей, — пояснил он уже своими словами, и не требовалось особой сообразительности, чтобы понять, кто эти четыре демона. — Каждая из частей оказалась неизмеримо слабее целого, и тем не менее сообща они уничтожили большую часть воинов клана Стали, уже праздновавшего победу. Остатки войска бежали, и демоны стали требовать оговоренной платы и освобождения. К тому времени Гранринг уже покинул своего хозяина. И именно это придало предателю решимости.

«М-да, — подумала Соня, — странное и своеобразное колечко!»

— И вот тут Зур Ган совершил вторую, еще более серьезную ошибку: он задумал нарушить договор. Видимо, такие планы он вынашивал с самого начала и сперва все вроде бы прошло гладко. Каждый из четырех ключей сохранял власть над своей ипостасью демона, а черно-

книжник владел ключами. Окруженный верными соратниками, при поддержке могучего демона он чувствовал себя в полной безопасности. «Теперь,— решил он,— настала пора перейти к главному.» Он давно мечтал проникнуть в древний храм за Огненной рекой и теперь наконец получил возможность сделать то, с чем прежде не могла справиться его магия — открыть вход. Сах тогда впервые выказал неповиновение, отказавшись исполнить его приказ.

И вот тут он совершил еще одну ошибку, роковую для себя, но оказавшуюся полезной для остальных.

Полностью уверовав в собственную неуязвимость, он забыл об осторожности и часть работы доверил помощникам, не подумав о том, что присущие ему самому качества, такие, например, как жажда власти, не чужды и остальным. Демоны сумели открыть портал, но им каждый раз приходилось удерживать створки, пока люди находились внутри.

Зур Ган же хотел все увидеть сам, но боялся входить внутрь, понимая, что рискует не выбраться назад. И тогда он открыл тайну ключей Шан Гару...

— И познал на себе все прелести вероломства,— закончила за него Соня.

— Верно. Хотя произошло это не сразу и только после того, как предателю удалось до

конца разобраться в магии ключей и подчинить их кольцу.

— Так это его кости восстали из открытого гроба?!

— И вновь ты права. Он соорудил убирающийся невидимый мост, две ипостаси демона поставил у ворот, одного — на страже у храма, а крылатого — с другой стороны Огненной реки. Затем отобрал у них ключи и придал им более привлекательный вид.

— И алтари тоже он соорудил,— добавил Стакул.— Казалось, в катакомбах и впрямь намечаются перемены к лучшему. Шан Гар, похоже, действительно сделал все, чтобы, не уничтожая ключей, сделать их недоступными, тем самым как бы навсегда избавив мир от трона Крови. Он считал, что совершенное таким образом добро искупает все его прежние грехи.

— Ему не следовало прятать истинное обличие демонов, быть может, тогда трон Крови действительно оказался бы спрятан навечно,— вмешалась девушка,— а сотворенного им добра получилось бы чуть-чуть больше.

— Видимо, добрые дела были все-таки чужды его натуре,— подумав, высказался маг, и Стакул кивнул, подтверждая, что согласен со старцем.— А вот вероломство-то проявилось сполна. Вроде бы делая все возможное, чтобы достичь поставленной цели, он подсознательно

старался, чтобы она оказалась не достигнутой...

— И преуспел в этом... Так что же делают ключи? — неожиданно спросила девушка.

— Связывают воедино дух, обитающий в теле, с облекающей его плотью, — не задумываясь, ответил маг, прежде чем продолжить рассказ. — Итак, двери захлопнулись, и Зур Ган понял, что оказался в ловушке. Поначалу он еще надеялся, что его просто пытаются вынудить к каким-то действиям, но очень скоро почувствовал, что о нем намеренно забыли, и понял, что его ждет смерть. И тогда он сел на трон Крови и проклял предателя. Трон принял его жертву, забрав остаток жизни черно-книжника и его слуги, чтобы исполнить последнюю волю мага. — Хэлдир вскользь посмотрел на страницы. — Последние строки написаны уже нетвердой рукой. Наверняка умирающий понимал, что ему остались жалкие мгновения жизни, и торопился сделать запись до конца лишь ради того, чтобы те, кто проникнет когда-нибудь в храм, узнали, что он все-таки одержал победу над своими врагами, пусть даже после смерти, но заставил костлявую стиснуть пальцы на шее предателя... Ну? Что вы на это скажете? — спросил он после паузы.

— Мне все видится несколько иначе, — равнодушно пожала плечами Соня. — Подумай-ка сам, зачем он писал о своем предсмертном

проклятию? Чтобы показать, как велик он, Зур Ган? И какую чудовищную ошибку совершил Шан Гар, связавшись с ним? Но кому это интересно теперь? Да и где он, Зур Ган? В пыль рассыпался! Одна мантия осталась, — насмешливо заметила девушка. — Тщеславие все это, — убежденно добавила она. — Глупая гордыня.

— Ну, не совсем так, — возразил Север. — То есть, конечно, ты права, — тут же поправил он себя, — хотя я и думаю, что писал он эти строки вовсе не для нас или кого-то еще, а, скорее, для себя... Зато теперь ясно, о каком проклятии говорил перед смертью Шан Гар, и еще ясно, что нам отсюда не выбраться, раз даже Зур Ган не сумел, хотя и знал больше нашего.

Он виновато посмотрел на старца, словно опасаясь, что тот обидится, но Хэлдир лишь кивнул.

— Весьма утешительно, — съехидничала Соня. — Может, нам тоже забраться на трон всем скопом?

— Так оно и есть, — словно не слышал ее слов, подтвердил маг, отвечая Северу. — Запирающее заклинание создано таким образом, что воздействовать на него можно только снаружи.

— Здорово, — хмуро ответила Соня.

Она вдруг почувствовала, что жутко устала. Сил не хватало даже на иронию. Стакул сидел молча, ни единым словом не выказывая

своего отношения к тому, что услышал. Сам жертва колдовского коварства, он теперь, на пороге избавления, угодил в новую ловушку и хотя выхода не видел, знал, что по первому слову новых друзей возьмет в руки молот и, если надо, начнет пробиваться сквозь стену... Хэлдир же не слушал, о чем разговаривали его друзья. Он продолжал листать книгу, торопливо пробегая строчки взглядом.

— А дело-то, оказывается, много хуже, чем нам представлялось,— произнес вдруг старец, и все трое вновь уставились на мага, но тот молчал, продолжая читать.

— Что ты имеешь в виду? — как всегда, первой не выдержала Соня.

— У меня есть две новости,— отозвался Хэлдир.— Плохая и очень плохая. Плохая заключается в том, что Шан Гар и с нами сыграл злую шутку. Кольцо, как выяснилось, возвращало демонам свободу воли, и он знал об этом.

— Вот тварь! — не сдержавшись, воскликнула девушка.— Отчего же они просто не убили нас?

— Кто знает? — задумчиво молвил маг.— Может, силы еще не скоро вернутся к ним, а может, и впрямь испугались Саха... И решили убить нас иначе, просто закрыв в храме вместе с тронном.

Только тут Соня вспомнила о странном кольце и задумчиво посмотрела на руку Севера.

Почему бы и им не использовать его силу, чтобы вырваться наружу? Впрочем, Хэлдир наверняка подумал об этом намного раньше.

И тут вдруг она вспомнила последние слова старца: «Закрыв вместе с тронном...».

— А при чем здесь трон? — тихо спросила она, не зная даже, чего желает больше, чтобы он ответил или чтобы промолчал.

— Это и есть очень плохая новость,— ответил старец.— К сожалению, она действительно очень плоха,— мрачно добавил он.— Мы не доживем до естественной смерти от истощения или жажды. Трон Крови высосет из нас жизнь гораздо быстрее.

Соня, однако, смотрела на него недоверчиво, и старец посчитал нужным продолжить:

— Думаешь, почему Зур Ган поторопился принести в жертву себя и слугу, потратив последние силы на проклятье?

— От безысходности,— не задумываясь, ответила девушка.

— Хорошо, ну, допустим,— не стал спорить маг,— но разве ты не почувствовала очень сильного голода?

— Тоже ни о чем не говорит,— ответила она уже, скорее, из упрямства, хотя и сама, говоря по правде, удивилась.— У нас был очень трудный день — вполне естественно, что все проголодались,— убеждая в первую очередь саму себя, сказала она.

— Э, нет,— возразил Север, вмешиваясь в разговор.— Сегодня — один из самых легких дней, проведенных нами в подземелье.

— Верно,— кивнул Хэлдир,— и могу сказать, что чем меньше сил у нас будет оставаться, тем быстрее они станут убывать.

Маг говорил, а девушка поймала себя на мысли, что примерно этого и ожидала, только лучше бы ей не слышать объяснений.

— Пока мы вконец не обессилели,— продолжал тем временем маг,— и всеми не овладело безразличие, я предлагаю не тратить времени на сон, а подумать о том, как выйти из храма. Я просто уверен, что выход есть.

— Но ведь даже Зур Ган не сумел выбраться отсюда,— повторила Соня довод Севера.— Проклятый колдун располагал гораздо большим временем, чтобы тщательно изучить портал еще до того, как попал внутрь. А ведь ты говорил, что снаружи на заклинание можно воздействовать.

— Именно это и наводит меня на мысль, что должен быть и другой выход,— спокойно ответил Хэлдир.— Святилище ведь устраивали не ахеронцы,— продолжал он.— Они не знали его секретов, а когда при помощи демона проникли внутрь, не побеспокоились поискать их. Зато те, кто его создавал, не могли не позаботиться о том, чтобы иметь возможность бежать.

— Верно говоришь,— согласился Север и добавил одно из своих присловий: — Пока жив, должно надеяться.

Все вновь принялись за поиски, и каждый использовал те навыки и умения, которыми обладал. Стакул ходил вдоль стен и бил стальным кулачищем по янтарным плитам, но, расколов пару из них, понял, что обречен на неудачи и более того — грохотом только мешает девушке, которая делает в сущности то же самое, только тоньше и со знанием дела. Когда он уселся на место, Соня удовлетворенно кивнула. Она уже и сама хотела посоветовать ему не валять дурака. Хэлдир также очень скоро разуверился в успехе своих попыток: внутреннее пространство храма оказалось так плотно «напичкано» магией, излучаемой статуей богини Велисы, что помимо нее он различал только магический замок на входе.

Север же вновь погрузился в созерцание статуи прекрасной богини, чем вызвал кривую ухмылку не менее прекрасной воительницы.

Вожак же не видел ничего вокруг. Казалось, на него и впрямь каким-то неведомым образом воздействует магия ее обаяния. Он смотрел на ее чистый, светлый лик, на приветственно протянутые навстречу людям руки, на грациозное тело, на тонко очерченную линию крыльев, в то же время внушавших впечатление силы, и ему казалось, что весь ее облик наполнен

скрытыми символами, которые нужно только понять, и путь к спасению предстанет перед ними во всей своей простоте и доступности.

Постепенно ему начало казаться, что он и впрямь понимает смысл застывшего на ее лице выражения и искусно запечатленного безвестным скульптором ощущения порывистости в фигуре и жесте рук. Он перевел взгляд на маленький барельеф — уменьшенную копию статуи.

Она и там послужила ключом, и то, что алтарь оказался пуст, ничего не меняет.

Правда, приглядевшись повнимательнее, он увидел, что повторение не совсем точное — в мелочах изображения все-таки отличаются одно от другого. И все-таки он чувствовал, что если путь наружу существует, то он на него только вышел. Теперь предстоит решить, в какую сторону по нему шагать... Тоже вопрос не легкий.

Вожак вновь сравнил два изваяния. Обе богини замерли, вот-вот, казалось, готовые взлететь, и в то же время протягивали вперед руки одновременно призывным и требовательным жестом. Но что это дает? Если руки и зовут к себе или за собой, словно успокаивая, мол, нечего бояться, то требуют чего? На этот вопрос он не мог ответить.

— Я уверен, что дело в ней, — заявил Север, и Хэлдир кивнул.

— Я тоже так считаю, — согласился он. — В ней сосредоточена гигантская сила, но на что она направлена, я понять не могу.

— На вас она направлена! — язвительно заметила Соня. — Окажись на ее месте мужик, вы бы так не пилились!

Стакул расхохотался.

— А от слишком долгого любования и не такая дурь в голову ползет! — яростно сверкая глазами, продолжала девушка.

Вожак не проронил в ответ ни слова. Он давно привык, что, когда его подруга в таком настроении, лучше ей не перечить. Впрочем, и не замечать ее подчас не менее опасно. С другой стороны, может, она права, и он всего лишь принимает желаемое за действительное? Однако Хэлдир согласился с ним, но это мало что дает, ведь вопрос о том, что делать, так и остается пока открытым.

— Нужно войти внутрь, — негромко, но решительно заявил он, возвращаясь к однажды уже принятому, но отвергнутому решению.

— Нет, — снова остановил его Хэлдир, даже опередив Соню. — Только после того, как испробуем все остальное или положение не станет совсем отчаянным. К тому же ты все равно не представляешь, что делать дальше. Сперва реши для себя, зачем?

Север посмотрел поочередно на каждого из своих друзей и понял, что остался в меньшин-

стве. Вновь начались поиски, только на сей раз каждый сознавал, что усилия обречены на провал. После бессонной ночи они убили еще день и окончательно выбились из сил. Даже есть им приходилось заставляя себя, и после ужина они все-таки стали укладываться на ночлег, кто где сидел. Теперь уже и Хэлдир не противился связанной со сном потере времени, как бы мало его ни оставалось. Сам он тоже задремал, прислонившись к стене, Соня пристроилась рядом с Севером и, положив голову ему на плечо, мгновенно заснула. Вожак прижал ее к себе, но некоторое время еще не сводил со статуи богини глаз, словно пытался поймать ее взгляд, который должен был объяснить все. По крайней мере, так показалось Стакулу, и он оказался недалек от истины. Север в самом деле пытался поймать надоедливую мысль, которая, словно дразня, ускользала от него всякий раз, когда он уже думал: вот еще миг, и он ухватит птицу удачи за хвост.

Постепенно Севером овладела дремота, но перед его мысленным взором продолжали возникать одна за другой различные ипостаси богини, включая и напаянную на себя демоном личину. Неожиданно в памяти всплыла и сама четверка уродливых демонов, а вслед за ними и Гранринг, а за ним — то снятый со стены лук без тетивы, то разоренные алтари в потаенной комнатке.

Наконец заснул и он, и только Стакул продолжал бодрствовать. Казалось, ему не нужны ни еда, ни вода, ни сон, и трон Крови не имеет над ним никакой власти, но на самом деле это было не так.

Стальной Кузнец чувствовал, что и он уже не так силен, как прежде, но не испытывал по этому поводу сожалений.

«Обидно лишь,— думал он,— что смерть пришла именно теперь, когда Рок повернулся ко мне лицом. К сожалению, лишь на краткий миг.»

Они проснулись почти одновременно и совершенно разбитыми, словно и не отдыхали вовсе, а напряженно трудились всю ночь. Теперь даже Соня не рискнула оспаривать мнения Хэлдире о том, что трон Крови высасывает из них силы. Быть может, краткий сон даже ускорило дело.

— Нам нельзя больше спать...— заявила она хмуро, и маг кивнул, соглашаясь.

Он посмотрел на Севера, который, пристроившись на штабеле стальных панелей, рассматривал бесполезный лук. Как удобно он ложится в руку... Воин перевел взгляд на стену, где четыре торчавшие из камня руки держали его когда-то, и вдруг заторопился.

— Хватит сидеть! — От внезапно вспыхнувшего озарения он почувствовал неожиданный прилив сил.— Пора уходить!

— Ты что это такое задумал? — насторожилась Соня, сдерживая едва вспыхнувшую радость, чтобы не разочаровываться после.

— Может, все-таки не стоит торопиться? — задумчиво спросил Хэлдир.

— Хватит! — повторил Вожак. — Еще один такой день поисков и ночь «отдыха», и ни один из нас по утру на ноги подняться не сможет.

Только Стакул не произнес ни слова. Он просто забросил за спину мешок с книгами и инструментами, взял в одну руку молот, в другую — наковальню, и хотя еще накануне мог проделать это с легкостью, теперь такое усилие потребовало от него предельного напряжения сил. Он выпрямился, вопросительно глядя на Севера.

— Идем!

Вожак подхватил оставшиеся книги и свое оружие. Все одновременно вступили в искрящийся круг и замерли, вопросительно глядя на Севера: что теперь?

Ничего не говоря, Вожак опустил вещи на пол и взял лук в руки, в последний раз примериваясь к нему. Затем вложил оружие в верхнюю пару рук богини, и изгибы соединения рогов точно легли в ее ладони. Ничего не произошло, но это маленькое совпадение неожиданно придало людям сил. Север же взялся за концы рогов и потянул их вниз, чтобы завести за вторую пару широко расставленных рук.

Глядя на замершего в неимоверном напряжении воина, Хэлдир ругал себя последними словами.

Он помнил, скольких усилий стоило его молодому другу снять оружие со стены, а теперь смотрел на его спину и руки, покрывшиеся невообразимыми буграми могучих мышц, и как заклинание повторял про себя: «Давай... Давай... Ты можешь!». Мягко, почти беззвучно, оружие легло на предназначенное ему место, а Вожак едва не повалился на пол. Как только оружие оказалось в ладонях богини, руки ее сдвинулись, пусть не намного, но заметно, свечение ослабло и одновременно граница его стала непроницаемой для взгляда. Люди начали растерянно озираться, и даже Север на миг позабыл о навалившейся на тело боли.

Внезапно пол под ногами дрогнул, и Соня невольно подумала, что, похоже, сбываются худшие предположения. Статуя начала бледнеть на глазах, передавая уже ослепительное сияние стенам. Последним, что девушка увидела, перед тем как выступившие от непереносимо яркого света слезы окончательно застлали ей глаза, оказался лук в руках Севера со свисающей с одного рога, так же сияющей тетивой. Внезапно пол накренился и вздрогнул, заставив людей присесть, и Соня почувствовала, что все они падают в пропасть. Она уже не открывала глаз и думала только об одном:

пусть смерть, только бы без мучений. Все вокруг тряслось и грохотало, пол под ногами раскачивался и дрожал.

— Что происходит? — прошептала девушка, но вовсе не потому, что стремилась узнать ответ на этот вопрос. Скорее, даже наоборот — боялась услышать его.

— Что бы ни происходило, этого уже не остановить и не изменить, — услышала она слова Хэлдира.

— Я не верю, что может случиться что-то дурное, — отозвался Север.

— Счастливчик, — усмехнулась Соня и едва не откусила себе язык, когда последний, самый сильный удар заставил ее хищно шелкнуть зубами.

Сияющие стены взорвались, разбрасывая людей за свои пределы. Затем все стихло. Девушка не сразу поняла, что лежит на земле, а не на камнях, и только когда почувствовала ее терпкий запах, услышала, как поскрипывают сосны на несильном ветру, и ощутила на мокром от слез лице его ласковое дыхание, судорожно вздрогнула и резко открыла глаза, словно опасаясь, что ощущения обманывают ее.

— О, милый! Я тебя обожаю! — воскликнула она в следующий миг и бросилась на шею возлюбленному.

Хэлдир тихонько посмеивался, а Стакул дико тараторшил на пылающее, словно расплав-

ленный металл, золотое солнце, висевшее в ослепительно голубом небе, на стену сосен недалеко, на вывороченные каменные блоки и комья сырой земли. Он так давно покинул этот мир, и теперь смотрел на него будто впервые, заново открывая для себя его ширь и красу.

— А-а! Ха-ха! Кар-р! — Шалло резко спланировала прямо Соне на плечо. — Наконец Гайрам заткнется! — неожиданно радостным голосом сообщила она. — Лети, вор-рона! Ищи Вожака! Без Вожака не возвращайся! — ворчливо передразнила она туранца. — Петухом меня назвал! — раздраженно воскликнула птица. — Меня! Девушку!!!

Хэлдир сдержано улыбнулся: ну вот, вернулись. Как будто ничего и не произошло. Соня расхохоталась, а Стакул ошарашено смотрел на птицу, хотя и сам вызывал ничуть не меньшее удивление.

— Р-разбер-рись! — потребовала она и уставилась на Севера черными бусинками глаз.

— Хорошо, — с серьезным видом кивнул Вожак, прекрасно понимая, что лучше не спорить.

— А это что за чудак? — мгновенно успокоившись, поинтересовалась ворона, только теперь заметившая Стального Кузнеца.

— Птица... — Стакул выглядел сейчас настолько ошарашенным, что вовсе не казался ни страшным, ни грозным.

— Какой остр-рый ум в его стальном черепе! — нарочито восхитилась ворона, и Соня, не выдержав, прыснула в кулак.

— Это Стакул,— представил Вожак кузнеца.— И постарайся, Шалло, вести себя более уважительно: теперь вы будете часто видаться.

— Пр-ивет, Стр-ракул! — Она тут же переделала имя на свой лад.— Хочешь, с кр-рысой познакомлю? Кто это тебя р-раздел?

Вопросы так и сыпались из нее, и Север понял, что, если болтунью не остановить, она может зайти слишком далеко...

— Хватит трепаться! Нам нужны еда и кони. Так что давай... Девушка, лети!

— Ну, ну! — строго ответила она, но искушать судьбу не рискнула.— Никуда не уходи! Я скор-ро! — наказала ворона.

Резко взмахнув крыльями, она вспорхнула и, превратившись в черную точку, скрылась за верхушками сосен.

— Распустила ты ее...— добродушно проворчал Север, а Хэлдир только улыбнулся и молча посмотрел вслед улетевшей птице.

— А ты знаешь,— ответила Соня,— я рада, что она такая, что есть Задира, с которой она то и дело ругается, хоть и жить они друг без друга не могут, что с нами Гана и что эта тройца способна молоть чушь в положениях, когда мы до тошноты серьезны. И что есть рассудительный молчун — Вулоф.

Вожак рассеяно кивнул. Да, все так. Он понимал это сердцем, но сейчас даже его сильная воля не могла заставить мозг расслабиться и не думать о деле. Едва оказавшись наверху, он почувствовал: что-то произошло и, зная свою натуру, понимал, что не успокоится, пока не выяснит всего.

Первым из леса выскочил Вулоф.

— Едут...— коротко выдохнул он и уселся между Соней и Стакулом, недоверчиво поглядывая на чужака.

В отличие от него Стальной Кузнец и не собирался скрывать своего изумления. Только что он познакомился с болтливой вороной, а теперь увидел говорящего волка размером с тельца. Он откровенно рассматривал зверя, и Вулоф нервно переступал с лапы на лапу: привычный действовать скрытно, он не любил, когда на него смотрели в упор.

— Вулоф... Я...— наконец представился он, не выдержав.

— Стакул,— учтиво ответил сверкающий на солнце скелет,— или Стальной Кузнец.

— Пахнешь железом...— подтвердил Вулоф, успокаиваясь.

— У тебя тонкий нюх,— похвалил Стакул.— Я чувствую только цветы.

С этими словами он нагнулся, сорвал одинокую ромашку, поднес ее к тому месту на черепе, где когда-то находился нос, и вдохнул,

впитывая в себя давно забытый аромат. Соня отвернулась и прикрыла ладонью рот: против воли смех разбирал ее, и она боялась обидеть ненароком своего нового друга.

Стальной Кузнец заметил это, но не рассердился, а, скорее, смутился.

Несмотря на свою опытность, Хэлдир так и не понял, почему именно этим словом оценил его чувства, но, посмотрев еще раз на огромный стальной скелет, убедился, что это именно смущение. Быть может, и сам он представил, как должен выглядеть со стороны с цветком в металлических пальцах.

— Я уже и не верил по-настоящему, что когда-нибудь вновь увижу солнечный свет и всю эту красоту, — словно оправдываясь перед кем-то, сказал Стакул. — Зато теперь и умереть не жалко.

— Рано тебе помирать, — усмехнувшись, возразил старец. — Для тебя еще найдется достаточно дел. Говоришь, что любишь этот мир, так помоги сделать так, чтобы красота не погибла! Ведь силы Тьмы не отступят так просто...

— Да, конечно! — поспешно воскликнул кузнец. — Еще вчера я и помыслить не мог о таком счастье! Творить добро, да еще не в мрачном подземелье, а видеть свет солнца, слышать щебетание птиц, а главное — знать, что твоя работа нужна людям! Это ли не завидная судьба!

Быстро усилившийся перестук копыт конного отряда оборвал словоизлияния ошалевшего от радости скелета. Два десятка волков, больше походивших на лохматых зубастых бычков, выскочили из леса под предводительством Вилвы и, увидев людей, остановились. Следом появился десяток неоседланных коней, которых гнали полтора десятка всадников. Почти всех Соня знала в лицо, и с радостью узнала Гану, Гайрама и Вамматара. Увидев подругу, белокурая красавица обрадовалась и пустила своего коня к ней, но в следующий миг заметила Стального Кузнец и от неожиданности резко натянула поводья.

— Мое имя — Стакул, — в который уже раз за этот день представился кузнец и протянул девушке свой цветок. — Мне очень жаль, что напугал тебя, красавица.

— Ты мне это бр-р-ось! — каркнула вездесущая Шалло. — Знаю я вас... — ворчливо добавила она, но умолкла под осуждающим взглядом Сони.

Гайрам лишь мельком взглянул на странного незнакомца. Конь его еще не остановился, а туранец уже соскочил на землю и подбежал к Вожаку.

— Как удачно, — воскликнул он, — что ты появился так скоро! У нас почти не осталось времени... Но откуда ты взялся? Ведь вход в подземелья находится в лиге отсюда!

— Долго рассказывать,— отмахнулся Север и, увидев огорченное лицо туранца, добавил: — Если коротко — богиня Велиса спасла нас. Но что за спешка? — поинтересовался он.

— Тоже долго рассказывать,— усмехнулся Гайрам.— Если в двух словах — дело дрянь.

И он вкратце пересказал все, что произошло в Логове после возвращения Халимы. Он почти не сомневался, что в смерти Разары повинна Пифия. И это доказывает хотя бы то, что она исчезла из запертой изнутри комнаты в первую же ночь после приезда в Логово Саготы: видно, в Похиоле тоже заподозрили неладное...

— А может, старая колдунья расправилась с ней по-своему...— неуверенно предположил он, но Север нетерпеливо мотнул головой.

— Халима из тех, кто расставляет ловушки, а не попадает в них,— возразил он, и Вамматар, молча слушавший их разговор, кивнул.

— Значит, она сбежала,— согласился туранец.— Но перед бегством маленькая дрянь успела нагадить всем, кого ненавидела.

Север лишь пожал плечами: ничего другого он от нее и не ожидал. Гайрам сжато пересказал подслушанный разговор и добавил, что предпочел на всякий случай убраться подальше и побыстрее.

— Вот только что теперь делать, не знаю,— помрачнев, добавил он.— Сагота посчитала, что

все мы в сговоре. Нас ищут. Хорошо еще, что эти олухи в основном снуют вокруг пролома: ждут, когда вы подниметесь наверх.

— Что нам делать, ты только что сам сказал — не тратить времени попусту.— Вожак вопросительно посмотрел на Хэлдира, и тот, поняв, что имеет в виду его молодой друг, кивнул.— Я знаю место, где нас никто не сыщет,— продолжил он,— даже если все колдуны Ордена объединят усилия.

Они начали спешно нагружать коней книгами Хэлдира и инструментом Стакула.

— Пресветлый Митра! — невольно воскликнул Гайрам, пытаясь оторвать от земли молот Гнева. С превеликим трудом совсем не слабому человеку удалось поднять его на уровень пояса.— Зачем мы везем этот хлам? Его можно купить в любой кузне.

— Можно,— без тени раздражения ответил Стакул.— Если ковать собираешься гвозди да подковы. Этим же инструментом можно выковать такой меч, что обычный клинок он перерубит, как деревянную палку.

— Извини.— Гайрам с уважением, уже совсем другими глазами посмотрел на Стального Кузнеца.— Не знал.

Стакул оказался либо совершенно необидчив, либо слишком умен, чтобы обращать внимание на мелочи. К тому же, ему не хотелось ссориться с друзьями Севера.

Закончив приторачивать к седлам свои пожитки, он просто кивнул, принимая объяснения, и направился к выбранному коню.

— Давненько я не ездил верхом,— изрек он рокочущим басом, взбираясь на гнедого жеребца.

Воины, замершие в нескольких шагах от него, не знали, как воспринимать его слова, да и вообще как воспринимать этот скелет.

И только когда Соня вдруг заразительно рассмеялась, подхватили смех и долго не могли успокоиться. А Стакулу, казалось, доставляло невыразимое наслаждение оказаться в центре внимания нормальных людей, а не желтых уродов и зубастых коротышек.

— Да ты, браток, многое не делал давненько,— заметил Север, и Стальной Кузнец добродушно проворчал в ответ:

— И то верно...

От звука его голоса, конь испуганно заржал и присел на задних ногах, но кузнец осторожно похлопал его костлявой ладонью по холке и сказал:

— Что, страшно? Ничего, привыкай понемногу.

Отряд пустился вскачь. Шалло разведывала путь. Волки неслышно сновали по сторонам, время от времени возникая и тут же исчезая в никуда. Они давно миновали Усадьбу, счастливо избежав рыскавших вокруг патру-

лей, когда ворона уселась на плечо Севера и коротко каркнула:

— Погоня!

Проскользнуть не удалось, и началась гонка. Север тут же отказался от первоначального намерения отходить по Пограничному Королевству: на голой каменистой равнине они будут видны как на ладони. Пришлось огигать Великое Соляное Болото с юга, и хотя уходить по топким берегам Желтой реки с ее солоноватой водой никому не хотелось, но пришлось.

Воду расходовали бережно, но все в конце концов обошлось: никто не страдал от чрезмерной жажды. Зато переправившись на бритунский берег, и животные, и люди сполна вознаградили себя за воздержание. До сих пор они останавливались только на ночь да делали несколько коротких дневных остановок, чтобы дать возможность перевести дух коням и наспех перекусить, так что до переправы сумели оторваться от погони, а потому на левом берегу Желтой позволили себе день отдыха.

— Ты не боишься, что стоянка дорого нам обойдется? — спросила Соня.

— Вряд ли. Мы ведь направлялись на юг. Что нам искать в Бритунии?

После суточного отдыха вновь началась гонка. Что бы там ни говорил Север, но и он понимал, что не почувствует себя спокойно, пока не доберется до места. Ночью перед пос-

ледним броском Шалло улетела на разведку и к утру вернулась, принеся первое известие о рыскавших в лесах на севере Бритунии отрядах. Такая встреча не удивляла. Все в Логове знали, что в бритунских лесах у Вожака много друзей, и если его поджидают у выхода из подземелий, то должны стеречь и здесь. Еще через сутки их заметили несмотря на все предосторожности, и вновь началась погоня.

— Вперед! Вперед! — кричал Север, короткими жестами указывая направление.

Однако их настигали. Усталые кони не могли скакать так же быстро, как свежие скакуны преследователей, и погоня постепенно приближалась.

— Вперед! — вновь командовал Вожака, ибо давно уже они скакали не таясь, надеясь не ускользнуть, а прорваться.

Волки Вулофа, уже не убегали, а наоборот, прижимались к коням, но те не боялись, словно чувствовали в них не угрозу, а защиту. Огромные звери грозно рычали и скалились, без приказа не решаясь броситься на врага, которого уже чуяли, хотя еще и не видели.

— Вперед! — продолжал командовать Север, и хотя люди начали недоумевать, куда они направляются, ведь в этом месте нет прохода в горах, но, доверяя Вожаку, не роптали.

Наверное, их спасло то, что и ловцы рассуждали точно так же: беглецы сами себя за-

гнали в тупик и сдадутся без боя. Только Север, Соня да старец в островерхой шапке знали, что это не так. Как вихрь промчались они мимо заросших молодой еловой порослью развалин сгоревшей усадьбы Хэлдира и, не останавливаясь, направились напрямик к склону.

— Вперед! — крикнул Вожака в последний раз, и теперь все поняли, что ориентиром им служит странный камень, стоявший вертикально у подножия горы. — Идите точно за Хэлдиром — след в след! — велел он, соскакивая с коня и перекидывая поводья Гайраму. — Камни огибайте непременно с наружной стороны и тем же путем проводите коней.

— Они уже рядом! — предупредила, зависнув у него над головой, Шалло.

— Знаю, — ответил Север и вновь обратился к своим людям: — Ни на что не отвлекайтесь, ни на что не обращайтесь внимания — наверху мы будем в полной безопасности, — пообещал он.

Обещание звучало совершенно дико. Даже если предположить, что в горах тайно отстроена небольшая твердыня, все одно им долго не продержаться за ее стенами. Однако для покинувших Логово людей Север по-прежнему оставался Вожаком.

Он никогда еще не ошибался. Воины привыкли верить ему безоговорочно и потому без лишних слов начали подниматься по склону.

Где-то на уровне третьего камня высота оказалась такой, что, обернувшись, они увидели преследователей, с трех сторон приближавшихся к камню у подножия.

Те же, кто еще только скакал по лесу, увидели беглецов даже раньше. С воинственными кличами ринулись они вперед, смеясь в душе над глупцами, что следуют пешком по дурацкой извилистой тропе вместо того, чтобы сесть на коней и напрямиком направиться вверх, где, судя по всему, Вожак оборудовал себе нору...

Быть может, схожие мысли появились и у беглецов, а потому ни те, ни другие не обращали внимания на то, что Север, идущий последним, зачем-то нагибается возле каждого из камней и, поковыряв землю кинжалом, что-то достает и убирает в сумку.

...В том, что дело неладно, преследователи убедились очень скоро, когда фигуры беглецов подернулись знойным маревом и будто отдались.

Кто-то крикнул, что все дело в тропе, и погоня ринулась по склону, но люди Севера продолжали уходить в небытие, словно дорога, которой следовали беглецы и их преследователи, вела в разные места!

Происходило что-то непонятное, но страшное, ибо ловцы поняли, что ждет их, когда Сагота узнает о случившемся. Они будут молить о быстрой смерти, как о милости!

— Стреляйте в них! Стреляйте! — завизжали внизу, и Север спиной почувствовал, что его берут на прицел.

Он как раз присел у последнего у камней и кинжалом ковырялся в земле у его основания.

— Стреляй, что ты медлишь! — прорычал внизу предводитель, и тетива звонко щелкнула как раз в тот миг, когда Вожак разогнулся и шагнул вперед.

— Север! — Полный душевной муки голос Сони донесся сверху.

Болт, выпущенный из тяжелого арбалета яростно устремился в полет, но в то мгновение, когда тяжелое острие достигло спины человека, его силуэт бесследно растворился в прозрачном воздухе.

КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К.Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников** по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Приглашаем вас посетить московские магазины издательской группы "АСТ":

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601.	Арбат, д.12. Тел. 291-6101.
Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1903.	Татарская, д.14. Тел. 959-2095.
Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.	Луганская, д.7. Тел. 322-2822
2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.	

В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д.72, магазин №49. Тел. 272-90-31;
проспект Просвещения, д. 76. Тел. 591-20-70.

Книга-почтой в Украине: 61052, г. Харьков, а/я 46. Издательство «Фолио»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дмитрий Скирюк

**ОСЕННИЙ
ЛИС
*
СУМЕРКИ
МЕЧА**

Причудливый и противоречивый мир.
Здесь Лес говорит с человеком. Здесь
Гаммельнский крысолов под звуки дудочки
заманивает детей-колдунов.
Здесь радушный граф Дракула встречает
гостей в своем замке.
Здесь все переставлено с ног на голову - или
с головы на ноги? Кто знает...
Все может случиться в мире, где под осенней
луной танцуют рыжие лисы...

**Читайте захватывающие бестселлеры
Сидни Шелдона,
вышедшие в издательстве АСТ!**

«Гнев ангелов»
«Мельницы богов»
«Если наступит завтра»
«Пески времени»
«Узы крови»
«Звезды сияют с небес»
«Сорвать маску»
«Интриганка»
«Незнакомец в зеркале»
«Конец света»
«Оборотная сторона полуночи»
«Полночные воспоминания»
«Ничто не вечно»
«Утро, день, ночь»
«Тонкий расчет»
«Расколотые сны»

*Все эти и многие другие издания вы можете
приобрести по почте, заказав по адресу:*

107140, Москва, а/я 140.

**По этому же адресу издательство высылает
бесплатный каталог «Книги по почте»**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Марина и Сергей
Дяченко

СКИТАЛЬЦЫ

Впервые знаменитая эпопея фэнтези
публикуется в полностью!
Наконец вы сможете прочитать
долгожданный роман

"Авантюрист"

завершающий блистательную
трилогию:

"Привратник"

"Ифрам"

"Преемник"

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

НОВАЯ СЕРИЯ
СОВРЕМЕННЫХ СУПЕРБОЕВИКОВ
«ГОСПОДИН АДВОКАТ»

«Господин адвокат» — это новая серия романов Фридриха Незнанского, герой которой — коллега и соратник хорошо знакомого читателям Александра Турецкого, бывший следователь при Генеральном прокуроре России, а ныне член Коллегии адвокатов Юрий Гордеев.

Закулисные интриги и коррупция в судебной системе, «алиби правосудия», ложные обвинения и оправдательные приговоры преступникам, подкуп, шантаж, угрозы и заказные убийства — такова скрытая от постороннего глаза сторона обычных на первый взгляд процессов. Именно та сторона, с которой имеет дело «господин адвокат»...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте».

Издательство высылает бесплатный каталог.

**ФЭН-КЛУБ
«КОНАН»
В ИНТЕРНЕТЕ !**

Новинки серии
Анонсы будущих книг
Библиография «Саги о Конане»
Неизвестное об авторах
Путеводитель по Хайбории
Коллекция линков
Гостевая книга

<http://barbarian.agava.ru>

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

**КОНАН
КЛУБ**

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

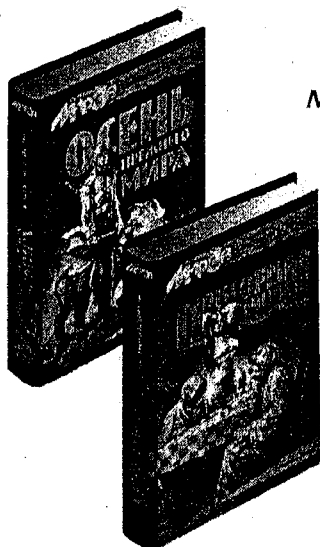
Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
Д. СКИРЮК

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА X

«ПАЛОМНИК»
НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

Литературно-художественное издание

Бейли Джордж

Рыжая Соня и кладовые тьмы

Руководитель проекта Д. Ивахнов
Составитель Н. Баулина
Художественный редактор И. Богданов
Верстка: Л. Андреева
Технический редактор В. Успенский
Корректор С. Митина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.07.2000.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Палатино». Печать офсетная.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 5000 экз. Заказ 2286.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем:
197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

САГА О РЫЖЕИ СОИЕ

РЫЖАЯ
СОИЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОИЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОИЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОИЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОИЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОИЯ
И СЛЕПОЙ
ВОГ

6

РЫЖАЯ
СОИЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОИЯ
И КРОВЬ
БЕДЫМЫ

8

РЫЖАЯ
СОИЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

РЫЖАЯ
СОИЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ

10

РЫЖАЯ
СОИЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

11

РЫЖАЯ
СОИЯ
И ЗОВ
АРЕНЫ

12

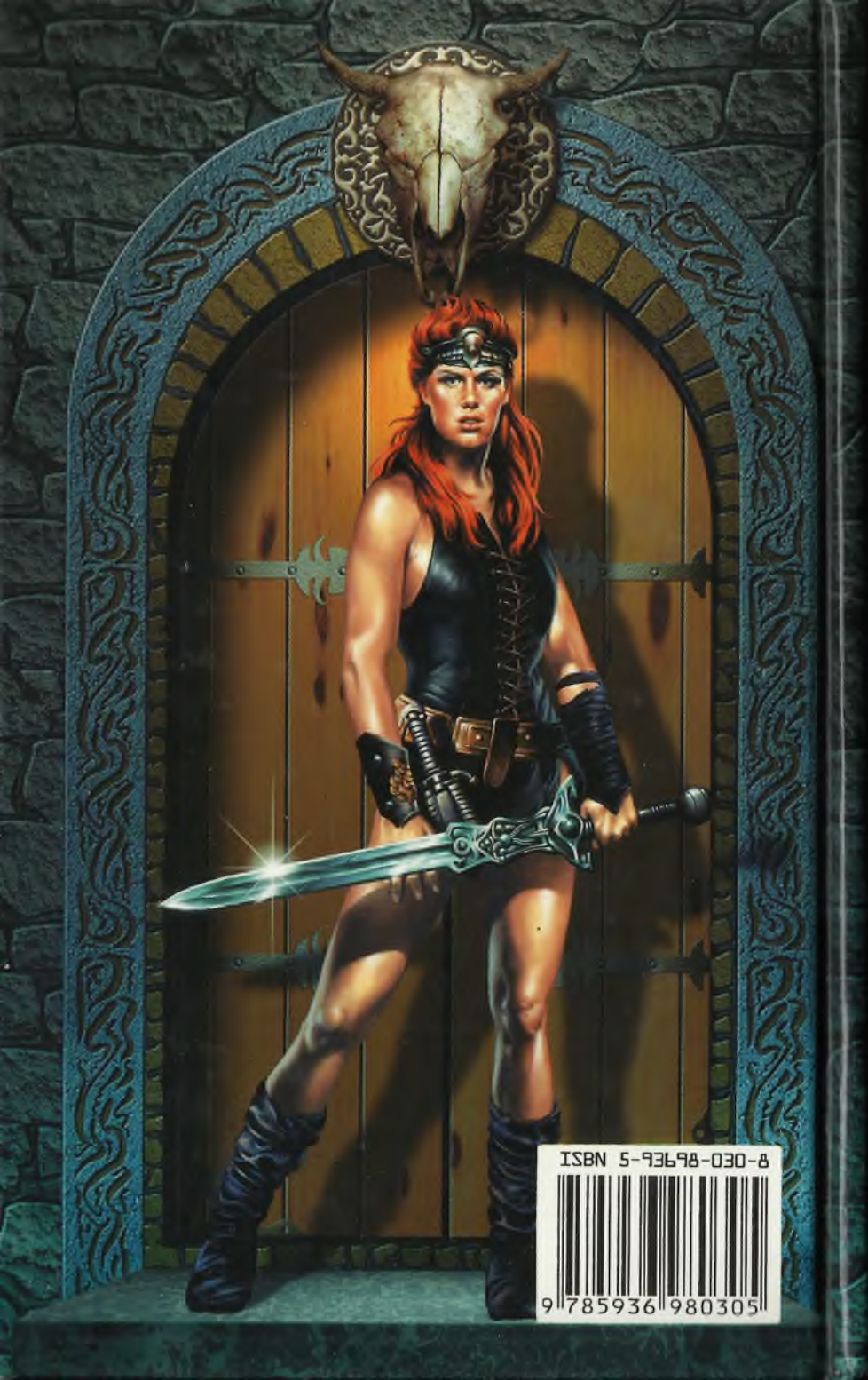
РЫЖАЯ
СОИЯ
И ПОДЗЕМЕЛЬЕ
ПИКФОНА

13

РЫЖАЯ
СОИЯ
И КЛАДОВЫЕ
ТЫМЫ

14

ISBN 5-93698-030-8

9 785936 980305